This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

iudi Smutnago Vremeni — Presniakov

CT 1213 P74 f

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЛЮДИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

Подъ редакціей
А. Е. Прѣснякова

Премія къ „Вѣстнику и Библіотекѣ самообразованія."

Брокгаузъ-Ефронъ
1905.

9(4Н)
1226/IV
Библіотека имени Г. Бѣлинскаго
14886
1908 г. № 133

Presniakov, A. E.
9(47)
П 937

РУССКАЯ ИСТОРІЯ
ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ
И ПОРТРЕТАХЪ

ЛЮДИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А. Е. ПРѢСНЯКОВА.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ
къ „ВѢСТНИКУ БИБЛІОТЕКѢ
САМООБРАЗОВАНІЯ“
на 1905 годъ.

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ

Екатеринбургская общественная библиотека

9(W7) XV - XVIII 192

CT1213
P74
+

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 28 Іюля 1905 г.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный, № 6.

Предисловіе.

Задумавъ дать своимъ читателямъ „Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ и портретахъ", редакція „Вѣстника и Библіотеки Самообразованія" поставлена въ необходимость начать эту серію съ Смутнаго времени, такъ какъ, только начиная съ этой эпохи, имѣются болѣе или менѣе достовѣрные портреты нашихъ историческихъ дѣятелей.

Портреты Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Гермогена и Филарета взяты изъ хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ рукописи: „Монархія Великаго Россійскаго царствія, великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ корень изъиде отъ превысочайшаго цесарскаго престола и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго Августа Кесаря обладающаго всею вселенною" (составлена была эта рукопись въ 1672 году.) Портреты Самозванца, Марины Мнишекъ, Михаила Скопина-Шуйскаго и Жолкѣвскаго заимствованы изъ книги Ровинскаго: „Матерьялы для русской иконографіи". Оба фантастическихъ изображенія Самозванца воспроизведены со старинныхъ гравюръ. При выборѣ портретовъ редакція руководилась ихъ художественнымъ или историческимъ значеніемъ. Вотъ почему, воспроизводя на ряду съ дѣйствительными портретами Самозванца его фантастическія изображенія, возникшія уже въ XVII вѣкѣ, пришлось отказаться отъ мысли дать портреты Палицына, Минина, Пожарскаго и др.; наиболѣе раннія изображенія всѣхъ этихъ лицъ существуютъ лишь въ произведеніяхъ художниковъ начала XIX вѣка, облекающихъ ихъ въ ложно-классическіе костюмы, — произведеніяхъ, по своей фальши и фантастичности даже не характерныхъ для данной эпохи.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

А. Е. Пресняков.

Въ два столѣтія—XIV-е и XV-е—незначительное Московское удѣльное княжество выросло въ обширное Московское государство, объединившее всю Великороссію. Въ XVI в. ближніе и дальніе сосѣди увидали въ Московіи сильное и обширное государство, побѣдоносно справившееся съ поволжскими татарскими цар-
ми, перекинувшее свою власть въ Сибирь, опаснаго врага
ланнаго союзника для западныхъ сосѣдей. Въ международ-
отношеніяхъ политическіе дѣятели Западной Европы стали
аться съ новой силой, имѣвшей неизбѣжное значеніе какъ
орьбѣ сѣверныхъ державъ за господство на Балтійскомъ
, такъ и въ народившемся Восточномъ вопросѣ, борьбѣ
гіанскихъ государствъ съ европейскимъ могуществомъ Турціи.

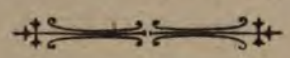
Но внѣшнее политическое значеніе казавшагося такимъ
ымъ молодого государства было куплено дорогой цѣной
овѣрнаго напряженія народныхъ силъ въ борьбѣ за свою
тоятельность противъ напиравшихъ со всѣхъ сторонъ со-
, и напряженіе это нарушило внутреннюю крѣпость и
вѣсіе народныхъ силъ и средствъ. Въ XVII-й вѣкъ Москов-
государство переходитъ въ состояніи глубокой внутренней
ы. Дальнѣйшая исторія показала, что эта Смута—только
исъ, пережитый богатымъ жизненными силами народнымъ
изномъ. Но кризисъ настолько болѣзненный и тяжелый,
аслужилъ отъ современниковъ названіе «великой разрухи».

Причины Смуты коренились глубоко въ самомъ строѣ
овскаго государства XVI вѣка. Въ ихъ основѣ лежало про-
ѣчіе между цѣлями, которыя должно было преслѣдовать
тельство, и средствами, какими оно располагало. Въ странѣ,
развитой въ экономическомъ отношеніи и сравнительно
рѣдко населенной, создать достаточную крѣпость государ-
ной самообороны, при сложныхъ международныхъ отноше-
, было возможно только съ большимъ трудомъ, и притомъ
доточивая въ распоряженіи правительства всѣ средства и
народныя. Оно и борется въ XVI в. за установленіе без-
ной власти, сокрушая всѣ исторически сложившіеся част-
и мѣстные авторитеты, какими отчасти оставались въ
ъ вотчинахъ потомки удѣльныхъ князей, бояре-княжата.
илегіи, какими пользовалась эта древне-русская родовая
ократія, претендовавшая, по мѣстническимъ обычаямъ, на
ю роль въ управленіи и въ царской думѣ, а по удѣль-
понятіямъ о землевладѣніи—на подчиненіе себѣ въ дѣлѣ
расправы и военной службы населенія своихъ вотчинъ,
сломлены бурей опричнины Грознаго. Уничтожая въ боярствѣ старое и привычное орудіе своей власти, старую и привычную опору своей военной силы, Московское правительство одновременно создаетъ взамѣнъ новую администрацію и новое войско, администрацію приказовъ и войско служилыхъ людей, дѣтей боярскихъ и дворянъ. Въ этомъ классѣ, вершину котораго составила новая придворная знать, сильная не родовитостью, а высокимъ служебнымъ положеніемъ и царскою милостью,—ищетъ опоры царская власть. Этотъ классъ оно стремится обезпечить помѣстьями и крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ, постепенно сводя на нѣтъ крестьянскую свободу и допуская закабаленіе крестьянъ помѣщикамъ. Но интересы помѣщиковъ часто противорѣчили интересамъ казны: дѣлясь съ служилыми людьми доходомъ съ крестьянскаго труда, она рисковала потерять источникъ своей финансовой системы при разореніи крестьянъ поборами и при обращеніи ихъ въ холоповъ, податей не платившихъ. Къ тому же потребность колонизировать Поволжье и южныя области, на югъ отъ Оки, заставляла правительство покровительствовать переселеніямъ земледѣльцевъ на новыя «украинныя» земли, наперекоръ и выгодѣ служилыхъ землевладѣльцевъ и податной исправности тяглаго крестьянства. Переселенческое движеніе вызвало сильный отливъ населенія изъ центральныхъ областей, что довело ихъ до тяжелаго сельско-хозяйственнаго кризиса.

Такъ, къ концу XVI в. Московское государство находилось въ періодѣ перестройки своихъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ отношеній, въ критическомъ состояніи всего своего строя. Сложный историческій процессъ вызвалъ глубокое броженіе и въ сознаніи русскаго общества. Столкновеніе противоположныхъ интересовъ, до-нельзя обострившееся и значительно усиленное нервно-торопливыми и кроваво-жестокими дѣйствіями Грознаго, привело къ двумъ главнымъ послѣдствіямъ: паденію правительственнаго авторитета, когда царь Иванъ «смяте люди вся» тѣмъ, что «всю землю яко сѣкирою на полы разсѣче» (на опричнину и земщину), и къ сознанію каждымъ общественнымъ классомъ своихъ особыхъ интересовъ, ярко сказавшемуся въ ихъ борьбѣ послѣ паденія династіи Рюриковичей. А это совпаденіе самаго остраго момента общаго соціально-политическаго кризиса съ прекращеніемъ династіи было послѣднимъ толчкомъ къ Смутѣ. Началась она сверху, борьбою разныхъ партій за престолъ, борьбою, которая не дала Борису Годунову укрѣпить шатающійся порядокъ на тѣхъ же основахъ, какія заложены были въ XVI в. Выдвинутый личными соперниками Годунова, первый Лжедимитрій побѣдилъ, въ сущности, при поддержкѣ низшаго слоя населенія, недовольнаго москов-

ской политикой, и родовитой знати, охотно измѣнившей опричнику-Годунову, увлекая за собою и служилыхъ людей, въ это время еще не сплотившихся въ особую политическую партію. Реакціонная—въ историческомъ смыслѣ этого слова—партія княжеской аристократіи свергла Самозванца и захватила власть въ свои руки при Шуйскомъ. Но противъ нея подымаются другія общественныя группы: закрѣпощаемое холопство и крестьянство, за которымъ стоитъ плоть отъ плоти его—козачество, подъ начальствомъ Ивана Болотникова, и враги бояръ, служилые люди, съ Прокопіемъ Ляпуновымъ. Разыгравшаяся соціальная борьба довела государство до полнаго разрушенія и до вмѣшательства въ судьбы Московскаго государства сосѣдей (Жолкѣвскій). Международныя осложненія ставятъ передъ этимъ государствомъ новую задачу: одновременно преодолѣть внутреннюю смуту и организовать національную самооборону. Послѣ крупныхъ, но неудавшихся попытокъ въ этомъ направленіи, связанныхъ съ именами Скопина-Шуйскаго, Гермогена, Ляпунова и отчасти Филарета, подымаются съ большою энергіей на защиту государственной самостоятельности и внутренняго порядка средніе классы, служилые и торговые люди, по почину Саввы Ефимьева и Минина, и подъ руководствомъ Минина и Пожарскаго счастливо рѣшаютъ свою сложную историческую задачу.

Эта задача—возрожденія государственнаго порядка, въ конецъ разрушеннаго смутой, и защиты родины отъ осилившаго ее внѣшняго врага—была разрѣшена путемъ содержательнаго политическаго творчества. Смутное время было поворотнымъ моментомъ въ исторіи московскихъ земскихъ соборов. До него—подъ этимъ именемъ разумѣлись простыя совѣщ московскаго правительства съ собственными агентами, созы мыми не по народному избранію и довѣрію, а по должности служебному положенію. Въ 1612 г. кн. Пожарскій созыв не такой «земскій совѣтъ», а общегосударственный земскій боръ выбранныхъ населеніемъ земскихъ представителей сословій. Этотъ «совѣтъ всея земли» былъ признанъ не то всею страной, но и шведами, которые начали съ нимъ говоры, какъ съ носителемъ верховной власти. Земскій со избралъ на царство Михаила Романова и сохранилъ въ по мѣрѣ свое значеніе, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, когда дѣла рѣшались царскимъ указомъ по всей земли приговору. по возвращеніи Филарета изъ польскаго плѣна положеніе бора начинаетъ измѣняться. Политика патріарха, правящ государствомъ отъ имени сына, кладетъ прочное основаніе установленію порядковъ приказнаго управленія и основан на закрѣпощеніи всѣхъ сословій общественнаго строя. Торж ство этихъ порядковъ и этого строя при царѣ Алексѣѣ хайловичѣ естественно сопровождалось исчезновеніемъ земск соборовъ, когда они попытались вступить въ борьбу съ дившейся въ новой силѣ приказной, бюрократической ср ставшей «средостѣніемъ» между властью и обществомъ. «инстинктивно—по выраженію проф. Платонова—потянул къ тому, что называется законодательной инициативой».



Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ.

Изъ „Очерковъ исторіи Смуты“ проф. С. Θ. ПЛАТОНОВА.

Въ началѣ великой исторической эпохи Смутнаго времени во главѣ правленія Московскимъ государствомъ стоялъ Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ. Родился онъ около 1551 г. и принадлежалъ къ роду, который происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, выѣхавшаго изъ орды на службу къ Іоанну Даниловичу Калитѣ (1330 г.). Родъ Годуновыхъ сравнительно высоко стоялъ по мѣстническимъ боярскимъ счетамъ. Самъ Борисъ началъ службу при особѣ царя Іоанна Грознаго: въ 1510 г. состоялъ при царскомъ саадакѣ (лукъ и колчанъ со стрѣлами). Женитьба на дочери царскаго любимца, Григорія Лукьяновича Малюты-Скуратова, Маріи, должна была укрѣпить его придворное положеніе тѣмъ болѣе, что и служилъ онъ въ опричнинѣ. Въ 1580 г. царь Іоаннъ выбралъ сестру Бориса, Ирину, въ невѣсты сыну своему, царевичу Θеодору, а Борису было тогда сказано боярство. Но ни при жизни царя Іоанна, ни въ первое время послѣ его кончины, Годуновъ не игралъ видной роли, отступая на второй планъ передъ Никитой Романовичемъ Юрьевымъ (Захарьинымъ). Въ первые мѣсяцы по смерти Грознаго (18 марта 1584 г.) Н. Р. Юрьевъ и былъ настоящимъ руководителемъ царя Θеодора и всего государственнаго правленія. Но уже въ августѣ 1584 года болѣзнь лишила Никиту Р новича силъ, а въ апрѣлѣ 1585 года свела его въ мог Передъ смертью онъ ввѣрилъ Борису попеченіе о своей се и взялъ съ него клятву на вѣрность «завѣщательному со дружбы» съ молодыми Романовыми; Борисъ сталъ во гл боярскаго круга, имѣвшаго главное вліяніе въ царскомъ дв и, поддержанный этимъ кругомъ, осилилъ всѣхъ соперник Сперва пострадали Головины, потомъ испыталъ царскую о старѣйшій изъ бояръ И. Θ. Мстиславскій. Одни Шуйскіе п должали противиться Годунову—и въ 1587 г. боярская со была вынесена изъ дворца: въ Москвѣ произошло уличное д женіе, направленное противъ господства Годуновыхъ. Это бы очень крупное дѣло, захватившее всѣ слои московскаго насел нія, отъ митрополита Діонисія и знатныхъ бояръ до простых служилыхъ людей и торговаго посадскаго люда Царю били ч ломъ, чтобы онъ всю землю своей царской державы пожа валъ: принялъ бы, ради царскаго чадородія, второй бракъ, царицу перваго брака, Ирину Θеодоровну, отпустилъ бы въ н ческій чинъ. Движеніе это не удалось и повлекло за со большой розыскъ: главными виновниками были признаны Шу скіе. Ихъ вмѣстѣ съ сообщниками разослали въ ссылку, а им щество конфисковали. Къ лѣту 1587 г. Годуновъ сталъ си

Царь Великій князь
Борис Ѳеодоровичь
всеа Русіи

нимъ человѣкомъ во дворцѣ и государствѣ. Онъ титуловался альнымъ бояриномъ и совѣтникомъ царскаго величества», омъ развилъ этотъ титулъ въ пышную оффиціальную фор- : «царскій шуринъ и правитель, слуга и конюшій бояринъ, ровый воевода, и содержатель великихъ государствъ, цар- Казанскаго и Астраханскаго», причемъ послы объясняли ранцамъ, что великія государства, Астрахань и царство ское, дѣйствительно даны въ обдержанье царскаго вели- а шурину, и что онъ стоитъ выше всѣхъ царей и царе- й, и королевичей и государскихъ дѣтей, которые великому арю служатъ.

Выражая титуломъ и словесными объясненіями мысль о что Борисъ стоитъ внѣ обычнаго порядка московскихъ ебныхъ отношеній и руководитъ имъ сверху, какъ прави- московское правительство, руководимое Борисомъ, позабо- ъ выразить ту же мысль и дѣломъ. Въ 1588—89 гг. съ побудилъ царя постановить съ боярами рядъ приговоръ для него чрезвычайно важныхъ: ему предоставлено было участвовать въ сношеніяхъ съ иностранными дворами въ ствѣ высшаго правительственнаго лица, отъ собственнаго и, и въ Посольскомъ приказѣ заведены особыя «книги, а въ писаны ссылки царскаго величества шурина» съ иностран- правительствами. Эти приговоры превратили Бориса въ та государства. А сложный этикетъ, заведенный имъ при венномъ «дворѣ», и окончательно закрѣпилъ за нимъ исклю- ьное правительственное положеніе. Иностранные послы, жавшіе въ Москву, представлялись Борису съ большою ественностью. Церемонія ихъ встрѣчи на Борисовомъ дворѣ, тавленія Борису, отпуска и посылки отъ Бориса «кормовъ» мъ была точною копіею царскихъ пріемовъ. Борису «являли» въ его люди: встрѣчалъ на лѣстницѣ «дворецкой» Богданъ овъ, въ комнату вводилъ «казначей» Девятой Аѳанасьевъ, комнатѣ сидѣли «отборные немногіе люди въ нарядѣ, въ ѣ въ золотномъ и въ чѣпяхъ золотыхъ», остальные же и «отъ воротъ по двору по всему, и по крыльцу, и по мъ и въ передней избѣ». Послы приносили Борису по- и и величали его «пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ» и свѣтлымъ величествомъ». Самое обращеніе пословъ къ Бо- оффиціально разсматривалось какъ челобитье «съ вели- прошеніемъ», чтобы онъ ходатайствовалъ у царя о дѣлѣ, ло это дѣлалось «по повелѣнію великаго государя, а по азу царскаго величества шурина». Словомъ, всѣмъ дава- понять, что Борисъ есть истинный носитель власти въ вѣ. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Ѳеодора Іоанновича, мъ образомъ, было временемъ формальнаго правленія Бо- а не только его придворнаго фавора. Такъ постепенно и о овладѣвалъ Борисъ властью въ государствѣ и такъ укрѣ- ъ свое преобладаніе въ правительственной средѣ. «Власто- авное правительство» Бориса было узаконено и оформлено. , кто не былъ доволенъ успѣхами «правителя», остава- лишь негодовать на него и тайно его осуждать. Явная ба съ нимъ была невозможна: для нея не было законныхъ твъ. Къ тому же ни у кого не было и силъ для борьбы. ство не могло оправиться отъ опричнины и отъ репрессій и 1587 годовъ, и Борисъ безраздѣльно «правилъ землею ю великаго государя». Однако, если бы придворное его ніе было слѣдствіемъ только ловкой интриги и угодничества, бы оно не опиралось на большой правительственный та- ъ, оно не было бы такъ глубоко и прочно. Но, безъ сомнѣнія, Борисъ обладалъ крупнымъ политическимъ умомъ и превосходилъ личными своими качествами всѣхъ своихъ соперниковъ. Его ума не отрицали даже его враги. У всѣхъ иностранцевъ, писавшихъ въ то время о московскихъ дѣлахъ, мы обыкновенно читаемъ панегирики талантамъ Бориса. Русскіе писатели XVII вѣка въ ихъ отношеніяхъ къ Борису представляютъ любопытнѣйшій предметъ для наблюденій. Они писали свои отзывы о Борисѣ уже тогда, когда въ Архангельскомъ московскомъ соборѣ была поставлена рака съ мощами царевича Димитрія, и когда правительство Шуйскаго объявило, что царевичъ Димитрій стяжалъ нетлѣніе и даръ чудесъ неповиннымъ своимъ страданіемъ именно потому, что пріялъ закланіе отъ лукаваго раба своего Бориса Годунова. Власть объявляла Бориса святоубійцею, церковь слагала молитвы новому страстотерпцу, отъ него пріявшему смерть; могъ ли рискнуть русскій человѣкъ XVII вѣка усомниться въ томъ, что говорило «житіе» царевича, и что онъ слышалъ въ чинѣ службы новому чудотворцу? Но житія царевича Димитрія происходятъ изъ повѣсти о времени Бориса Годунова и перваго самозванца, политическаго памфлета, составленнаго въ 1606 г. преданнымъ Шуйскому авторомъ. Знаменательнѣе и важнѣе для историка двѣ особенности въ изложеніи дѣлъ Бориса независимыми и самостоятельными русскими писателями XVII вѣка: во-первыхъ, они всѣ неохотно и очень осторожно говорятъ объ участіи Бориса въ умерщвленіи царевича Димитрія, а, во-вторыхъ, они всѣ славятъ Бориса какъ человѣка и правителя. Характеристика Бориса у нихъ строится обыкновенно по красивой антитезѣ добродѣтелей Бориса, созидающихъ счастье и покой Русской земли, и его роковой страсти властолюбія, обращающей погибель на главу его и его ближнихъ. Притомъ сказанія, осуждающія Бориса, не умѣютъ согласно передать обстоятельствъ убійства Димитрія и заключаютъ не мало противорѣчій, а наиболѣе враждебныя и явно клевещутъ, приписывая Борису поджогъ Москвы въ 1591 г., отравленіе царя Ѳеодора и дочери его Ѳеодосіи. Малая историческая цѣнность житій и прочихъ сказаній объ убіеніи царевича даетъ намъ право устранить совсѣмъ углицкій эпизодъ 1591 года изъ нашей рѣчи о возвышеніи Бориса. Для наблюдателя, освободившагося отъ привычныхъ, хотя и мало обоснованныхъ взглядовъ на московскія дѣла тѣхъ временъ, совершенно ясно, что въ исторіи Годунова до его воцаренія углицкія происшествія играли очень малую роль. Смерть царевича, законность котораго, какъ сына едва ли не седьмой жены Грознаго, была спорной, не ведетъ къ какимъ-либо замѣтнымъ шагамъ, не мѣняетъ его позиціи, какъ ранѣе существованіе этого государева брата съ его роднею не мѣшало Борису добиваться исключительнаго положенія у власти. Пока не пущенъ былъ слухъ о томъ, что царевичъ Димитрій избѣжалъ смерти, кончина его мало кому была памятна. Въ свое время посудили о ней, даже заподозрѣли въ ней руку Бориса, но и предали дѣло забвенію. Не убіеніе царевича Димитрія, а болѣзнь и смерть царевны Ѳеодосіи Ѳеодоровны, послѣдовавшая 25 января 1594 года, открыли Борису путь къ престолу. Конецъ династіи сталъ явенъ, и Годуновъ, наблюдая постепенное угасаніе жизненныхъ силъ «изнемогавшаго» царя, готовился къ неизбѣжной развязкѣ. Къ этому времени относится любопытное осложненіе этикета при «дворѣ» царскаго шурина. Если не ошибаемся, не позднѣе 1595 года рядомъ съ именемъ Бориса начинаетъ упоминаться имя его сына, а самъ Ѳеодоръ Борисовичъ показывается какъ дѣйствующее лицо въ

церемоніяхъ. Когда Борисъ посылаетъ подарки шаху, Θеодоръ посылаетъ подарокъ шахову сыну. Въ 1597 году Θеодоръ Борисовичъ встрѣчаетъ цесарскаго посла «среди сѣней», даетъ ему руку и ведетъ къ отцу. Въ этомъ привлеченіи мальчика въ сферу политическихъ отношеній можно видѣть знакъ тонкой предусмотрительности Годунова: задолго до воцаренія онъ уже намѣренъ былъ видѣть въ сынѣ преемника своего положенія и власти, возможнаго продолжателя «царскаго кореня». Годунову открывался путь къ престолу: надобно было идти по этому пути твердо и увѣренно, не допуская никого опередить себя. А между тѣмъ были люди, которымъ воцареніе Бориса не могло быть пріятно, и они, съ своей стороны, принимали мѣры. Есть извѣстія, что московскіе вельможи уже въ концѣ 1593 года обсуждали потихоньку планъ возведенія на престолъ австрійскаго эрцгерцога Максимиліана. Но Москва—въ тишинѣ ожидала развязки необычайнаго положенія. Всѣмъ было понятно, что послѣ смерти царя за его вдовою, царицею Ириною, должны были сохраниться права на власть, и никто не зналъ, пожелаетъ ли она ими воспользоваться, или нѣтъ. Съ другой стороны, въ послѣдніе годы царствованія Θеодора Борисъ такъ хорошо владѣлъ положеніемъ, что ни для кого не оставалось возможности открытаго съ нимъ состязанія.

Въ Крещеньевъ вечеръ 1598 года царь скончался. На всѣхъ государствахъ его царствія осталась государынею его супруга Ирина Θеодоровна, которой тотчасъ же весь «царскій синглитъ», съ ея братомъ правителемъ Борисомъ во главѣ, принесъ присягу въ присутствіи патріарха. Но Ирина, мучимая сознаніемъ, что ею единою «царскій корень конецъ пріятъ», не пожелала остаться на престолѣ и ушла въ монастырь. Въ Москвѣ открылось междуцарствіе, и началось исканіе царя. Оффиціальное обсужденіе вопроса было отложено до «сорочинъ» по усопшемъ царѣ. До тѣхъ же поръ въ государствѣ сохранялся временный порядокъ управленія, свидѣтельствующій о томъ, что и въ безгосударное время Москва могла быть крѣпка дисциплиною.

По смерти царя немедленно закрыли границы государства, никого чрезъ нихъ не впуская и не выпуская. Не только на большихъ дорогахъ, но и на тропинкахъ поставили стражу, опасаясь, чтобы никто не вывезъ вѣстей изъ Московскаго государства въ Литву и къ нѣмцамъ. Избраніе царя должно было совершиться не только безъ посторонняго участія и вліянія, но и втайнѣ отъ постороннихъ глазъ.

Врядъ ли кто изъ серьезныхъ писателей рѣшится теперь повторять, по поводу избранія Годунова въ цари, старыя обличенія, столь горячо обращенныя на самого Бориса и на патріарха Іова прежними историками. Можно считать окончательно оставленнымъ прежній взглядъ на царское избраніе 1598 г., какъ на грубую комедію, и на земскій соборъ, избравшій Бориса, какъ на игрушку въ рукахъ лукаваго правителя. Послѣ извѣстнаго изслѣдованія В. О. Ключевскаго не остается сомнѣнія въ томъ, что составъ земскаго собора 1598 года былъ нормаленъ и правиленъ. Соборъ составленъ былъ такъ, какъ указывала традиція, по тому типу, какой былъ данъ соборомъ 1566 года, съ значительной полнотою представительства, но «представительства по служебному положенію, а не по общественному довѣрію»: масса представителей явилась на соборъ въ силу своего должностного положенія во главѣ служебныхъ или торгово-промышленныхъ организацій. Подобное представительное собраніе—какъ бы мало, на нашъ взглядъ, оно ни отражало дѣйствительное настроеніе общества—все-таки признавалось законнымъ выразителемъ общественныхъ настроеній и мнѣній. Если мы удостовѣримся въ томъ, что соборъ 1598 сознательно и свободно высказался въ пользу избранія Бориса, мы должны будемъ счесть его возведеніе на пре законнымъ и правильнымъ актомъ народной воли. Съ фор ной стороны именно такъ и было. Соборъ, въ нормал составѣ, руководимый патріархомъ, единогласно нарекъ нова царемъ и многократными просьбами и настояніями вы его принять избраніе. Оставаясь при новомъ царѣ въ т весны и лѣта 1598 года, сопровождая его въ походѣ прота таръ къ Серпухову, соборъ закончилъ свою дѣятельность жденіемъ избирательной грамоты 1-го августа, въ которо борное избраніе опять-таки представлено было единодуш и единогласнымъ. Почти 500 подписей, находящихся на грамотѣ, свидѣтельствуютъ намъ, что грамота эта бы своевольною поддѣлкою «лукавыхъ рачителей» Бориса, ствительнымъ актомъ правильной соборной дѣятельности. возможности сомнѣваться, что оффиціальная сторона цар избранія была обставлена такими формальностями, ко обезпечивали избранію непререкаемую законность. Частны сковскія извѣстія также говорятъ о томъ, что Борисъ избранъ единодушно, съ одной стороны, потому, что народ дѣлъ его разумное правленіе, а съ другой, потому, что умѣлъ устроить свое избраніе, однихъ ульстивъ, другихъ купивъ, третьихъ застращавъ. Извѣстія иностранныя—по и нѣмецкія по преимуществу—даютъ, однако, интересны дѣнія о происходившей избирательной борьбѣ. Главными тивниками Годунова были Романовы и Богданъ Бѣльскій. слѣдній мало имѣлъ значенія, и борьба за престолъ шла, нымъ образомъ, между Борисомъ Годуновымъ и Θеодором китичемъ Романовымъ. Романовы стояли высоко и твер средѣ московскихъ бояръ сплоченною и многолюдной се вокругъ которой собралось много другихъ близкихъ по р и свойству семей. Въ качествѣ давней государевой родни должны были считать себя ближе къ престолу и дин чѣмъ Годуновы, недавно породнившіеся съ царскою се Когда начались въ Москвѣ разговоры о томъ, кому су наслѣдовать царское достоинство, противопоставленіе Р выхъ и Годуновыхъ стало неизбѣжно и должно было вес разрыву старой дружбы. Опора Романовыхъ была въ прид знати, и потому самый составъ собора 1598 г., на ко прошла въ большомъ числѣ московская знать, чуждая ждебная Борису, и въ незначительномъ количествѣ—тѣ с слои общества, въ которыхъ Борисъ былъ популяренъ, дуетъ, разсуждая отвлеченно, признать мало благопріят для Бориса и во всякомъ случаѣ менѣе благопріятнымъ, для Романовыхъ. И если соборъ отдалъ вѣнецъ Борису— тому, что былъ приведенъ къ убѣжденію въ необходимости поступить.

Но борьба за престолъ велась не только въ перв дѣли послѣ кончины Θеодора, но и въ продолженіе всей 1598 г., уже послѣ того, какъ Борисъ былъ нареченъ ц Когда не удалось направить выборъ земскаго собора на лицо, помимо Годунова, противники Бориса вспомнили о ствованіи бывшаго когда-то во власти «великаго князя Руси» Симеона Бекбулатовича, «земскаго» правителя во опричнивы, и выдвинули его имя противъ Бориса. П ствіемъ этой интриги была новая редакція присяги н ность Борису: въ текстъ ея было вставлено обязательст хотѣть на царство «царя» Симеона Бекбулатовича. О было другое орудіе агитаціи противъ Годунова: попытка

его въ смерти царевича Димитрія. Въ 1598 году по-
ся разсказъ, совершенно невѣроятный по фабулѣ, но очень
ый для характеристики минуты, обвинявшій Бориса въ
что онъ измѣною убилъ Димитрія, а великаго князя от-
ъ, желая самъ сдѣлаться великимъ княземъ. Въ ссорѣ
а этихъ обвиненій, Ѳеодоръ Романовъ будто бы бросился
одунова съ ножомъ, но его не допустили. Тотъ же раз-
обвинялъ Бориса въ намѣреніи, если его не изберутъ въ
выдать за Димитрія какого-то своего друга, во всемъ очень
каго на Димитрія.

Значитъ, еще Борисъ не сталъ царемъ, а идея самозван-
уже бродила въ умахъ, и на Бориса падало обвиненіе въ
ти царя Ѳеодора и его брата царевича. Въ разсказѣ о Ди-
іи Годунову отводится самая черная роль, и, наоборотъ,
ръ Никитичъ выступаетъ въ качествѣ благороднаго мсти-
Это намекаетъ намъ, въ чью пользу составленъ былъ
азъ, и съ какою цѣлью онъ распространялся.

Понятно, что, вступая на престолъ при такихъ обстоя-
твахъ, Борисъ такъ дорожилъ торжественною формально-
при своемъ избраніи и вѣнчаніи на царство, пышнымъ
омъ избирательной грамоты, мелочною предусмотритель-
ю текста присяги, который кончался фразой, обрекавшей
лятію всякаго, кто преступилъ бы вѣрность царю Борису.
уя знаковъ вѣрности отъ своихъ новыхъ подданныхъ, царь
съ, кажется, и съ своей стороны далъ имъ нѣкоторыя
анія. Въ XVII вѣкѣ жили неопредѣленныя объ этомъ вос-
нанія, которыхъ пока нельзя ни отвергнуть, ни разъ-
ть. Такъ, разсказывали, что, «какъ-де Бориса выбирали на
овское государство, и онъ-де въ тѣ поры передъ всѣмъ
омъ клялся, что ему другу не дружить, а недругу не
ть». Не простою подозрительностью и мелочностью вызваны
всѣ эти предосторожности, но условіями воцаренія Бориса.
ій царь, вступая на царство, зналъ, что не всѣ одинаково
ютъ ему повиноваться.

Если же Борисъ достигъ престола при такихъ условіяхъ,
ричина должна лежать въ такихъ чертахъ его дѣятель-
и, которыя подкупали въ его пользу общественное мнѣніе.
ѣйствительно, роль, выпавшая на долю Бориса въ государ-
, была чрезвычайно трудна, но симпатична. Судьбы страны
ли въ его распоряженіе въ ту минуту, когда правительство
но было признать, что Московское государство и общество
живаютъ тяжелый кризисъ. Надобно было умиротворить
ну, потрясенную политикою Грознаго и экономическимъ
гройствомъ, возстановить земледѣльческую культуру въ
тѣвшемъ центрѣ, устроить служилый людъ на его обез-
вшихъ хозяйствахъ, облегчить податное бремя для платя-
массы, смягчить общественное недовольство и вражду между
ичными слоями населенія. Въ такомъ направленіи и дѣй-
етъ Борисъ. При немъ правительство стремится усвоить
е мягкіе пріемы дѣйствія и обращенія. Самъ правитель
новъ хвалится тѣмъ, что водворилъ вездѣ порядокъ и пра-
діе, что «строеніе его въ землѣ таково, каково николи не
ло: никто большой, ни сильный никакого человѣка, ни
го сиротки не изобидятъ». Разумѣется, это риторика; но
ь знаменательно, послѣ оргій Грознаго, что правитель вмѣ-
ъ въ честь и заслугу себѣ гуманность и справедливость;
вѣтливость, мягкость и любезность Бориса въ личномъ об-
еніи засвидѣтельствованы многими современниками. Осо-
о характеристиченъ для него одинъ жестъ, обратившійся
его въ привычку,—браться за жемчужный воротъ рубашки
и говорить, что и этою послѣднею готовъ онъ подѣлиться съ
тѣмъ, кто въ нуждѣ и бѣдѣ. При своемъ вѣнчаніи на царство,
Борисъ въ порывѣ чувства и, очевидно, неожиданно для всѣхъ
вспомнилъ свой обычай: схватился за «верхъ срачицы» и ска-
залъ патріарху, что онъ «и сію послѣднюю раздѣлитъ со всѣми».
И можно думать, что «свѣтлодушіе» и обходительность Бориса
не были только лукавою личиною. И какъ правитель, и какъ
царь, онъ много поработалъ для бѣдныхъ и обиженныхъ. Онъ
широко благотворилъ, заботился о правосудіи, защищалъ сла-
быхъ, искоренялъ произволъ и безпорядокъ. Въ грамотахъ Бо-
рисова времени ярко выступаетъ его стремленіе къ облегченію
народныхъ тяготъ. Особенно ясно сказалось оно при воцареніи
Бориса, когда онъ служилымъ людямъ «на одинъ годъ вдругъ
три жалованья велѣлъ дать», а съ земли со всей никакихъ
податей брать не велѣлъ, и гостямъ и торговымъ людямъ всего
Россійскаго государства въ торгахъ повольность учинилъ. Трудно,
конечно, рѣшать, гдѣ въ подобныхъ мѣрахъ кончалась искрен-
няя и серьезная забота о народномъ благѣ, и гдѣ начиналась
погоня Бориса за личнымъ успѣхомъ. Но не подлежитъ спору,
что подъ управленіемъ Бориса, по согласному мнѣнію совре-
менниковъ, страна испытала дѣйствительное облегченіе. Русскіе
писатели говорятъ, что въ правленіе царей Ѳеодора и Бориса
Богъ «благополучно время подаде»: московскіе люди «начаша
отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити»,
«свѣтло и радостно ликующе», «и всѣми благинями Россія цвѣ-
тяше». Иностранные наблюдатели также отмѣчаютъ, что поло-
женіе Московіи при Борисѣ улучшалось, населеніе успокаива-
лось и прибывало, упавшая при Грозномъ торговля расширя-
лась и росла. Страна отдыхала отъ войнъ и жестокостей Гроз-
наго и чувствовала, что правительственный режимъ круто из-
мѣнился къ лучшему.

Однако, положеніе дѣлъ было такъ сложно и запутано,
что его нельзя было привести въ порядокъ одною кротостью и
щедростью. Слишкомъ далеко разошлись интересы разныхъ
общественныхъ группъ, слишкомъ большая вражда легла между
ними. Крупный и льготный землевладѣлецъ, монахъ-землеста-
жатель, средній и мелкій разоренный помѣщикъ, застарѣвшій
на частной землѣ крестьянинъ, гулящій человѣкъ, козакующій
на полѣ,—все это взаимные недруги, которыхъ нельзя ни поми-
рить, ни одновременно удовлетворить. Тройное жалованье однимъ,
возвращеніе льготъ и тархановъ другимъ, прощеніе недоимокъ
и даней третьимъ — это очень важныя, но не коренныя мѣры:
онѣ облегчали, но не исправляли положеніе, не уничтожали
вражды. И самъ Борисъ долженъ былъ понимать, что прави-
тельство не можетъ угодить всѣмъ одинаково. Для достиженія
собственныхъ цѣлей, для поддержанія порядка въ странѣ и для
сохраненія боевыхъ своихъ средствъ оно должно было, не сливая
своего интереса съ интересами одной какой-либо общественной
группы, поддерживать каждую изъ нихъ, когда ея стремленія
совпадали съ правительственными, и, напротивъ, бороться съ ними,
когда ихъ желанія не соотвѣтствовали правительственнымъ.

Какъ ни велико было желаніе Бориса завладѣть народ-
нымъ расположеніемъ, все-таки положеніе, въ какое онъ поста-
вилъ себя по отношенію къ различнымъ слоямъ общества, далеко
не всегда бывало примирительнымъ. Прежде всего въ отноше-
ніяхъ къ княжеской знати онъ оставилъ въ силѣ и дѣйстві
ту систему Грознаго, которая была направлена противъ княжат
и которую мы въ просторѣчіи зовемъ ея первоначальнымъ и
немъ опричнины. Въ этомъ отношеніи Годуновъ оказался вѣ
нымъ ученикомъ Грознаго и, продолжая отстранять отъ вліяні

Екатеринбургская Библіотека имени В. Г. Белинского

«великородныхъ» людей, давалъ ходъ «худороднымъ». Идея опричнины не умерла съ ея творцомъ. Если правительство Годунова не наслѣдовало отъ Грознаго его ужасающей жестокости, то сохранило его подозрительное недовѣріе къ обломкамъ старинной родовой аристократіи и держалось его обычая выбирать совѣтниковъ не по породѣ.

И въ земельной политикѣ Борисъ сталъ на сторону простого служилаго люда, который служилъ съ мелкихъ вотчинъ и помѣстій и составлялъ основную силу московской арміи. Главный хозяйственный интересъ этого общественнаго слоя состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою свои земли, а на земляхъ—рабочее населеніе. Земли уходили, главнымъ образомъ, за монастыри; рабочихъ перезывали тѣ же монастыри и представители льготнаго «боярскаго» землевладѣнія; наконецъ, рабочее населеніе и само умѣло уходить на новыя землицы. Изъ двухъ заботъ—о землѣ и о рабочихъ людяхъ — правительство Бориса на первое мѣсто ставило заботу о людяхъ. Стремясь задержать и усадить населеніе на частныхъ земляхъ и, въ особенности, на земляхъ простого служилаго люда, правительство не отступало передъ мѣрами, направленными какъ противъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и противъ самого рабочаго населенія. Указами 1601 и 1602 года оно запретило крупнымъ земельнымъ собственникамъ «крестьянскую возку», то-есть перевозъ крестьянъ съ земель на земли, не запретивъ этого безусловно простымъ землевладѣльцамъ. Съ другой стороны, оно затруднило крестьянскій выходъ уже тѣмъ, что приняло за правило, особенно послѣ писцовыхъ книгъ «101 года» (т.-е. 1592—1593), считать старожильцами, лишенными права перехода, всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые были записаны въ книгахъ на тяглыхъ жеребьяхъ. Итакъ, будучи поставленъ между разнородными и взаимно противорѣчащими интересами различныхъ общественныхъ слоевъ, Борисъ достаточно опредѣленно сталъ на сторону общественной середины. Къ старой знати онъ питалъ непріязнь, наслѣдованную отъ Грознаго и выросшую на почвѣ политической. Интересы трудовой массы онъ приносилъ въ жертву государственнымъ пользамъ, которыя отождествлялись съ интересами служилыхъ землевладѣльцевъ. Заботясь о поддержаніи хозяйствъ на служилыхъ земляхъ, онъ оказывалъ поддержку низшимъ разрядамъ помѣстнаго служилаго класса. Прощая дани и давая «повольность въ торгѣхъ», онъ всего болѣе покровительствовалъ высшимъ слоямъ тяглаго населенія, державшимъ въ своихъ рукахъ городской торгъ и промыселъ. Въ этихъ среднихъ классахъ и слѣдуетъ искать сторонниковъ и поклонниковъ Бориса. Если бы въ общемъ строѣ московской жизни средніе классы занимали господствующее положеніе, политика Бориса опиралась бы на прочное основаніе. Но при жизни Бориса средніе слои общества еще не владѣли положеніемъ. Послѣдующія событія показали, что расположеніе мелкаго свободнаго люда не спасло Борисовой династіи отъ крушенія, когда на нее встали верхъ и низъ общества: старая знать—по политической непріязни и крѣпостная масса — по недовольству всѣмъ общественнымъ порядкомъ.

Первые два года своего царствованія Борисъ, по общему отзыву, былъ образцовымъ правителемъ, и страна продолжала оправляться отъ своего упадка. Но далѣе пошло иначе: поднялись на Русь и на царя Бориса тяжелыя бѣды. Въ 1601 году начался баснословный голодъ, вслѣдствіе сильнаго неурожая. Чтобы облегчить положеніе голодавшихъ, Борисъ объявилъ даровую раздачу въ Москвѣ денегъ и хлѣба, но эта благая по цѣли мѣра принесла вредъ: надѣясь на даровое пропитаніе, въ Москву шли толпы народа, даже и такого, который могъ бы съ грѣ пополамъ прокормиться и дома; въ Москвѣ царской милос не хватало, и много народу умерло. Къ тому же и милост подавали недобросовѣстно: тѣ, кто раздавалъ деньги и х ухитрялись раздавать своимъ друзьямъ и родственникамъ, а н приходилось оставаться голоднымъ. Открылись эпидеміи, одной Москвѣ, говорятъ, погибло народу болѣе 127 тыс. Ур 1604 года прекратилъ голодъ, но продолжалось другое зл голодные годы толпы народа для спасенія себя отъ с составляли шайки и разбоемъ доставляли себѣ пропит Главную роль играли выгнанные своими господами во голода холопы. Борисъ приказывалъ такимъ холопамъ выд отпускныя, освобождавшія ихъ отъ холопства, но это не гало, потому что и въ свободномъ состояніи они не могли пристроиться. Ни одна область Руси не была свободна от бойниковъ.

Съ 1601 года замутился и политическій горизонтъ. въ 1600 или 1601 году явился слухъ, что царевичъ Дим живъ. Всѣ историки болѣе или менѣе согласились въ томъ въ дѣлѣ появленія Самозванца активную роль сыграло моско боярство, враждебное Борису. Есть извѣстіе, что Борисъ в въ лицо обвинялъ бояръ, что это ихъ рукъ дѣло. Въ соеди съ этими извѣстіями получаетъ цѣну и указаніе лѣтопи на то, что Григорій Отрепьевъ жилъ во дворѣ у Романов Черкасскихъ, а также и разсказъ о томъ, что Вас. Ив. Шу впослѣдствіи прямо говорилъ, что признали Самозванца т для того, чтобы избавиться отъ Бориса. Возможно пон дѣло такъ, что въ лицѣ Самозванца московское боярство разъ попробовало напасть на Бориса, и видѣть въ этомъ продолженіе избирательной борьбы 1598 г. Эта возмож представляется еще вѣрнѣе отъ того, что первые слухи о появ Самозванца народились въ Москвѣ какъ-разъ въ пору роз о Романовыхъ, которыхъ обвиняли въ стремленіи себѣ «до царство». Въ 1601 г. всѣ Романовы, пять братьевъ Никит были сосланы со своими семьями въ разныя мѣста. Вмѣс ними были сосланы и ихъ родственники: князья Черка Ситскіе, Шестуновы, Рѣпнины, Карповы. Немногимъ ранѣе постигла Б. Бѣльскаго. Устраняя этихъ бояръ, Борисъ избав отъ тѣхъ, въ комъ долженъ былъ видѣть не только нед хотовъ его царству, но и соперниковъ, притязавшихъ на власть. Ссора и разрывъ съ Романовыми и ихъ родней п вили Бориса въ опасное положеніе тѣмъ, что лишили его п въ боярствѣ. Годуновы стали одиноки и потому слабы. С княжеская власть не признавала ихъ за своихъ, потому придворная и чиновная карьера Годуновскаго рода создана опричнинскими порядками московскаго дворца, направлен на погибель этой старой знати. Придворная же знать повѣ формаціи, въ которой первенствовалъ родъ «Никитичей» новыхъ, и съ которой былъ друженъ правитель Году отшатнулась отъ него, когда онъ овладѣлъ престоломъ. новы, очевидно, не мирились съ воцареніемъ Бориса и увле за собою въ оппозицію и другія семьи. Въ нѣдрахъ этой зиціи, по всей видимости, зрѣла и мысль о Самозванцѣ. князей «великой породы» заподозрѣлъ Борисъ въ само ческой интригѣ,—Шуйскихъ, Голицыныхъ, Мстиславскаго не задумался поставить во главѣ войскъ противъ Самозван а другой слой боярства, очевидно, тотъ самый, который подвергъ опалѣ и ссылкѣ въ 1600—1601 годахъ. Пресл своихъ бывшихъ друзей, Борисъ разгромилъ боярскій круж къ которому самъ когда-то принадлежалъ, и остался въ сущ

Οὐκ ἀφῆκεν αὐτὸν, ἕως ἤνεγκεν αὐτῷ σκῆπτρα βασιλείας
καὶ κραταιίαν τυραννούντων αὐτοῦ· ψευδεῖς δὲ δείξας τοὺς νω-
μησαμένους αὐτὸν, καὶ ἔδωκεν αὐτῷ δόξαν αἰώνιον. ϛοφ.

Admiratione uirtutis, quam Deus in luce populorum posuit,
Scalpsit Lucas Kilianus Augustæ Vind. An. MDCVI

ЛЖЕДИМИТРІЙ I.

Современный портретъ работы Луки Киліана. Гравированъ въ 1606 году.

одинокимъ среди московскаго боярства. Кромѣ его родни, ближайшихъ къ нему вѣтвей потомства мурзы Чета, у него теперь не было друзей. А тайные враги, разумѣется, были. Къ нимъ принадлежали, между прочимъ, до поры до времени сдержанные и покорные князья Шуйскіе, по родословцу «старѣйшіе братья» въ племени Александра Невскаго, и князья Голицыны, ведшіе себя отъ Гедимина, по своей молодости не имѣвшіе значенія въ пору возвышенія и правленія Годунова. А самозванческая интрига всколыхнула недовольныя народныя массы и нашла главную опору въ населеніи Сѣверской украйны, служившей убѣжищемъ для уходившихъ отъ крѣпостной неволи. Пока былъ живъ Борисъ, его правительственный авторитетъ и личные таланты удерживали еще въ повиновеніи ему московское общество, и Годуновы держались на верху порядка. Но въ самый напряженный моментъ борьбы съ поднявшейся смутой—13 апрѣля 1605 года—Борисъ отошелъ въ вѣчность. Князья-бояре сдѣлались хозяевами положенія и въ арміи, и въ столицѣ, и немедленно объявили себя противъ Годуновыхъ и за «царя Димитрія Ивановича». Ихъ затѣю приняли и поддержали отряды дѣтей боярскихъ, которые выступили противъ Годуновыхъ, а не за нихъ, хотя, казалось бы, именно этимъ провинціальнымъ служилымъ землевладѣльцамъ Борисъ благопріятствовалъ всего болѣе. Имѣли ли они твердое понятіе о томъ, что дѣлаютъ, или же полусознательно дозволили увлечь себя въ смуту, довѣряя своимъ вожакамъ и воеводамъ и искренно почитая Самозванца подлиннымъ царевичемъ, — это остается въ предѣлахъ простыхъ догадокъ. Правдоподобнѣе, впрочемъ, второе предположеніе. Состояніе умовъ въ войскѣ было такъ смутно, настроеніе такъ неопредѣленно, среди ратныхъ людей обращались такіе противорѣчивые слухи, что достаточно было одного рѣшительнаго толчка, и вся масса готова была податься по данному ей направленію. Измѣна воеводъ дала ей этотъ толчокъ, и Годуновы пали.

Такова была печальная судьба перваго избраннаго государя московскаго и его «династіи», угасшей на второмъ представителѣ, юношѣ Ѳеодорѣ Борисовичѣ.

Екатеринодарская общ. библіотека имени В. Г. Белинскаго

Лжедимитрій I.

М. А. Полевктова.

Личность одного изъ главныхъ героевъ Смуты остается до настоящаго времени невыясненной, и вопросъ о происхожденіи перваго Самозванца все еще продолжаетъ интересовать историковъ. Трудно даже говорить *о біографіи* Самозванца въ буквальномъ смыслѣ этого слова: намъ извѣстны обстоятельства лишь послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ его жизни. Отсутствіе положительныхъ данныхъ о происхожденіи того, кто называлъ себя царевичемъ Димитріемъ, и сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о немъ до момента его появленія въ Польшѣ, не мѣшаетъ, однако, намъ составить себѣ довольно опредѣленное представленіе какъ о его личности, такъ и о его исторической роли.

Смутные слухи о томъ, что царевичъ Димитрій спасся отъ ножа убійцъ и живъ, начинаютъ ходить уже въ 1598 году, до избранія на царство Бориса Годунова. Когда въ царствованіе Бориса Россію постигли крупныя общественныя бѣдствія—голодъ, моръ и вызванные ими разбои, эти слухи принимаютъ болѣе упорный характеръ, и уже въ 1601 году приходитъ вѣсть о появленіи царевича Димитрія въ Польшѣ.

Какъ вполнѣ опредѣленная личность, Самозванецъ появляется только въ 1603 году на Волыни у князя Адама Вишневецкаго. Бѣжавъ изъ Москвы, постранствовавъ по южно-русскимъ монастырямъ, побывавъ въ Кіевѣ и попытавшись довольно неудачно, какъ говорила молва, завести рѣчь о своемъ происхожденіи съ самимъ Константиномъ Острожскимъ, онъ открылся князю Адаму. Онъ—сынъ царя Іоанна, законный наслѣдникъ московскаго престола, который вырветъ у узурпатора Годунова. Обширныя владѣнія Вишневецкаго, раскинувшіяся по обоимъ берегамъ Днѣпра, тянулись вплоть до московскаго рубежа; пограничныя недоразумѣнія давно уже создали крайне натянутыя отношенія между польскимъ магнатомъ и московскимъ правительствомъ, — и для Вишневецкаго представлялся удобный случай свести счеты съ Москвою, поддержавъ смѣльчака, съ помощью хотя бы тѣхъ же козаковъ, которые начали уже вокругъ него группироваться. Замысламъ Самозванца суждено было, однако, принять болѣе широкіе размѣры, выходящіе за предѣлы простого козацкаго набѣга. Вишневецкій писалъ о загадочной личности королю Сигизмунду III, король говорилъ объ этомъ папскому нунцію Рангони, и послѣдній не преминулъ сообщить объ интересной новости въ Римъ. Правда, оффиціальныя сферы отнеслись съ недовѣріемъ и къ самому новоявленному московскому царевичу и къ его замысламъ. «Sarà un altro Rè di Portogallo resuscitato» *),—помѣтилъ своею рукою на депешѣ Рангони папа Климентъ VIII, намекая на появлявшихся незадолго до этого въ Португаліи самозванцевъ лже-Себастіановъ. Сигизмундъ III также считалъ все предпріятіе не имѣющимъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ поручилъ кн. Константину Вишневецкому, родственнику князя Адама, привезти «царевича Димитрія» въ Краковъ. Путь въ столицу польскаго королевства шелъ для искателя московскаго престола черезъ Самборъ, резиденцію воеводы Сандомирскаго, Юрія Мнишка, тестя князя Константина.

*) «Еще одинъ возставшій изъ гроба португальскій король».

Игравшій въ свое время довольно сомнительную роль среди приближенныхъ Сигизмунда-Августа и еще болѣе скомпрометированный послѣ его смерти, Юрій Мнишекъ жилъ въ данный моментъ вдали отъ двора. Его когда-то значительное состояніе сильно пошатнулось; дѣлами благочестія и покровительствомъ католическому монашеству онъ старался возстановить свою во многихъ отношеніяхъ пострадавшую репутацію. Галиція переживала первые трудные годы соединенія съ римскою церковью. Католическому духовенству предстояло еще немало работы, и Самборъ сдѣлался центромъ, откуда исходила проповѣдь бернардинцевъ, направлявшаяся къ мѣстному, вновь обращенному населенію. Мнишекъ являлся постоянно защитникомъ этого ордена въ Польшѣ и старался выставить его заслуги передъ самимъ папскимъ престоломъ. Въ духѣ пламеннаго воинствующаго католицизма была воспитана бернардинцами и дочь Мнишка, Марина, жившая вдали отъ шумной придворной жизни. Орудіе личной мести противъ Москвы для Адама Вишневецкаго, замыслы московскаго царевича представляли для Мнишка удобный случай еще разъ выступить въ крупныхъ размѣрахъ поборникомъ католической вѣры и выставить въ выгодномъ свѣтѣ дѣятельность Бернардинскаго ордена, а сильное чувство къ Маринѣ, вскорѣ овладѣвшее сердцемъ претендента на московскій престолъ, обѣщало, казалось, полный успѣхъ планамъ ея отца. Въ Самборѣ новый гость былъ принятъ уже какъ истинный царевичъ. Здѣсь было подготовлено его обращеніе въ католичество. Отъ Мнишка и Константина Вишневецкаго исходили старанія расположить въ его пользу польское правительство и римскую курію. Въ сопровожденіи этихъ лицъ онъ отправился въ мартѣ 1604 года въ Краковъ. Мало чѣмъ отличавшееся вначалѣ отъ обычныхъ козацкихъ замысловъ, все дѣло принимало теперь характеръ правильно разработаннаго плана и получало польско-католическую окраску.

ЛЖЕДИМИТРІЙ I.

Фантастическій портретъ работы Іоде (1606).

Оно было лишено этой окраски въ первые моменты своего развитія—таково положеніе, которое можетъ считаться въ настоящее время твердо установленнымъ въ исторической наукѣ. Кто именно былъ первый Самозванецъ—вопросъ этотъ до настоящаго времени не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Мнѣніе о томъ, что это былъ Григорій Отрепьевъ (личность вполнѣ историческая), какъ оффиціально заявляло само московское правительство, было впервые поколеблено Костомаровымъ, приводившимъ вѣскіе доводы противъ возможности подобнаго отожествленія. Позднѣйшія изслѣдованія Добротворскаго, Казанскаго и о. Пирлинга не позволяютъ, однако, считать старую точку зрѣнія совершенно отвергнутой.

Взглядъ на Самозванца какъ на истиннаго царевича Димитрія, котораго удалось спасти отъ рукъ убійцъ и во-время увезти изъ Углича, основывающійся прежде всего на извѣстіяхъ современника Маржерета, точно также находитъ сторонниковъ среди современныхъ изслѣдователей (къ нему, повидимому, склонялся и проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ), но ждетъ еще своего болѣе глубокаго обоснованія. Изъ всѣхъ гипотезъ можетъ таться вполнѣ отвергнутой гипотеза заграничнаго (поль происхожденія Самозванца. Обнародованное о. Пирлингомъ словно собственноручное письмо Самозванца къ папѣ Климен отъ 24 апрѣля 1604 года на польскомъ языкѣ, подвер палеографическому и филологическому анализу (И. А. номъ де-Куртенэ и С. Л. Пташицкимъ), оказывается сдѣланной съ польскаго оригинала человѣкомъ, больше пр шимъ къ русской рѣчи и письму, чѣмъ къ польской. и другія указанія на то, что польская и латинская ку была лишь наноснымъ слоемъ на этомъ человѣкѣ, русск происхожденію и близко стоявшемъ къ кругу московскаго ства. Само правительство Бориса Годунова, отожествляя званца съ Григоріемъ Отрепьевымъ, сообщало, что онъ у Романовыхъ во дворѣ», а нѣсколько позднѣе Василій Ш заявлялъ, что Отрепьевъ «былъ въ холопехъ у бояръ у тиныхъ дѣтей Романовича и у князя Бориса Черкасс Даже если не настаивать на тожествѣ Самозванца съ пьевымъ, нѣкоторыя черты его пове какъ увидимъ ниже, дѣйствительно тверждаютъ его близость къ моско боярству, и прежде всего, къ тѣ представителямъ, которые яв главными соперниками Бориса Год

Характерно и то, что слухи о званцѣ появляются и усиливаютс моменты, наиболѣе критическі личной карьеры Бориса: въ момен избранія на царство и въ м общественныхъ бѣдствій, подорва его популярность среди моско населенія. Это подтверждаетъ тѣхъ изслѣдователей, которые ду что онъ «былъ подготовленъ въ враждебныхъ Годунову московски яръ и ими былъ выпущенъ въ Польш

Въ Краковѣ, да и въ Рим Самозванцу продолжали относиться жанно. Своею личностью и поведе онъ производилъ, правда, скорѣе ное для себя впечатлѣніе. При торой самоувѣренности, онъ про большое умѣніе держать себя, о тельность съ окружающими, ни ко всему, довольно развязное краснорѣчіе. Его отношен королю было болѣе чѣмъ почтительно. Взгляды, имъ зываемые, должны были, казалось, расположить въ его польское общество. Онъ любилъ говорить о распростр истинной католической вѣры въ Москвѣ, обнаруживалъ язненное чувство къ православному монашеству, выне имъ изъ его собственнаго прошлаго; намекалъ на желател упроченія дружественныхъ узъ между Польшею и Москв виду опасности, грозившей имъ обоимъ и всему христіан міру со стороны Турціи. Походъ противъ послѣдней вх повидимому, въ его политическіе планы. Наиболѣе остор изъ совѣтниковъ короля находили, однако, во всемъ этом много неяснаго и рискованнаго и не считали возможным

*) С. Платоновъ, «Вопросъ о происхожденіи перваго Л митрія». «Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія». 1904 г.

изъ-за какого-то авантюриста на открытый разрывъ съ Годуновымъ. Таково было мнѣніе обоихъ гетмановъ—польскаго и литовскаго—Замойскаго и Сапѣги; къ ихъ мнѣнію примыкали и наиболѣе опытные изъ военачальниковъ, Жолкѣвскій и Ходкевичъ. Янъ Острожскій предлагалъ просто-на-просто ассигновать Димитрію опредѣленный пенсіонъ и отослать его на всякій случай въ Римъ къ папѣ. Большинство, во всякомъ случаѣ, склонялось къ тому, что оффиціальное отношеніе Рѣчи Посполитой къ претенденту на московскій престолъ можетъ быть выяснено только на сеймѣ. И сеймъ, собравшійся уже послѣ вступленія Самозванца въ московскіе предѣлы, не нашелъ возможнымъ прямо и открыто стать на его сторону. Такое разрѣшеніе вопроса не соотвѣтствовало, однако, личнымъ разсчетамъ самого Сигизмунда III. Видя въ себѣ новаго защитника католицизма послѣ того, какъ было сокрушено могущество Филиппа II Испанскаго, онъ съ трудомъ могъ отказаться отъ поддержки предпріятія, сулившаго, казалось, новую побѣду римской церкви на сѣверѣ. 15 марта 1604 года король далъ Самозванцу аудіенцію въ замкѣ Вавель. Съ этого момента, продолжая оффиціально соблюдать самый строгій нейтралитетъ по отношенію къ Москвѣ, онъ лично постоянно проявлялъ къ Самозванцу самое горячее сочувствіе и даже оказывалъ ему щедрую поддержку. Самозванецъ могъ собирать на свой рискъ ополченіе, и Мнишку позволено было принять въ этомъ частнымъ образомъ ближайшее участіе. Тѣмъ временемъ и папскій нунцій Рангони, бывшій такимъ же представителемъ Самозванца передъ римской куріей, какимъ въ Польшѣ для него являлся самъ король, могъ порадоваться присоединенію московскаго царевича къ лону католической церкви. Въ Краковѣ, на ряду съ Мнишкомъ, Самозванецъ нашелъ новаго сторонника въ лицѣ воеводы краковскаго Николая Зебжыдовскаго. Черезъ этого послѣдняго у него завязались отношенія и съ польскими іезуитами, постаравшимися, такимъ образомъ, вырвать его изъ рукъ бернардинцевъ. Ученый теологъ іезуитъ Гаспаръ Савицкій первый пошелъ навстрѣчу этому сближенію, и старанія его скоро увѣнчались успѣхомъ. 24 апрѣля 1604 года, наканунѣ Пасхи, Самозванецъ принялъ католичество, о чемъ и поспѣшилъ увѣдомить собственноручнымъ письмомъ римскаго первосвященника. Въ этотъ же день онъ покинулъ Краковъ и вернулся въ Самборъ.

ЛЖЕДИМИТРІЙ I.

Фантастическій портретъ 1683 г. изъ нѣмецкаго перевода книги Роколя „Les Imposteurs insignes".

Ровно черезъ мѣсяцъ, 24 мая въ Самборѣ былъ заключенъ брачный сговоръ между Мариною Мнишекъ и Самозванцемъ, титуловавшимся уже «славнѣйшимъ и непобѣдимымъ Димитріемъ Ивановичемъ, императоромъ Великой Руси, княземъ Углицкимъ, Дмитровскимъ и Городецкимъ, государемъ и наслѣдникомъ всѣхъ царствъ Московскаго государства». Въ даръ будущей царицѣ предназначались Новгородскія и Псковскія области съ правомъ заводить латинскія школы и учреждать католическіе церкви и монастыри. Самъ Мнишекъ долженъ былъ получить Смоленскую и Сѣверскую области, не считая значительныхъ денежныхъ суммъ. Лѣто прошло въ военныхъ приготовленіяхъ. Подъ знамена Самозванца начали стекаться польское шляхетство и въ еще бо́льшемъ количествѣ козачество. Переправившись черезъ Днѣпръ подъ Кіевомъ, Самозванецъ съ отрядомъ въ 3—4 тысячи человѣкъ въ концѣ октября 1604 года вступилъ въ московскіе предѣлы. На значительное усиленіе своего войска онъ могъ опять-таки разсчитывать со стороны козаковъ, какъ днѣпровскихъ, такъ и донскихъ, до которыхъ уже доходили его «прелестные письма», и которые давно уже поджидали его въ «полѣ». Пока въ Польшѣ старались создать изъ Самозванца орудіе польско-католической интриги, неспокойное населеніе юга Московскаго государства, раздраженное правительственной колонизаціей вольнаго «поля» въ интересахъ пограничной обороны, поднялось во имя защиты правъ царя Димитрія на Годунова. Поддержкою козачества, составившаго главную массу въ войскѣ Самозванца, и опредѣлились въ значительной степени его движеніе на Москву и характеръ имѣвшихъ при этомъ мѣсто военныхъ операцій.

Вступая въ предѣлы Московскаго государства, самъ Самозванецъ избралъ дорогу на Москву черезъ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ и Калугу. Восточнѣе, черезъ Курскъ и Кромы должна была вторгнуться козацкая масса, которой и предстояло соединиться съ главнымъ отрядомъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь около Болхова. Первые шаги Самозванца были удачны Гарнизоны пограничныхъ крѣпостей Боровска и Чернигова перешли на его сторону. Подъ Новгородомъ-Сѣверскомъ его ожидало, однако, болѣе упорное сопротивленіе. Задержанный на избранномъ пути, онъ свернулъ на востокъ къ Сѣвску, спѣша, очевидно, соединиться съ козаками, но на голову былъ разбитъ Мстиславскимъ и бѣжалъ назадъ въ Путивль, почти къ самому польскому рубежу. Положеніе его становилось критическимъ. Значительная часть польскихъ дружинъ разбѣжалась еще изъ-подъ Новгорода-Сѣверска, недовольная неаккуратною уплатою жалованья. Теперь ряды польскихъ отрядовъ еще болѣе порѣдѣли. Съ сѣвера надвигалась московская армія. Съ большимъ шумомъ начатая компанія сводилась, казалось, къ обычному исходу полуразбойничьяго набѣга. Дѣло приняло, однако, нѣсколько иной оборотъ. Пока московскіе воеводы гнали разбитаго Самозванца на югъ, полки козаковъ продвинулись далеко на сѣверъ, заняли Кромы, и донской атаманъ Корѣла имѣлъ случай удивить современниковъ своимъ инженернымъ искусствомъ, быстро соорудивъ цѣлый городъ подземныхъ укрѣпленій. Козачье войско очутилось въ тылу у московской арміи, и, когда Мстиславскій, почувствовавъ, откуда грозитъ главная опасность, поспѣшилъ повернуть на сѣверъ, онъ надолго уже долженъ былъ задержаться подъ Кромами и оказался почти

отрѣзаннымъ отъ Москвы. Сюда подъ Кромы въ московскую армію и пришло въ апрѣлѣ мѣсяцѣ извѣстіе о смерти въ Москвѣ царя Бориса.

При первыхъ слухахъ о появленіи Самозванца, Борисомъ Годуновымъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ предосторожности. Всѣ эти мѣры не достигали, однако, желаемаго результата. Слухи жадно ловились толпою, а оффиціальныя увѣдомленія о злодѣяніяхъ Гришки Отрепьева были приняты довольно холодно при иностранныхъ дворахъ—въ Польшѣ, Римѣ и германскимъ императоромъ. Достигнувъ московскаго престола, Годуновъ, съ другой стороны, какъ извѣстно, разошелся съ близкимъ ему кругомъ неродовитаго боярства, сильнаго своими родственными связями при старомъ дворѣ, и долженъ былъ чувствовать себя одинокимъ. Въ минуту опасности онъ принужденъ былъ ввѣрить защиту государства представителямъ старыхъ княжескимъ родовъ—Мстиславскому, Шуйскимъ и Голицынымъ, оскорбленнымъ его возвышеніемъ и начинавшимъ теперь, въ свою очередь, подымать голову. Со смертью Годунова имъ некого было больше бояться, и они могли теперь начать дѣйствовать. Остававшійся въ Москвѣ В. Шуйскій началъ все громче и громче каяться въ своемъ грѣхѣ и разсказывалъ москвичамъ о спасеніи царевича Димитрія. Отправленный подъ Кромы къ войску П. Ѳ. Басмановъ, на котораго возлагалъ надежду въ послѣдніе дни своего царствованія Борисъ Годуновъ, былъ человѣкъ безъ вліянія и значенія.

Въ арміи господствовало настроеніе, враждебное Годунову. Заручившись согласіемъ съ другими воеводами, Голицыными и Салтыковымъ, и поддержкой городскихъ ополченій заокскихъ городовъ, Басмановъ предпочелъ перейти на сторону Самозванца. Сдача московской арміи подъ Кромами была рѣшительною побѣдою послѣдняго надъ московскимъ правительствомъ Годуновыхъ. Путь къ Москвѣ былъ для него теперь расчищенъ, и онъ свободно подвигался къ цѣли, встрѣтивъ лишь незначительное сопротивленіе подъ Калугой и Серпуховымъ. Московскому правительству удавалось еще перехватывать его воззванія, обращенныя къ населенію. Но 1-го іюня Плещеевъ и Пушкинъ прочли, наконецъ, одно такое воззваніе въ Красномъ Селѣ подъ Москвою; толпа взяла ихъ подъ свою охрану, проникла съ ними въ Москву, гдѣ воззваніе вторично было прочитано на Красной площади. Московская чернь поднялась за Самозванца и, руководимая боярами, низвела съ престола Ѳеодора Годунова. 20 іюня послѣдовалъ торжественный въѣздъ Самозванца въ Москву.

Новые порядки, установившіеся въ Москвѣ со вступленіемъ на престолъ Самозванца, рѣзко отличались отъ вѣками выработаннаго чина московской придворной жизни. Если, однако, личное поведеніе и вкусы царя не соотвѣтствовали правиламъ московскаго хорошаго тона, то и его политика не во всемъ оправдала тѣ надежды, какія возлагали на него его друзья въ Краковѣ и Самборѣ.

Домъ Годунова былъ разрушенъ по приказанію Самозванца. Самъ онъ поселился, однако, не въ старомъ кремлевскомъ дворцѣ, но въ новомъ, наскоро отстроенномъ, поражавшемъ даже поляковъ богатствомъ своего убранства и своею помѣстительностью. Особа царя охранялась иностранными отрядами, во главѣ которыхъ стоялъ служившій еще при Годуновѣ капитанъ Маржеретъ. Со времени пріѣзда Марины этотъ новый московскій дворецъ зачастую оглашался застольною музыкою и былъ свидѣтелемъ шумныхъ баловъ на европейскій ладъ, такъ шокировавшихъ приверженцевъ московской старины.

21-го іюля Самозванецъ вѣнчался на царство. Древне-
скій обрядъ вѣнчанія былъ строго выполненъ даже въ
его деталяхъ, которыя не совмѣстимы съ католическимъ
исповѣданіемъ. Царь любезно намекалъ зато бывшимъ
немъ іезуитамъ, что онъ преднамѣренно избралъ днемъ
своего торжества день св. Игнатія Лойолы.

При новомъ дворѣ стали появляться и новыя лица; во
щались и тѣ, которыя были удалены при Годуновѣ. Сам
нецъ, видимо, не забылъ анаѳемъ, расточаемыхъ на него
Борисѣ патріархомъ Іовомъ. Іовъ былъ низведенъ, и его
занялъ рязанскій митрополитъ Игнатій. За нѣсколько дн
вѣнчанія на царство произошло свиданіе царя съ мат
инокинею Марѳою, жившею въ селѣ Тайнинскомъ. Ма
сынъ встрѣтились на пути отъ Москвы къ Тайнинском
встрѣча имѣла, повидимому, самый задушевный характер
всякомъ случаѣ, сцена была разыграна въ совершенствѣ. Ино
Марѳа признала своего сына; съ истинно-сыновнею почти
ностью царь съ непокрытою головою шелъ рядомъ съ ка
царицы. Въ Москву вернулись Нагіе, Бѣльскій, Романов
все лица и семейства, пострадавшія при Годуновѣ. Ром
особенно были обласканы Самозванцемъ, и постриженный
Годуновѣ подъ именемъ Филарета Ѳеодоръ Никитичъ былъ
веденъ теперь въ санъ митрополита. Протягивая руку
ственникамъ старой династіи, новый царь въ то же
видимо игнорировалъ представителей стараго родовитаго
ства. Обходя послѣднихъ при служебныхъ назначеніяхъ,
какъ бы возстановлялъ традиціи Іоанна Грознаго. «Сам
нецъ, по мѣткому замѣчанію новѣйшаго историка, послѣ
тельно старался возстановить прежнее положеніе бояр
круга, разбитаго Годуновымъ... ту среду дворцовой знати,
которой всю вторую половину XVI вѣка терпѣли моско
княжата» *). За перемѣнами въ личномъ составѣ приближен
царя не послѣдовало какихъ-либо крупныхъ реформъ. Вну
няя политика Самозванца не была ознаменована сознате
преобразовательною дѣятельностью. Культурныя начинані
риса не нашли въ немъ продолжателя. Лично жадный до зна
даже во время похода на Москву онъ обнаруживалъ стр
ніе пополнить свои научныя свѣдѣнія у сопровождавших
іезуитовъ—онъ ничего не сдѣлалъ послѣ своего воцарені
народнаго образованія, опасаясь, быть-можетъ, сопротив
со стороны духовенства. Государственное управленіе
также было затронуто мало. Есть намеки на то, что
Самозванцѣ была сдѣлана попытка возродить значеніе бо
думы, утраченное ею при Іоаннѣ Грозномъ, и нѣкоторы
слѣдователи готовы видѣть въ этомъ уступку съ его ст
боярству въ духѣ польскихъ аристократическихъ вольн
Какихъ-либо точныхъ свѣдѣній о дѣятельности боярской
при Самозванцѣ, однако, почти не сохранились, а то, что
только-что сказано объ его отношеніи къ старымъ бояр
родамъ, скорѣе противорѣчитъ послѣднему предполож
Нѣкоторое облегченіе крѣпостныхъ отношеній и поло
крестьянъ и упорядоченіе взиманія податей сводились къ
ничнымъ мѣропріятіямъ. Болѣе послѣдовательны стрем
Самозванца поднять промышленную дѣятельность и зак
правильныя торговыя сношенія Москвы съ европейскими
дарствами. При немъ были значительно расширены тѣ
выя привилегіи, которыми со времени Іоанна Грознаго
зовались въ Россіи англичане, получившіе теперь право б

*) С. Платоновъ, «Очерки по исторіи Смуты», стр. 29

ЛЖЕДИМИТРІЙ I.

Современный портретъ, прежде находился въ Сендомірскомъ замкѣ Вишневецкихъ, нынѣ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

Современный портретъ, прежде находился въ Сендомірскомъ замкѣ Вишневецкихъ, нынѣ въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

мѣръ предосторожности имъ принято не было, и утромъ 17 мая Шуйскій съ боярами овладѣлъ дворцомъ, а стрѣльцы заняли Кремль. Самозванецъ пытался спастись, выпрыгнувъ изъ окна, но неудачно, и сломалъ себѣ ногу. Здѣсь его нашли лежащимъ въ безпамятствѣ стрѣльцы. Прежде чѣмъ отъ него отреклась царица-инокиня Марфа, онъ былъ застрѣленъ дворяниномъ Валуевымъ, и трупъ его вмѣстѣ съ трупомъ его друга П. Басманова былъ выставленъ на Лобномъ мѣстѣ, откуда всего одиннадцать мѣсяцевъ тому назадъ онъ былъ провозглашенъ тѣмъ же Шуйскимъ истиннымъ царевичемъ Димитріемъ. Черезъ три дня его похоронили. Скоро, однако, трупъ былъ вырытъ снова и послѣ поруганія преданъ сожженію. Его пепломъ, смѣшаннымъ съ порохомъ, зарядили пушку и выстрѣломъ развѣяли прахъ Самозванца по вѣтру.

Такъ окончилъ свою жизнь первый Лжедимитрій. Стремясь къ престолу, онъ не ставилъ себѣ широкихъ государственныхъ задачъ, но преслѣдовалъ цѣль личнаго счастья: въ козачьей средѣ не могъ выработаться изъ него московскій типъ правителя-государственника. Необычайныя условія его возвышенія и паденія придали много романической красочности его царствованію. Онъ не опредѣлилъ дальнѣйшаго хода быстро развивавшихся событій, но самъ былъ подхваченъ и увлеченъ ихъ бурнымъ потокомъ. Смѣлый и самоувѣренный, онъ почти всегда оказывался орудіемъ въ рукахъ болѣе сознательныхъ и разсчетливыхъ дѣятелей, хотя, быть - можетъ, и не тѣхъ, кого до сихъ поръ принято было считать его руководителями. Выдвинутый противъ Бориса московскимъ боярствомъ, первый Самозва нашелъ себѣ главную поддержку въ козачествѣ; лишь по и далеко не успѣшно польское правительство и іезуиты п тались воспользоваться имъ ради своихъ собственныхъ по ческихъ и религіозныхъ цѣлей.

Личность перваго Самозванца и событія его жизни скоро сдѣлались сюжетомъ какъ литературной обработки, т художественнаго воспроизведенія. Его портреты, исполненны его жизни, или передаютъ, повидимому, довольно вѣрно черт лица, или нѣсколько идеализируютъ ихъ. По мѣрѣ того какъ смерти Самозванца его дѣйствительная біографія очень скор чала окутываться туманомъ легенды, болѣе поздніе художн граверы, стремясь удовлетворить любопытство публики, дают совершенно фантастическія изображенія. Наиболѣе достовѣр портретомъ Самозванца можетъ считаться воспроизводимая в стоящемъ изданіи гравюра Луки Киліана (Аугсбургъ, 160 Портретъ изъ Сендомірскаго замка Вишневецкихъ (наход. въ рическомъ музеѣ въ Москвѣ), изображающій Самозванца в царской кирасѣ, видимо, его идеализируетъ. Одинаковаго исхожденія съ этимъ послѣднимъ портретомъ—воспроизвод нами портретъ Марины Мнишекъ. Гравюра голландскаго т хожденія работы Іоде (1606 г.) можетъ служить образцомъ пер отъ реальнаго портрета къ фантастическому изображенію. болѣе характернымъ фантастическимъ изображеніемъ пла однако, гравюра, приложенная къ нѣмецкому переводу книг коля «Les imposteurs insignes» (1683 г.), ни по костюму, т чертамъ лица ничѣмъ не напоминающая тотъ типъ, съ каким привыкли соединять представленіе о Самозванцѣ.

М. П.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

19 мая 1606 г.—17 іюля 1610 г.

С. В. Рождественскаго.

ЦАРСТВОВАНІЕ Василія Ивановича Шуйскаго представляетъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ моментовъ въ исторіи Смуты. При Шуйскомъ Смута разрастается въ широкое общественное движеніе, захватившее всѣ классы населенія и осложненное иноземнымъ вмѣшательствомъ, подвергнувшимъ серьезной опасности цѣлость и независимость Московскаго государства.

Родъ князей Шуйскихъ былъ одной изъ отраслей рода князей Суздальскихъ, которые вели свое происхожденіе, по однимъ даннымъ, отъ брата Александра Невскаго, Андрея Ярославича, а по другимъ—отъ сына Невскаго, Андрея Александровича, и въ XIV столѣтіи оспаривали у московскихъ князей великокняжеское достоинство. Столь высокое происхожденіе и родовыя традиціи выдвигали Шуйскихъ на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду княжатъ Рюриковичей. По утвержденію самого Василія Ивановича Шуйскаго, при его воцареніи, родъ его былъ даже старше угасшаго рода московскихъ государей, которые шли отъ младшаго сына Александра Невскаго. Занявъ при великомъ князѣ Василіи III первенствующее положеніе среди московскаго боярства, князья Шуйскіе были главными виновниками правительственной неурядицы, среди которой выросталъ Іоаннъ Грозный. Трагически погибшій въ 1543 г. кн. Андрей М ловичъ Шуйскій былъ дѣдомъ будущаго царя. Сынъ кн. Ан Иванъ Андреевичъ въ 1569 г. былъ воеводой въ Смолен въ 1573 г. погибъ въ Ливоніи. Въ эпоху опричнины Шу сумѣли настолько смириться и заслужить довѣріе царя, попали въ составъ опричнаго «двора». Въ этомъ избран кругу началъ свою карьеру и князь Василій Ивановичъ.

Время рожденія кн. Василія Ивановича въ точност извѣстно: разные источники относятъ его къ 1542 г., 15 и 1553 г. Видную роль въ придворной и военной сл князь Василій началъ играть въ послѣдніе годы жизни наго: въ 1580 г. онъ былъ дружкомъ царя на бракосоче его съ Маріей Нагой; въ послѣдующіе годы находился въ воеводъ, охранявшихъ южную границу государства отъ та Но за годъ до смерти Грознаго князь Василій возбудилъ тивъ себя какія-то подозрѣнія: со всѣхъ его братьевъ была по немъ поручная запись. Со вступленіемъ на престолъ Ѳеодора, придворное положеніе князей Шуйскихъ должно еще болѣе окрѣпнуть, благодаря свойству съ самыми близ къ царю людьми: Борисомъ Годуновымъ, Н. Р. Юрьевымъ И. Ѳ. Мстиславскимъ. Самъ кн. Василій Ивановичъ былъ натъ въ первомъ бракѣ на княжнѣ Е. М. Репниной, родс

Царь и Великій князь
Василій Іоанновичь
всеа Русіи.

которой находились въ тѣсныхъ дружественныхъ отноше- съ семьей Романовыхъ. Внѣшнимъ знакомъ прочности го Шуйскими положенія было пожалованіе князьямъ ю и Андрею Ивановичамъ званія боярина по случаю нія на царство Ѳеодора Ивановича.

брыя отношенія, связывавшія кругъ близкихъ къ царю ству и правительственному значенію людей, скоро, однако, оились. Началась борьба Бориса Годунова съ его полити- ми соперниками, и въ этой борьбѣ Шуйскіе приняли дѣя- е участіе. Въ широко и тонко задуманной князьями . и А. И. Шуйскими въ 1587 г. интригѣ противъ Году- князь Василій Ивановичъ прямо не участвовалъ: онъ залъ» въ это время на воеводствѣ въ Смоленскѣ. Замы- Шуйскихъ сломить могущество царскаго шурина и «при- » не удался. Шуйскіе попали въ ссылку, въ которой ie изъ нихъ погибли насильственной смертью, а Василій вичъ съ братьями вскорѣ возвращенъ былъ въ Москву ва успѣлъ завязать добрыя отношенія съ Годуновымъ. ъ послѣдняго, кн. Димитрій, получилъ въ 1591 г. званіе на, а кн. Василій въ томъ же году исполнилъ порученіе чайной важности: во главѣ особой комиссіи произвелъ дованіе объ убійствѣ въ Угличѣ царевича Димитрія. Въ татѣ этого изслѣдованія было оффиціально объявлено, что царевича приключилась «Божьимъ судомъ».

принужденные смириться передъ Годуновымъ, сознавая свое ie для прямой борьбы съ нимъ, Шуйскіе не могли, однако, ться отъ надежды сыграть когда-либо болѣе видную по- ескую роль, чѣмъ та, на которую они были обречены со ни опричнины. Удобнымъ моментомъ выйти, съ надеждой пѣхъ, на широкую арену политической борьбы могло быть Шуйскихъ прекращеніе династіи Калиты, когда возникъ съ объ избраніи на Московское царство новой династіи. овамъ одного источника («Новаго Лѣтописца»), при избра- ориса Годунова, Шуйскіе выступили его противниками: ья Шуйскіе единые его не хотяху на царство: узнаху то быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію; они же его потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша». извѣстію новѣйшій историкъ смуты, проф. Платоновъ, не етъ цѣны. По его мнѣнію, «въ 1598 г. политическая роль кихъ еще не начиналась, и они, живя пока въ преда- опричнины, находились въ послушаніи у того самаго ова, надъ памятью котораго впослѣдствіи они такъ зло лагодарно надругались». Покорность Шуйскихъ новоизбрач- царю не избавила, однако, ихъ отъ подозрительности дняго. Ходили слухи, что Борисъ зорко слѣдилъ за Шуй- , какъ и за другими князьями-боярами, и подвергалъ самъ тѣхъ, кто у нихъ бывалъ. Тѣмъ не менѣе, когда лось вступить въ открытую вооруженную борьбу противъ ванца, Борисъ не усомнился послать противъ него во войскъ именно знатнѣйшихъ бояръ-князей, въ томъ и Василія Шуйскаго. Это обстоятельство даетъ основаніе ь, что самозванческая интрига вышла не изъ среды еско-боярской аристократіи. Пока живъ былъ царь Борисъ, я-бояре не измѣняли своему вѣрноподданническому и бному долгу. Они передались на сторону Самозванца, престолъ занялъ молодой Ѳеодоръ Борисовичъ, не обла- й ни авторитетомъ отца, ни вліятельной и преданной пар- сторонниковъ.

ъ виду приближавшагося торжества Самозванца особенно ымъ было положеніе кн. Василія Шуйскаго. Въ критиче- скую минуту его голосъ, какъ человѣка, нѣкогда оффиціально засвидѣтельствовавшаго фактъ смерти царевича Димитрія, долженъ былъ имѣть особенный вѣсъ. Но у Василія не хватило мужества принести въ жертву нравственному долгу свою личную карьеру. Когда молодой царь Ѳеодоръ отозвалъ его изъ войска въ Москву, онъ сначала торжественно подтвердилъ фактъ смерти царевича Димитрія, а затѣмъ тайно сталъ распространять молву, что названный царь Димитрій есть истинный царевичъ, спасенный въ Угличѣ отъ руки убійцъ; потомъ онъ поѣхалъ въ Тулу навстрѣчу Самозванцу ударить ему челомъ и, возвратясь въ Москву, привелъ населеніе къ присягѣ новому царю.

Передаваясь на сторону Самозванца, князья-бояре видѣли въ немъ лишь наиболѣе удобное орудіе для борьбы съ Годуновымъ. Когда же семья Годуновыхъ погибла, а Самозванецъ съ первыхъ шаговъ сталъ оскорблять московскихъ бояръ рѣзкимъ и безтактнымъ поведеніемъ и не обнаружилъ готовности вернуть имъ былое высокое политическое положеніе, то боярство скоро склонилось къ мысли о новомъ переворотѣ. Иниціативу въ этомъ дѣлѣ поспѣшилъ взять въ свои руки кн. Василій Шуйскій, который менѣе другихъ бояръ могъ разсчитывать на благоволеніе и довѣріе Самозванца. Но поспѣшность, съ какою Шуйскій съ братьями повелъ агитацію противъ Самозванца, только-что вступившаго въ Москву, едва не погубила его самого. Агенты Шуйскаго, которымъ поручено было распускать въ народѣ слухи, что новый царь «есть подлинно разстрига и хочетъ до конца разорить православную вѣру», начали дѣло такъ неосторожно, что злоумышленіе князя Василія скоро раскрылось, и онъ преданъ былъ суду собора изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. По словамъ лѣтописи, на томъ соборѣ ни «власти», ни бояре, ни простые люди,—никто не вступился за Шуйскихъ: «вси на нихъ же кричаху». Соборъ приговорилъ князя Василія къ смертной казни, а его братьевъ къ ссылкѣ. Были сдѣланы уже всѣ приготовленія въ Москвѣ, «на Пожарѣ», къ торжественной казни, Басмановъ прочиталъ народу грамату съ изложеніемъ вины Шуйскихъ, князь Василій мужественно положилъ голову на плаху, объявивъ, что умираетъ за правду и вѣру христіанскую; но въ послѣднюю минуту прискакалъ отъ царя гонецъ съ объявленіемъ, что князю Василію казнь замѣнена ссылкой. Шуйскихъ отправили въ ссылку, въ галицкіе пригороды, а имѣнія ихъ конфисковали. Все это дѣло происходило въ концѣ іюня или въ іюлѣ 1605 г. Но и на этотъ разъ князь Василій счастливо выпутался изъ бѣды. По легкомысленному ли великодушію, или изъ опасенія раздражить жестокимъ преслѣдованіемъ знатнѣйшаго боярскаго рода все вообще родовитое боярство, Самозванецъ скоро совсѣмъ простилъ Шуйскихъ и не только вернулъ кн. Василія въ Москву, но и приблизилъ его къ себѣ: Василій обѣдалъ за царскимъ столомъ и на свадьбѣ царя исполнялъ роль тысяцкаго. Въ то же самое время онъ готовилъ новый заговоръ вмѣстѣ съ другими боярами-князьями, которыхъ Самозванецъ напрасно старался расположить къ себѣ разными милостями. Какъ быстро созрѣлъ этотъ заговоръ, можно судить по тому, что уже въ началѣ 1606 г., едва Шуйскіе вернулись изъ ссылки, они, вмѣстѣ съ князьями Голицыными, поручили дворянину Безобразову, котораго Самозванецъ отправилъ посломъ къ Сигизмунду, тайно передать королю, что новый царь московскій—человѣкъ распутный, низкій и жестокій, что они, бояре, готовы свергнуть его и предложить московскій престолъ королевичу Владиславу. Тѣмъ временемъ въ самой Москвѣ быстро множились элементы, не-

довольные Самозванцемъ и готовые подняться на него. Профессоръ Платоновъ такъ объясняетъ причины, поставившія во главѣ возстанія, которое, по всей вѣроятности, вспыхнуло бы и помимо боярскаго заговора, именно князя Василія Шуйскаго, а не кого-либо другого изъ боярской среды: Шуйскій «уже первою весеннею попыткою пріобрѣлъ ореолъ «первострадальца», и въ глазахъ толпы его поведеніе было прямѣе и, такъ сказать, героичнѣе поведенія всякаго иного боярина, Мстиславскаго, Голицыныхъ и прочихъ. Голова его лежала на плахѣ: этого одного было достаточно, чтобы снискать уваженіе патріотовъ. Затѣмъ, Шуйскіе имѣли большія связи въ разныхъ кругахъ общества. Лѣтопись не разъ указываетъ на близость къ Шуйскимъ московскихъ купцовъ: въ видѣ догадки замѣтимъ, что эта близость образовалась по старинной вотчинной осѣдлости князей Шуйскихъ. Они имѣли вотчины въ клязьменскомъ краю, въ томъ районѣ, гдѣ сельскія поселенія достигли большаго развитія и отличались напряженіемъ торговаго оборота и разнообразіемъ производительнаго труда. Населеніе ихъ вотчинъ связано было съ московскимъ рынкомъ и связывало съ нимъ своихъ вотчинныхъ «государей». Насмѣшливое прозвище, данное въ народѣ князю Василію Ивановичу Шуйскому—«шубникъ», произошло отъ шубнаго промысла, который былъ развитъ въ старыхъ вотчинахъ его рода, Шуйскомъ уѣздѣ, откуда произошла и самая фамилія Шуйскихъ. Могли Шуйскіе разсчитывать, кромѣ собственно московскаго населенія, и на помощь иногородцевъ. Есть указанія, что они сумѣли присовокупить къ своему совѣту дѣтей боярскихъ новгородскихъ и псковскихъ, которые и сыграли въ возстаніи дѣятельную роль. Одинъ, правда мутный, источникъ сообщаетъ вѣроподобное извѣстіе, что Шуйскіе стянули въ Москву своихъ людей изъ разныхъ вотчинъ. Наконецъ, за Шуйскими пошли и воинскіе отряды, расположенные временно подъ Москвою для дальнѣйшаго «польскаго» похода въ Елецъ» («Очерки Смуты», 224).

17 мая 1606 г. подготовленный кн. Василіемъ Шуйскимъ и его сообщниками заговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ. Самозванецъ погибъ, и власть очутилась въ рукахъ небольшого кружка бояръ, представителей родовитѣйшихъ княжескихъ фамилій. То были кн. Вас. Ив. Шуйскій съ братьями, кн. Вас. Вас. Голицынъ съ братьями, кн. Ив. Мих. Воротынскій и князь Ив. Сем. Куракинъ. Есть извѣстіе, что уже заблаговременно эти князья уговорились «разстригу беззаконнаго убити, а кому изъ нихъ по немъ на царство сѣсти, и никому за прежнія досады не мстити, но общимъ совѣтомъ россійское царство управляти». 19 мая на Красной площади собралась толпа народа, и кн. Василій Шуйскій былъ «выкрикнутъ» царемъ, по выраженію Соловьева. Между тѣмъ, боярство, не принимавшее участія въ заговорѣ 17 мая, думало о земскомъ соборѣ и на собраніи 19 мая предлагало избрать сначала патріарха, который въ безгосударное время долженъ былъ стать во главѣ собора и руководить дѣломъ избранія новаго царя. Но бояре заговорщики не надѣялись осуществить своихъ плановъ при посредствѣ земскаго собора и, пользуясь удобнымъ моментомъ, убѣдили народную толпу, что царь нужнѣе патріарха. Самъ Василій понималъ, повидимому, какое дурное впечатлѣніе должно произвести это избраніе помимо земскаго собора, и въ окружныхъ грамотахъ съ изложеніемъ событій 17—19 мая старался замаскировать незаконность своего избранія. Онъ увѣрялъ населеніе, что принялъ престолъ по челобитью освященнаго собора и бояръ и окольничихъ и дворянъ и приказныхъ людей и стольниковъ и стряпчихъ и дѣтей боярскихъ и гостей и торговыхъ и всякихъ людей Московскаго государ
Но не это «челобитье», которому Василій старался пр
характеръ всенароднаго избранія, должно было служить
нымъ оправданіемъ его воцаренія, а «степень прародителей»
Шуйскій особенно старался подчеркнуть въ своихъ грамо
что онъ занялъ престолъ по праву рожденія, что Моско
государство—его «отчина»: «учинилися есмя на отчинѣ п
дителей нашихъ, на Россійскомъ Государствѣ царемъ и
кимъ княземъ, его же дарова Богъ прародителю нашему
рику, иже бѣ отъ римскаго Кесаря, и потомъ многими
и до прародителя нашего, великаго князя Александра Яр
вича Невскаго на семъ Россійскомъ Государствѣ быша п
дители мои и по семъ на Суздальскій удѣлъ раздѣлиша
отнятіемъ и не отъ неволи, но по родству, якоже обыкли
шая братья на большая мѣста сѣдати».

Но какъ ни старался Василій замаскировать незакон
своего избранія, это ему не удалось. Современники, русс
иностранцы, единодушно отмѣчаютъ, что царь Василій
денъ былъ на престолъ «малыми нѣкими отъ царскихъ пал
что онъ «сѣде царствовати безъ избранія земскаго», полу
престолъ «по волчьему праву» и т. п.

Когда Василій былъ провозглашенъ царемъ, то, по раз
лѣтописи, онъ пошелъ въ Успенскій соборъ и сталъ там
ворить, чего искони вѣковъ въ Московскомъ государст
повелось: «цѣлую де крестъ всей землѣ на томъ, что мн
надъ кѣмъ не дѣлать безъ собору никакого дурна; отецъ
ватъ и надъ сыномъ ничего не дѣлать, а будетъ сынъ
ватъ, то отцу никакого дурна не дѣлать, а которая де
мнѣ грубость при царѣ Борисѣ, никакъ никому не мс
Бояре и всякіе люди протестовали и говорили, чтоб
креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ госуд
того не повелось; но царь не послушалъ и поцѣловалъ к
а со всею землею и съ городами о томъ не ссылались,—
бавляетъ лѣтопись. Мало того, Василій не удовольств
устнымъ клятвеннымъ обѣщаніемъ; оно было изложено в
бой крестоцѣловальной записи и разослано по всему го
ству. Въ оффиціальной редакціи записи есть одно сущес
ное различіе сравнительно съ лѣтописнымъ разсказом
записи царь клятвенно обѣщаетъ творить истинный суд
бояры своими» и ничего не говоритъ о «соборѣ».

Крестоцѣловальная запись царя Василія и извѣстія
торыхъ источниковъ объ ограниченіи его власти боярами
вергались различному толкованію въ исторической литера
По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, власть Василія была
мально ограничена Боярской Думой, держалась на поли
скомъ договорѣ съ боярствомъ; наиболѣе обстоятельно это
ніе развито проф. Ключевскимъ («Боярская Дума», 2-ое
гл. XVIII). «Старая династія, говорилъ онъ, собравшая
ство, была крѣпкимъ узломъ всѣхъ его отношеній. Моск
государь считалъ своихъ правительственныхъ сотрудников
слѣдственными, извѣчными боярами своего дома. Бояре, съ
стороны, видѣли въ немъ своего государя прирожденнаго,
хозяина, и этотъ взглядъ, унаслѣдованный еще отъ удѣ
времени, болѣе всего, можетъ-быть, даже больше Иван
жестокостей, сдерживалъ боярскія притязанія и замы
Прекращеніе старой династіи, появленіе на престолѣ люде
среды самихъ же бояръ, Годунова и Шуйскаго, застави
ярство подумать объ обезпеченіи своего политическаго
ствованія. Въ статьѣ «Царь В. И. Шуйскій и боярство» («И
ческое Обозрѣніе», V), сведя всѣ мнѣнія и свидѣтельства

а потомъ въ Тулу. Царь лично предводительствовалъ войсками, осаждавшими этотъ оплотъ мятежниковъ, и только въ октябрѣ 1607 г. Тула была взята, и вожди мятежа захвачены. Расправа съ мятежниками была крайне жестокая: «воровъ» казнили сотнями и тысячами; цѣлыя области отдавались царскимъ войскамъ на грабежъ и разореніе. Возвратясь съ торжествомъ въ Москву, Василій въ январѣ 1608 г. отпраздновалъ свою свадьбу съ княжной М. П. Буйносовой-Ростовской, съ которою онъ былъ помолвленъ еще при самозванцѣ.

Глубокое соціальное значеніе мятежа 1606—1607 г. побудило царя Василія дѣйствовать не только военною силой, но также средствами моральнаго вліянія на народную массу и законодательными мѣропріятіями, касающимися обездоленныхъ классовъ населенія. Когда Болотниковъ осадилъ Москву, на все населеніе послѣдней былъ наложенъ покаянный постъ, а въ февралѣ 1607 г. Василій вызвалъ въ Москву бывшаго патріарха, престарѣлаго Іова, который въ Успенскомъ соборѣ торжественно разрѣшилъ москвичей во всѣхъ ихъ клятвопреступленіяхъ. Въ то же время появился рядъ публицистическихъ произведеній, имѣвшихъ цѣлью уничтожить легенду о спасеніи царевича Димитрія и освѣщавшихъ переживаемыя событія съ точки зрѣнія интересовъ правительства царя Василія. Но всѣ эти тенденціозныя произведенія не могли имѣть большого практическаго значенія.

Что касается законодательной дѣятельности Василія, то она находилась въ самой тѣсной зависимости отъ ясно обнаружившейся въ 1606—1607 г. гражданской смуты и имѣла цѣлью урегулировать правовое положеніе крѣпостного крестьянства и холопства. Указомъ 7 марта 1607 г. запрещено было поступать въ «добровольные холопи» безъ формальныхъ кабальныхъ записей, безъ вѣдома правительственныхъ органовъ: «не держи холопа, гласилъ указъ, безъ кабалы ни одного дни; а держалъ безкабально и кормилъ, и то у себя самъ потерялъ». Мотивомъ этого закона, очевидно, было желаніе усилить средства надзора надъ тѣмъ обширнымъ классомъ общества, изъ котораго выходили наиболѣе опасные элементы всякихъ возстаній и мятежей. Но обычай добровольнаго, безкабальнаго холопства крѣпко привился, и боярскимъ приговоромъ 12 сентября 1609 г. возстановлено было дѣйствіе стараго закона 1597 г. о шестимѣсячномъ срокѣ добровольнаго холопства. Почти одновременно съ указомъ о добровольномъ холопствѣ, 9 марта 1607 г., явилось «соборное уложеніе» о крѣпостныхъ крестьянахъ, обсужденное въ торжественномъ засѣданіи Освященнаго собора и Боярской Думы. Это уложеніе устанавливало основаніемъ крестьянской крѣпости запись въ писцовой книгѣ, запрещало крестьянскій «выходъ» и опредѣляло 15-тилѣтній срокъ давности для исковъ о бѣглыхъ. Такимъ образомъ, законодательство царя Василія имѣло строго консервативный характеръ, послѣдовательно развивая принципъ закрѣпощенія, лежавшій въ основѣ всего соціальнаго строя Московскаго государства.

Не успѣлъ Василій покончить съ осадою Тулы, какъ въ августѣ 1607 г. появился второй самозванецъ, знаменитый Тушинскій воръ, сплотившій вокругъ себя и разсѣянныхъ-было «воровъ» Болотникова, и людей болѣе спокойныхъ слоевъ общества, по почему-либо недовольныхъ правительствомъ Шуйскаго, и смѣлыхъ польскихъ наѣздниковъ, искателей приключеній и наживы. Въ подлинность новаго самозванца «плохо вѣрили, его интересамъ служили дурно, но каждая общественная группа, бывшая при немъ, желала пользоваться его именемъ и властью для собственныхъ видовъ» (Платоновъ, «Очерки Смуты», стр. 273). Успѣхъ вора, осадившаго въ іюнѣ 160 Москву, поставилъ царя Василія въ критическое полож Отряды тушинцевъ и поляковъ расходились по странѣ, хватывая главныя дороги, шедшія къ Москвѣ, и прерывая шенія столицы съ другими центрами государства. Въ с Москвѣ обнаруживались шатость и смятеніе: одни служ люди разъѣзжались по своимъ вотчинамъ и помѣстьямъ, д прямо передавались вору. Государство явно раздѣлилось м двумя правительствами: московскимъ и тушинскимъ. Царь силій вѣрно понималъ, что онъ можетъ ждать себѣ спасень столько отъ ненадежныхъ ратныхъ силъ, которыя дились у него подъ руками, сколько отъ того самостоятель земскаго движенія въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ, торыя поднялись противъ самозванца, не будучи въ си вынести тяжести разбойничьяго, воровского режима. Наско позволяли силы и средства, царь пытался войти въ связ этимъ народнымъ движеніемъ и даже руководить имъ. Пос князя М. В. Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ и органи имъ успѣшнаго похода къ Москвѣ были самымъ крупны блестящимъ результатомъ совмѣстной борьбы правительст земщины противъ вора. Въ то же время Василій искалъ земной помощи. Лѣтомъ 1608 г. было заключено перемиріе Польшей, по которому польское правительство обязывалось вести изъ Московскаго государства своихъ людей, служив вору, и одновременно царь обратился за прямой, военной мощью къ шведскому королю Карлу IX, который еще во в возстанія Болотникова предлагалъ свои услуги.

Земское движеніе, поднявшееся на защиту государств порядка, и шведская помощь лишь на короткое время у шили положеніе царя Василія: Вору нанесенъ былъ сил ударъ, и Москва избавилась отъ блокады. Но въ то же в время надвинулся на Московское государство новый сил врагъ: союзъ Василія съ шведскимъ королемъ послужилъ домъ къ вмѣшательству Польши въ московскія дѣла; въ тябрѣ 1609 г. король Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ. вмѣшательство Сигизмунда имѣло одинаково гибельныя пос ствія какъ для Вора, такъ и для царя Василія. Оно сс ствовало разложенію тушинскаго лагеря и повело къ м о кандидатурѣ королевича Владислава, на которой сошлись ставители тѣхъ слоевъ московскаго общества, которые од ково враждебно относились и къ боярской олигархіи, пос шей на престолъ Шуйскаго, и къ анархическимъ стремле тушинскихъ воровъ. Договоръ съ Сигизмундомъ 4 фе 1610 г., оффиціально поставившій кандидатуру короле Владислава и отразившій въ себѣ интересы помянутыхъ них общественныхъ слоевъ, былъ жестокимъ ударомъ для Василія. Порвавъ со своими прежними единомышленни боярами-княжатами, утративъ всякій нравственный автор въ народной массѣ, имѣя передъ собой новаго соперника-тендента на московскій престолъ, Владислава, царь Василі могъ опереться ни на одну сплоченную общественную гр и неминуемо долженъ былъ пасть.

Какъ ни легко, въ концѣ концовъ, совершилось низло Василія, однако, тому предшествовалъ цѣлый рядъ неудачн заговоровъ. Эти заговоры, руководимые мало-авторитетным энергичными людьми, неоднократно разрѣшались безплодн демонстраціями уличной толпы. Василій находилъ возможн лично выходить навстрѣчу къ мятежникамъ «мужественн не убоявся отъ нихъ убійства» и смѣло говорилъ, что «большихъ бояръ» садить его съ престола нельзя. Больш

Снимокъ

Потрета Князя Михайла Васильича Скопина.

Годунова, при которомъ онъ былъ пожалованъ въ стольники. Начало же быстраго возвышенія князя Михаила падаетъ на время торжества Лжедимитрія. Исторія отношеній перваго Самозванца и Шуйскихъ извѣстна. Въ первые дни своего воцаренія Лжедимитрій всячески ласкалъ представителей этой фамиліи. Затѣмъ, узнавъ объ интригахъ князя Василія Ивановича и его ближайшей родни, подвергъ ихъ временной опалѣ. Ея избѣгнулъ даровитый юноша Скопинъ, вѣроятно, державшій себя тактично и осторожно. Лжедимитрій приблизилъ его къ себѣ, далъ ему званіе «великаго мечника», заимствованное новымъ царемъ изъ Польши, и послалъ Скопина за инокиней Марѳой, бывшей царицей Маріей Нагой, матерью царевича Димитрія Углицкаго. Успѣшно исполнивъ свое порученіе, Скопинъ вернулся въ Москву, гдѣ долженъ былъ по званію великаго мечника занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди московскаго боярства. Переворотъ 17-го мая 1606 года, ниспровергнувшій Самозванца и посадившій на московскій престолъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, не могъ дурно повліять на карьеру родственника новаго царя тѣмъ болѣе, что политическія и соціальныя нестроенія въ государствѣ и вооруженныя возстанія народныхъ массъ давали полную возможность развернуться воинскимъ талантамъ Скопина. Послѣдній дѣйствовалъ съ успѣхомъ противъ отрядовъ Болотникова въ то время, какъ остальные воеводы царя терпѣли пораженія. Войска, предводительствуемыя княземъ Михаиломъ Васильевичемъ, относились къ нему съ любовью и довѣрчивостью; лишь разъ въ рати Скопина обнаружились шатость и измѣна царю Василью среди знатныхъ служилыхъ людей; однако, одинъ изъ участниковъ измѣны, князь Иванъ Катыревъ-Ростовскій, въ своей талантливо написанной «Повѣсти о смутѣ», съ большимъ уваженіемъ отзывается о князѣ Михаилѣ какъ «крѣпкомъ», «храбромъ и разсмотрительномъ воеводѣ» и отмѣчаетъ его «о своемъ дѣлѣ попеченіе».

Отъ своихъ ратныхъ подвиговъ Скопинъ отдохнулъ нѣсколько въ 1608 году; въ этомъ году онъ женился на Александрѣ Васильевнѣ Головиной. Черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы юный вождь долженъ былъ покинуть молодую жену. На него было возложено порученіе первостепенной важности и трудности. Правительство царя Василія не использовало во-время своей побѣды надъ возстаніемъ Болотникова, который послѣ многихъ неудачъ московскихъ воеводъ былъ, наконецъ, ими побѣжденъ. Оплошностью Шуйскаго воспользовался второй Самозванецъ, извѣстный Тушинскій Воръ. При помощи польскихъ отрядовъ и козацкихъ шаекъ Воръ захватилъ рядъ важныхъ пунктовъ на югѣ Московіи, а затѣмъ утвердился близъ столицы въ селѣ Тушинѣ; часть же его войскъ осадила Троице-Сергіевъ монастырь. Тогда царь Василій принужденъ былъ обратиться съ просьбой о помощи къ шведскому королю Карлу IX, предложенія котораго онъ до сихъ поръ отвергалъ. Князь Михаилъ Васильевичъ долженъ былъ отправиться на сѣверъ Московскаго царства съ цѣлью заключить союзный договоръ со Швеціей, а также организовать армію изъ жителей сѣверныхъ городовъ и идти противъ Вора и его войскъ. Безъ всякаго промедленія Скопинъ отправился въ путь. Надо имѣть въ виду, что ему приходилось дѣйствовать при очень тяжелыхъ условіяхъ. Хотя сѣверные города государства были менѣе другихъ охвачены смутой, но и тамъ успѣхи Вора производили довольно сильное броженіе. Такъ, въ Псковѣ, вскорѣ по пріѣздѣ князя Михаила въ Новгородъ, произошло открытое возстаніе противъ московскаго правительства, возникшее на почвѣ соціальной вражды между «лучшими» и «меньшими» псковскими людьми. Въ самомъ Новгородѣ настроеніе было неспокойное. Особенно недовольны были новгородцы самоуправствомъ
борами второго своего воеводы, Михаила Игнатьевича Тат
и дьяка Ефима Телепнева. Опасаясь послѣдствій народна
удовольствія, Татищевъ и Телепневъ задумали тайно по
городъ. Они убѣдили Скопина, дожидавшагося въ Нов
результата переговоровъ со шведами посланнаго имъ въ В
своего шурина С. В. Головина, послѣдовать ихъ примѣр
немногими людьми Скопинъ, Татищевъ и Телепневъ пос
удалились изъ Новгорода 8-го сентября 1608 года, взя
собой государеву казну. Остановившись въ 3-хъ приблизи
верстахъ отъ города, они вызвали прочихъ новгородски
чальниковъ и объявили имъ, что спѣшатъ въ Иваны
такъ какъ, судя по письму Головина изъ Выборга, надо
питься съ наймомъ ратныхъ иноземцевъ. Бѣглецы, дѣ
тельно, направились къ Иваньгороду, но жители его уже
шли на сторону Вора. Тогда Скопинъ и его спутники
тались занять Орѣшекъ. Однако, воевода этого города, з
отъ оставшихся въ Новгородѣ воеводы князя Куракина и
Ивана Тимоѳеева, автора очень любопытнаго и цѣннаго
менника» о Смутѣ, о самовольномъ уходѣ князя Михаила
рищей его по странствію, не впустилъ ихъ. Онъ грозилъ
арестовать Скопина и его спутниковъ, но преклонился на п
своего родственника, М. И. Татищева. Огорченные бѣглецы д
были скитаться въ дебряхъ пустыннаго края, и положен
становилось трагическимъ.

Между тѣмъ въ Новгородѣ царила анархія, которую
тически описываетъ своимъ, къ сожалѣнію, вычурнымъ
понятнымъ слогомъ Иванъ Тимоѳеевъ. Оставшіеся въ
Куракинъ и самъ Тимоѳеевъ были «отъ человѣкъ уничи
«владычествова же и царюя тогда во градѣ само живое
Божія Премудрости». Населеніе было страшно взволнов
каждую минуту могъ вспыхнуть мятежъ. Вліятельные гр
старались лицемѣрно кроткими словами успокоить народ
конецъ, митрополиту Исидору и другимъ лицамъ, пользовав
значеніемъ въ городѣ, удалось убѣдить новгородцевъ посл
популярнымъ Скопинымъ депутацію съ просьбой вернут
нимъ. Тогда злополучные бѣглецы съ торжествомъ прибы
Новгородъ по водному пути. Здѣсь они передъ всѣми граж
повторили уже извѣстное намъ объясненіе причины их
запнаго отъѣзда. Этому объясненію не безъ основанія не
Тимоѳеевъ, говоря, что они бѣжали «отъ вѣтра и отъ
совѣсти». Замѣтимъ, что во всей этой исторіи дьякъ-пи
винитъ, главнымъ образомъ, Татищева и Телепнева, счита
пина скорѣе жертвой интриги, чѣмъ участникомъ поз
поступка. Вскорѣ по возвращеніи князя Михаила Васил
въ Новгородъ недавніе друзья, Татищевъ и Телепневъ, по
лись. Послѣдній донесъ Скопину, что первый хочетъ из
царю Василью и, отправившись въ Москву, попытаться све
его съ престола. Причина измѣны Татищева заключалась,
вамъ Тимоѳеева, въ томъ, что новгородскій воевода, ока
довольно большія услуги Шуйскому при его воцареніи, с
себя обойденнымъ наградой. Онъ былъ назначенъ вторым
водой въ Новгородѣ въ прежнемъ чинѣ думнаго дворян
разсчитывалъ остаться въ столицѣ и сдѣлаться, по крайней
окольничимъ, если не бояриномъ. Узнавъ о замышляемой
Татищева, князь Михаилъ сообщилъ о ней новгородцам
поспѣшили убить ненавистнаго воеводу, а трупъ его б
въ рѣку. Имѣніе Татищева было конфисковано. Послѣ ра
съ Татищевымъ новгородцы окончательно успокоились, и
женіе воеводъ Шуйскаго въ этомъ городѣ упрочилось.

зицкаго, высланный Воромъ для занятія Новгорода и подвшій къ нему въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1608 года, не имѣлъ ого успѣха, хотя и вызвалъ случаи частныхъ перебѣжекъ Шуйскаго къ Самозванцу.

ернувшись въ Новгородъ, Скопинъ занялся дѣятельнымъ ніемъ и устроеніемъ рати, съ которой онъ долженъ былъ ться на выручку утѣсненной воровскими войсками столицѣ. ію этой организаціонной работы князя Михаила прослѣдилъ ссоръ Платоновъ въ своихъ извѣстныхъ «Очеркахъ по іи Смуты». Было намѣчено нѣсколько важныхъ въ экономъ и стратегическомъ отношеніи городовъ сѣвера и о-востока Россіи, каковы Вологда, Великій-Устюгъ и другіе, ые сдѣлались мѣстными центрами для стягиванья воинскихъ овъ. Эти города сносились съ Новгородомъ, который игралъ общаго центра для всего предпріятія. И царь Василій, и нъ разсылали всюду грамоты, разъясняя значеніе и раз- полномочій князя Михаила и требуя поддержки. Такими и къ веснѣ 1609 года удалось собрать въ Новгородѣ до русскаго войска. Тѣмъ временемъ Головину, цѣной уступки Корѣлы, удалось заключить союзный договоръ съ швед- уполномоченными. Къ маю собралась у Новгорода «нѣхъ людей кованая рать», превышающая 15 тысячъ швед- французскихъ и другихъ наемниковъ, которымъ надо платить большое жалованье. Главнымъ начальникомъ этой ной арміи былъ Яковъ Понтусъ Делагарди, сдѣлавшійся ѣдствіи благодаря своимъ талантамъ и подвигамъ военной итостью Швеціи. Какъ русскій, такъ и шведскій полко- были молодыми, полными силъ и отваги людьми. Дела- шелъ всего 27 годъ, Скопину было лишь 22 года. Громаднаго видный и статный собой князь Михаилъ производилъ льное впечатлѣніе на войска; полки Скопина не могли го «назрѣться какъ на небесное солнце». Дѣйствительно, й вождь умѣлъ поддерживать порядокъ въ своей рати, ибѣгая къ крутымъ мѣрамъ. Объ этомъ говорятъ и рѣчи иковъ Скопина, произнесенныя ими передъ его трупомъ: бя, государя нашего, въ полкѣхъ войска нашего и безъ страшно и грозно, а радостны и веселы». Въ то же время й вождь умѣлъ пріобрѣсть любовь и тѣхъ иностранцевъ, горыми ему пришлось ратоборствовать противъ враговъ. сильно разумѣлъ какъ съ пограничными чужестранными и честное обхожденіе имѣть». И шведскій современный ну историкъ Видекиндъ замѣчаетъ, что князь Михаилъ лся «умомъ, зрѣлымъ не по лѣтамъ, силою духа, при- остью, воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ обходиться остранцами». Даже враги Скопина, поляки, по словамъ Тимоѳеева, изумлялись русскому вождю и его воинскимъ амъ. Эти способности Скопина проявились во время по- оединенной шведско-русской рати къ Москвѣ. Медленно ясь на югъ, сражаясь успѣшно съ войсками Вора, усили- ои войска подходящими подкрѣпленіями изъ русскихъ въ, князь Михаилъ къ февралю 1610 года подошелъ къ ѣ. Тушинскій Воръ бѣжалъ въ Калугу, Тушино пере- быть угрозой для москвичей. Успѣхъ Скопина обусло- помимо удачныхъ дѣйствій русскаго и шведскаго вождей, тельствомъ въ московскія дѣла короля Сигизмунда. По- й осадилъ Смоленскъ и перетянулъ въ свои войска мно- польскихъ приверженцевъ Вора. Не слѣдуетъ забывать и дѣятельности боярина Ѳ. И. Шереметева, очистившаго уты Поволжье и соединившагося въ подмосковной Але- овской Слободѣ со Скопинымъ. Во всякомъ случаѣ, на долю князя Михаила выпала наиболѣе трудная часть дѣла и упорныя битвы подъ Торжкомъ, Тверью и Колязинымъ монастыремъ. За то и слава Скопина, а также народная любовь къ избавителю Москвы чрезвычайно возросли.

Въ народѣ начались толки, что любимый его герой достоинъ царскаго вѣнца. Объ этомъ говорятъ, между прочимъ, дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ и намеки прибавленія къ псковской лѣтописи. Характеренъ также слухъ, сообщенный однимъ французомъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, о томъ, что царь Василій хочетъ отказаться отъ власти и предоставить выборъ царя Земскому Собору, который, по общему мнѣнію, посадитъ на Московскій престолъ Скопина. Наиболѣе нетерпѣливые люди не хотѣли ждать. Такъ, Прокопій Ляпуновъ отправилъ къ князю Михаилу изъ Рязани поздравительную грамоту, называя его царемъ и ругая Василія Шуйскаго. Скопинъ приказалъ-было арестовать посланцовъ Ляпунова и отослать ихъ въ Москву, но, тронувшись ихъ мольбами, разрѣшилъ имъ вернуться въ Рязань. Царь Василій получилъ обо всемъ этомъ доносъ «отъ злыхъ человѣкъ клеветниковъ» и сталъ очень подозрительно относиться къ знаменитому своему родственнику. Однако, не проявляя видимыхъ знаковъ неудовольствія, Шуйскій посылалъ къ Скопину милостивыя грамоты, въ которыхъ звалъ его въ Москву. Самъ русскій полководецъ намѣревался, не пріѣзжая въ столицу, двинуться во главѣ своей шведско-русской рати подъ Смоленскъ противъ польскаго короля. Делагарди раздѣлялъ мнѣніе Скопина, но пришлось повиноваться желанію царя. Торжественный пріемъ ожидалъ побѣдителей въ Москвѣ. Особенно горячо москвичи привѣтствовали своего популярнаго вождя. Братья же царя, а, главнымъ образомъ, честолюбивый, но бездарный Димитрій показывали явную враждебность князю Михаилу и старались всячески разсорить съ нимъ царя Василія. Видя враждебное настроеніе Шуйскихъ, Делагарди и другіе сторонники Скопина безпрестанно и настоятельно уговаривали его поспѣшить походомъ подъ Смоленскъ. Князь Михаилъ началъ подготовлять войска къ выступленію. Посреди приготовленій Скопинъ внезапно занемогъ на одномъ изъ многочисленныхъ пировъ, даваемыхъ тогда въ Москвѣ; это было крестинное торжество у князя Воротынскаго, у сына котораго князь Михаилъ былъ крестнымъ отцомъ, а жена князя Димитрія Шуйскаго крестной матерью. Перенесенный въ безчувственномъ состояніи домой, Скопинъ промучился около 2-хъ недѣль; у него были постоянное кровотеченье носомъ и жестокая лихорадка. Скончался Скопинъ въ ночь съ 23-го на 24-е апрѣля, сгорѣвъ на 24-мъ году своей недолгой, но обильной воинскими дѣлами жизни. Распространился слухъ о томъ, что молодой вождь отравленъ своей кумой. Есть извѣстіе, что толпа народа бросилась къ дому Димитрія Шуйскаго, котораго едва отстояли посланныя на выручку войска.

Вопросомъ о смерти Скопина и выясненіемъ причинъ ея много занимался авторъ обстоятельной біографической статьи о князѣ Михаилѣ Васильевичѣ, профессоръ В. С. Иконниковъ. Тщательно разобравъ всѣ извѣстныя во время написанія его работы сообщенія и разсужденія современниковъ событія, В. С. Иконниковъ готовъ предположительно считать князя Димитрія Шуйскаго виновникомъ нежданной смерти Скопина. При этомъ названный изслѣдователь не вѣритъ въ причастность самого царя Василія къ злодѣянію его брата. Свои соображенія объ отравленіи князя Михаила В. С. Иконниковъ подкрѣпляетъ указаніемъ, что нѣкоторые яды производятъ такіе именно симптоматическіе признаки, какіе проявились у заболѣвшаго Скопина.

Трудно сказать, насколько вѣроятны были упорно державшіеся въ свое время слухи, перешедшіе и въ народныя поэтическія преданія, о томъ, что единственная тогда надежда русскихъ людей пала жертвой отравы. Мы не имѣемъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что именно насильственная смерть постигла Скопина. Скажемъ даже такъ: неожиданность кончины князя Михаила, враждебное отношеніе къ нему Шуйскихъ, соперничество съ нимъ нелюбимаго народомъ князя Димитрія могли создать почву и для невѣрнаго обвиненія противъ родни Скопина, а въ частности противъ старшаго изъ царскихъ братьевъ. Съ другой стороны, опытность Шуйскихъ въ интригахъ, нравы того времени и личныя свойства князя Димитрія позволяютъ, дѣйствительно, съ нѣкоторой вѣроятностью допустить, что смерть князя Михаила была слѣдствіемъ отравы. Прибавимъ, что и неизвѣстный проф. Иконникову дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ обвиняетъ родственниковъ Скопина въ его смерти, не выдѣляя при этомъ и царя Василія.

Смерть Скопина вызвала взрывъ непритворнаго горя всего народа. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуетъ рядъ современниковъ «таковаго мужа, воина и воеводы и на супротивныя одолителя». Особенно краснорѣчиво повѣствуетъ объ этомъ «Писаніе о преставленіи и погребеніи князя Михаила... рекомаго Скопина». По его словамъ, заливались горькими слезами осиротѣвшія мать и жена внезапно почившаго юноши, рыдали надъ безжизненнымъ тѣломъ своего вождя сподвижники Скопина, безутѣшны были шведы во главѣ съ Делагарди, тщетно старавшіеся при жизни князя Михаила помочь ему искусствомъ своихъ врачей. Весь народъ, отъ мала до велика, оплакивалъ кончину «доброхота земли русской». Не малую роль играли въ этомъ народномъ горѣ «безгодное время смерти» Скопина и слухи объ его отравленіи. Главнымъ же образомъ, личныя заслуги и душевныя свойства князя Михаила вызывали общую скорбь по немъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что современники князя Михаила подчеркивали непричастность его къ замысламъ ныкихъ приверженцевъ и почитателей «великаго, въ правдѣ истоваго воина и воеводы», а дьякъ Тимоѳеевъ прямо говорилъ о службѣ Скопина царю. На ряду съ такимъ мнѣніемъ нужно имѣть въ виду и многочисленные хвалебные отзывы о Скопинѣ какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ, въ томъ числѣ польскихъ, современниковъ русскаго полководца. Насколько высоко ставили нѣкоторые изъ близкихъ къ князю Михаилу лицъ его нравственныя свойства, видно изъ словъ одного слуги Скопина, приводимыхъ авторомъ помянутаго «Писанія»: «не подобаетъ убо таковому тѣлеси его въ земли разсыпатися; вѣмъ бо его тѣлесную чистоту, купно же и духовную». Самъ царь, видя общенародную скорбь, оплакивалъ князя Михаила. Должно-быть Василій Шуйскій сознавалъ, что со смертью Скопина онъ лишился единственной поддержки своему правительству. Во всякомъ случаѣ, сонъ подьячаго посольскаго приказа, видѣвшаго незадолго до смерти князя Михаила внезапное паденіе одного изъ столповъ, поддерживавшихъ царскій дворецъ, по роковой игрѣ судьбы оказался зловѣщимъ пророчествомъ для царя Василія. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со дня смерти Скопина, какъ послѣ полнаго разгрома царскихъ войскъ, предводимыхъ на этотъ разъ корыстолюбивымъ и изнѣженнымъ Димитріемъ Шуйскимъ, при селѣ Клушинѣ царь Василій былъ сведенъ съ престола, и наступили тяжелыя времена междуцарствія. «Самозванцы-самозванцы», замѣчаетъ по этому поводу Иванъ Тимоѳеевъ, «злосродніи сродницы» князя Михаила Васильевича «самі отломишася естественныя маслины» «ниже намъ того завистніи оставиша». Плѣнъ и униженіе въ далекой странѣ были удѣломъ людей, которые пожали горькіе плоды «зависти своея».

Станиславъ Жолкѣвскій.

К. В. Хилинскаго.

БОГАТАЯ и знатная семья Жолкѣвскихъ пользовалась большимъ вліяніемъ въ той части нынѣшней Галиціи, которая подъ властью Польши называлась воеводствомъ Русскимъ. Здѣсь, въ селѣ Турынкѣ, неподалеку отъ Львова, у Станислава Жолкѣвскаго, впослѣдствіи воеводы Русскаго, родился въ 1547 г. сынъ, названный тоже Станиславомъ, будущій полководецъ и государственный дѣятель. Годы дѣтства онъ провелъ въ деревнѣ, потомъ учился въ львовскихъ школахъ и поѣхалъ заканчивать образованіе за границу. Впослѣдствіи онъ очень отрицательно относился къ этимъ поѣздкамъ, но самъ, повидимому, времени за границей не терялъ, усердно учился и совершенствовался въ военномъ дѣлѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованій по Западной Европѣ, онъ возвратился въ Польшу очень образованнымъ, по тому времени, человѣкомъ: хорошо зналъ, кромѣ польскаго, шесть языковъ, былъ весьма свѣдущъ въ исторіи, юриспруденціи и военныхъ наукахъ. Въ 1575 г. онъ началъ свою службу государству.

Конецъ XVI вѣка былъ для Польши бурнымъ переходнымъ временемъ. Въ 1572 г. умеръ послѣдній король изъ дома Ягеллоновъ, Сигизмундъ-Августъ. Королевская власть уже ранѣе перестала быть наслѣдственной, но въ дѣйствительности она никѣмъ у Ягеллоновъ не оспаривалась; династія эта пользовалась большой популярностью, и избраніе короля имѣло только формальное значеніе. Теперь, когда нужно было избрать короля изъ другого дома, разгорѣлась, естественно, борьба партій, стремленій и интересовъ. За господствующее положеніе въ государствѣ боролись двѣ партіи: одна, «сенаторская», состояла изъ магнатовъ и стремилась къ олигархіи; другую, болѣе демократичную, составляла масса дворянства—шляхта. Во главѣ ея сталъ замѣчательный государственный человѣкъ, Янъ Замойскій. Послѣ недолгаго правленія Генриха Валуа—впослѣдствіи французскаго короля Генриха III—Замойскій провелъ избраніе Семиградскаго воеводы Стефана Баторія. Новому королю и Замойскому, его главному помощнику, пришлось силой защищать власть. Особенно опасно было возстаніе Гданска, противъ котораго былъ предпринятъ походъ; тутъ въ первый разъ отличился Станиславъ Жолкѣвскій (1577). Въ это время онъ сблизился

Екатеринбургская общественная
БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ
В. Г. Б

съ Замойскимъ, другомъ его отца, а черезъ Замойскаго попалъ въ число приближенныхъ самого короля. Благодаря этимъ связямъ блестящія дарованія молодого Жолкѣвскаго были скоро замѣчены, и онъ сталъ играть видную роль въ военной и политической жизни Польши. Онъ участвовалъ въ Ливонской войнѣ, командовалъ конницей во время осады Великихъ Лукъ (1580) и чуть не былъ убитъ подъ Псковомъ. Убѣжденный сторонникъ короля и канцлера Замойскаго, Жолкѣвскій, конечно, сталъ на ихъ сторону во время смуты, затѣянной магнатами Зборовскими. Одинъ изъ нихъ, Самуилъ, изгнанный за убійство каштеляна Ваповскаго въ воротахъ королевскаго замка, самовольно вернулся въ Польшу и дѣятельно агитировалъ противъ короля. Жолкѣвскій арестовалъ его, занявъ вооруженнымъ отрядомъ усадьбу одной родственницы Самуила, у которой тотъ находился, и привезъ его въ Краковъ. Здѣсь Зборовскій былъ казненъ (1584). Крутая расправа съ членомъ знатнаго и вліятельнаго семейства очень повредила и королю, и канцлеру, но болѣе всѣхъ Жолкѣвскому; его обвиняли въ нарушеніи закона, въ разбойническомъ нападеніи и т. д. Однако, процессъ, начатый Зборовскими, былъ прекращенъ, а сами они на этотъ разъ потерпѣли полную неудачу.

Вражда Зборовскихъ была не такъ опасна, пока жилъ король Стефанъ; но послѣ его смерти Жолкѣвскій, вѣрный помощникъ Замойскаго, опять сталъ подвергаться ожесточеннымъ нападкамъ; во время сейма 1587 г., когда онъ заступалъ мѣсто отсутствовавшаго канцлера во главѣ его партіи, жизнь его подвергалась серьезной опасности; его чуть не убили сторонники Зборовскихъ; онъ долженъ былъ покинуть Варшаву, устроить за городомъ таборъ и отбиваться въ немъ отъ своихъ политическихъ противниковъ.

Положеніе Жолкѣвскаго улучшилось, когда на Польскій престолъ благодаря стараніямъ Замойскаго былъ избранъ шведскій королевичъ Сигизмундъ Ваза. Партія Зборовскихъ провозгласила королемъ австрійскаго эрцгерцога Максимиліана, но подъ Бычиной Замойскій разбилъ его и взялъ въ плѣнъ. Въ этой битвѣ Жолкѣвскій командовалъ правымъ крыломъ польскаго войска и былъ раненъ въ колѣно. За заслуги, оказанныя имъ дѣлу Сигизмунда, онъ былъ назначенъ короннымъ польнымъ гетманомъ *).

Новый король преслѣдовалъ только свои династическіе и религіозные интересы; онъ не оправдалъ надеждъ патріотической партіи Замойскаго и Жолкѣвскаго и вскорѣ совершенно разошелся съ ними. Жолкѣвскій уѣхалъ къ южнымъ границамъ Польши и принялъ тамъ начальство надъ небольшимъ войскомъ, которое не получило жалованья и роптало. Дѣла на югѣ было много: постоянно бывали татарскіе набѣги (особенно въ 1595 и 1606 гг.); начинало волноваться козачество. Въ 1596 г. вспыхнуло возстаніе Лободы и Наливайки. Жолкѣвскій вмѣстѣ съ мѣстными магнатами усмирилъ козаковъ послѣ нѣсколькихъ битвъ (у Острополя, у Бѣлой Церкви и у Лубенъ); вожди возстанія были взяты въ плѣнъ и отосланы въ Варшаву. Къ общему неудовольствію всѣхъ украинскихъ помѣщиковъ Жолкѣвскій заключилъ послѣ этого съ козаками договоръ; ему чуть было не пришлось употребить свои войска противъ одного изъ мѣстныхъ магнатовъ, князя Рожинскаго, который безконечными казнями могъ вызвать новые безпорядки. Жолкѣвскій былъ сторонникомъ той политики, какой держался по отношенію къ козакамъ король Стефанъ: онъ хотѣлъ имѣть въ нихъ сильное и дешевое пограничное войско, не посягая на ихъ самобытность и внутреннее устройство; политика эта не удалась, потому что ей мѣшало все болѣе распространявшееся крѣпостное право.

Кромѣ борьбы съ татарами и козаками, Жолкѣвскому приходилось также вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи и Валахіи, гдѣ польское вліяніе постоянно боролось съ турецкимъ. Въ 1599 г. коронные гетманы разбили у Тарговоста господаря Михаила и посадили на его мѣсто своего ставленника, Симеона Могилу. Когда не было военныхъ дѣлъ, Жолкѣвскій обыкновенно жилъ въ своемъ имѣніи, селѣ Винникахъ; онъ выхлопоталъ ему права города и далъ новое названіе—Жулкевъ.

Тѣмъ временемъ политика Сигизмунда успѣла принести свои плоды: Швеція возстала противъ него, и король втянулъ въ борьбу съ ней Польшу (1601). Войну начали литовскія войска; въ 1602 г. на помощь имъ въ Ливонію былъ посланъ Жолкѣвскій съ коронными войсками, а вскорѣ туда явились самъ король, который всѣмъ портилъ дѣло, и Замойскій—главнокомандующій. Жолкѣвскій отличился въ этой войнѣ тѣмъ, что около Ревеля окружилъ и уничтожилъ значительный шведскій отрядъ (1603). Въ 1605 г. великій гетманъ литовскій, Карлъ Ходкевичъ, одержалъ надъ шведами блестящую побѣду при Кирхгольмѣ; но успѣхи на войнѣ не приносили пользы при бездарной политикѣ короля. Католическія и абсолютистическія стремленія Сигизмунда привели Польшу въ такое состояніе, что въ тотъ самый моментъ, когда побѣды въ Ливоніи и московская смута сулили королю и государству громадныя выгоды, въ странѣ разгорѣлось вооруженное возстаніе недовольной королемъ шляхты, съ Зебжидовскимъ во главѣ. Замойскаго въ это время уже не было въ живыхъ, и Жолкѣвскій долженъ былъ возстановлять миръ. Задача была не изъ легкихъ. Какъ родственникъ Зебжидовскаго, гетманъ не внушалъ довѣрія королю; какъ предводитель войскъ, состоявшихъ почти исключительно изъ шляхты, онъ не могъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ шляхетскихъ сторонниковъ Зебжидовскаго; наконецъ, съ Жолкѣвскимъ спорили о власти Ходкевичъ и магнаты Потоцкіе, которые привели королю большое войско изъ Украины. Въ 1607 г. Зебжидовскій потерпѣлъ пораженіе при Гузовѣ; но возстаніе этимъ не окончилось, а Потоцкіе ушли на югъ, отвлеченные новыми смутами въ Молдавіи. Тогда Жолкѣвскій предложилъ королю рѣшить дѣло третейскимъ судомъ, если мятежники изъявятъ покорность: онъ боялся, что Россія, Швеція и Турція поспѣшатъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Польши. Но это предложеніе очень оскорбило короля; гетману пришлось оправдываться и увѣрять его въ своей вѣрности. Сигизмунду казалось подозрительнымъ и то, что Жолкѣвскій не вступалъ съ Зебжидовскимъ въ бой; но гетманъ нарочно медлилъ, такъ какъ каждый день проволочки ослаблялъ силы мятежниковъ: шляхта разъѣзжалась по домамъ. При такомъ положеніи дѣлъ возстаніе должно было окончиться безъ новаго боя; и, дѣйствительно, въ маѣ 1608 г. Зебжидовскій принужденъ былъ явиться въ Краковъ, былъ введенъ Жолкѣвскимъ въ сенатъ и торжественно просилъ у короля прощенія.

Возстаніе кончилось. Теперь Сигизмундъ могъ вмѣшаться въ московскія дѣла; до этого времени онъ не принималъ въ нихъ прямого участія. Жолкѣвскій относился къ авантюрѣ Юрія Мнишка и Самозванца очень скептически. Въ царское происхожденіе послѣдняго онъ совершенно не вѣрилъ и въ своемъ

*) Во главѣ польскихъ войскъ стоялъ великій гетманъ коронный, во главѣ литовскихъ—великій гетманъ литовскій. У каждаго изъ нихъ былъ помощникъ, польный гетманъ. Великимъ гетманомъ короннымъ былъ тогда Замойскій.

сочиненіи о московской войнѣ *) называетъ его Разстригой, Гришкой Отрепьевымъ; виновникомъ смуты и войны онъ считалъ Сендомірскаго воеводу, о которомъ отзывался очень нелестно. Еще при жизни перваго Самозванца часть московскихъ бояръ сносилась тайно съ королемъ объ избраніи на царство королевича Владислава, но смута Зебжидовскаго не позволила тогда внимательно отнестись къ этому дѣлу. Когда она окончилась, перваго Лжедимитрія уже не было въ живыхъ, но положеніе дѣлъ въ Россіи позволяло еще королю надѣяться на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что за Владислава все еще стояли нѣкоторые бояре.

Сигизмундъ сообщилъ Жолкѣвскому о своемъ намѣреніи вмѣшаться въ московскія дѣла, но тотъ совѣтовалъ ждать рѣшенія сейма. Самъ онъ, повидимому, считалъ войну безполезной и не надѣялся, чтобы король располагалъ достаточными средствами для нея. Однако, она была рѣшена на сеймѣ 1609 г. Прежде чѣмъ уѣхать послѣ сейма изъ Варшавы, Жолкѣвскій имѣлъ у короля продолжительную аудіенцію и предложилъ ему свой планъ военныхъ дѣйствій: идти къ Москвѣ не черезъ хорошо укрѣпленный Смоленскъ, а черезъ Кіевъ и сѣверскіе города; занять всѣ пути сообщенія между Москвой и Смоленскомъ—если возможно будетъ, то взять и столицу—и тогда покончить дѣло со Смоленскомъ. Далѣе, зная, что король самъ разсчитываетъ занять московскій престолъ, гетманъ предупредилъ его, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, и что возможно лишь избраніе на царство Владислава. Сигизмундъ не далъ опредѣленнаго отвѣта, но заявилъ, что разсчитываетъ на добровольную сдачу Смоленска (объ этомъ велись тогда тайные переговоры). Жолкѣвскій уѣхалъ въ Жулкевъ и сталъ готовить войска къ походу. Во время его отсутствія у короля сложился иной планъ войны: онъ хотѣлъ взять Смоленскъ и двигаться затѣмъ къ Москвѣ, опираясь на эту крѣпость. Можетъ-быть, этотъ планъ былъ правиленъ, но Жолкѣвскій, убѣжденный въ трудности его осуществленія, постоянно совѣтовалъ королю отказаться отъ него. Гетманъ не вѣрилъ въ успѣхъ похода, тѣмъ болѣе, что самъ король собирался въ немъ участвовать; ему тяжело было вести войну по плану, который онъ считалъ неправильнымъ; поэтому онъ написалъ Сигизмунду письмо и просилъ освободить его отъ командованія; онъ ссылался на свой преклонный возрастъ и на усталость. Но король сталъ настаивать на своемъ, и Жолкѣвскій долженъ былъ повиноваться.

Тѣмъ временемъ Сигизмундъ медлилъ, какъ всегда. Весной 1609 г. онъ прислалъ Жокѣвскому только реестры войскъ; въ Краковѣ, куда уѣхалъ король, никто не думалъ о военныхъ приготовленіяхъ. Только въ іюнѣ собралось войско; король выступилъ въ походъ и около Люблина встрѣтился съ Жолкѣвскимъ. Гетманъ доказывалъ королю, что время для похода упущено, но оставлять дѣло было уже поздно; польскіе отряды медленно направились черезъ Вильно и Оршу къ Смоленску и въ сентябрѣ приступили къ осадѣ. Жолкѣвскій полагалъ, что сладить съ крѣпостью будетъ трудно; тѣмъ не менѣе, онъ принялъ на себя руководство осадными работами и сталъ обстрѣливать городъ, безъ большого, впрочемъ, успѣха. Тѣмъ временемъ королевскія войска увеличивались въ числѣ; однихъ запорожцевъ пришло около 40 тысячъ. Такъ какъ приходилось ограничиться блокадой города, то гетманъ сталъ совѣтовать королю оставить подъ Смоленскомъ козаковъ и идти съ дру войсками къ Москвѣ. Въ это время успѣхи Скопина (кот Жолкѣвскій очень хвалитъ въ своемъ сочиненіи) осложнил дачи королевскаго войска. Польскіе и козацкіе партизанскі ряды подъ Москвой были частью уничтожены, частью дол были отступить. Гетманъ надѣялся, что приближеніе значит наго польскаго войска заставитъ эти отряды соединиться нимъ и дастъ возможность управиться съ царемъ Васил Но Сигизмундъ настоялъ на продолженіи осады; Жолкѣ могъ только занять города отъ Дорогобужа до Путивля и женъ былъ этимъ ограничиться. Тѣмъ временемъ къ ко явилась депутація отъ польскихъ партизановъ и потребо чтобы онъ «не отнималъ у нихъ плодовъ ихъ кровавыхъ довъ». Канцлеръ далъ отъ имени короля очень суровый от но Жолкѣвскій постарался расположить депутатовъ къ себ теряя надежды воспользоваться въ будущемъ отрядами Са и другихъ партизановъ. Этотъ разсчетъ имѣлъ тѣмъ болѣе ваній, что царскія войска продолжали тѣснить польскіе и зацкіе отряды. Уже послѣ смерти Скопина Дим. Шуйскій дилъ Бѣлую, гдѣ оборонялся Гонсѣвскій; король могъ дожда московскихъ войскъ подъ Смоленскомъ. Только тогда онъ рѣш послушаться Жолкѣвскаго и послать впередъ часть с войска. Сначала предполагалось, что Жолкѣвскій останется Смоленскомъ, но потомъ король рѣшилъ отправить именно Гетманъ взялъ съ собой 2000 конницы, 1000 пѣхоты, 300 заковъ и нѣсколько легкихъ орудій (къ этимъ силамъ п присоединилось еще нѣсколько полковъ) и быстро пошел Шуйску, а оттуда—подъ Царево-Займище (іюнь 1610). былъ значительный русскій гарнизонъ съ Валуевымъ и кимъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ поляки приступили къ города, занявъ предварительно можайскую дорогу, по ко могла прійти помощь осажденнымъ. Но Царево-Займище хо оборонялось, а Жолкѣвскій получилъ извѣстіе, что по мо ской дорогѣ идетъ войско Димитрія Шуйскаго съ иноземц отрядами Делагарди и Горна. Положеніе польскаго войска очень опаснымъ; оно это знало и требовало отступленія полкахъ говорили, что гетману надоѣла жизнь, и онъ хо погубить съ собой войско. Жолкѣвскій съ трудомъ успок волненіе. Онъ послалъ письмо къ отряду Горна, предлага солдатамъ оставить московскую службу, и это нѣсколько дѣйствовало на наемниковъ. Но Дим. Шуйскій продолжалъ ходъ и подошелъ къ деревнѣ Клушину, гдѣ остановился ночь съ 23 на 24 іюня. Узнавъ объ его приближеніи, кѣвскій собралъ военный совѣтъ; на немъ не пришли къ дѣленному рѣшенію, и тогда гетманъ своей властью рѣ идти навстрѣчу Шуйскому. 23 іюня онъ весь день дер войско на виду у осажденныхъ; когда стемнѣло, онъ оста передъ Царевымъ-Займищемъ незначительный отрядъ, остальнымъ войскомъ (около 8000 человѣкъ при 2 фаль тахъ) быстро пошелъ лѣсами къ Клушину. Шуйскій и его мощники были увѣрены въ побѣдѣ; Делагарди вспоминалъ, онъ попалъ въ Ливоніи въ плѣнъ къ полякамъ, и какъ кѣвскій подарилъ ему рысью шубу; онъ обѣщалъ отблагода его теперь собольей. Дѣйствительно, русское войско был нѣсколько разъ больше отряда Жолкѣвскаго, но оно было обучено, истомлено тяжелымъ походомъ, а начальники п брегали всѣми мѣрами предосторожности. Жолкѣвскій подо къ Клушину, когда въ русскомъ лагерѣ еще все спало, могъ сейчасъ же напасть на него, потому что долженъ устранить нѣкоторыя препятствія передъ собой: поломать пл

*) «Начало и развитіе Московской войны въ правленіе Е. В. Сигизмунда III, при начальствѣ г. Станислава Жолкѣвскаго, воеводы Кіевскаго, гетмана польнаго коронпаго».

ь двѣ деревни. «Москвичи и иноземные солдаты»—пишетъ, съ полной откровенностью—,«не зная причины этого про-нія, приписывали его великодушію пана гетмана, будто могъ напасть на нихъ сонныхъ, но не хотѣлъ и далъ я приготовиться; однако, вѣрно имъ не пришлось бы ждать, бы не было указанныхъ причинъ». Сраженіе продолжа-долго, по день 24 іюня окончился полной побѣдой гет-: войско Шуйскаго было разсѣяно, часть иноземныхъ отря-сдалась въ плѣнъ, и поляки взяли въ лагерѣ огромную добычу. Сейчасъ же послѣ битвы Жолкѣвскій вернулся подъ Ца-Займище; не имѣя надежды на помощь, Валуевъ долженъ сдаться и поцѣловать крестъ Владиславу; но онъ выго-ть рядъ условій: гетманъ обѣщалъ, что православіе будетъ аняться въ неприкосновенности; Владиславъ долженъ былъ ить, какъ прежніе цари, не давать преимуществъ полякамъ; ь долженъ былъ отказаться отъ Смоленска, когда эта крѣ-присягнетъ его сыну. Жолкѣвскій подписалъ эти условія которыхъ позже долженъ былъ отрекаться); врядъ ли онъ ъ въ виду толковать ихъ въ нежелательномъ для москви-смыслѣ: вѣроятно, онъ самъ признавалъ ихъ за minimum овскихъ требованій или надѣялся измѣнить кое-что въ чательномъ договорѣ. Вслѣдъ за Царевымъ-Займищемъ Вла-ву присягнули другіе города: Можайскъ, Борисовъ, Бо-ъ, Ржевъ, Погорѣлое-Городище и Іосифовъ монастырь; къ скому войску присоединилось нѣсколько тысячъ русскихъ ыхъ людей.

печатлѣніе отъ Клушинскаго боя было очень велико: въ кѣ началась суматоха; отряды Тушинскаго Вора подсту-къ столицѣ; дни царствованія Шуйскаго были сочтены. оихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ царю Василію Жолкѣв-разсказываетъ такъ: «Гетманъ пересылалъ тайно въ Москву писемъ съ универсалами, ради возбужденія ненависти къ скому, указывая, что при его правленіи въ московскомъ твѣ всѣ дѣла идутъ плохо, и постоянно изъ-за него и для льется христіанская кровь. Эти универсалы разбрасывали лицамъ; а въ частныхъ письмахъ онъ давалъ нѣкоторымъ анія»... Повидимому, уже тогда у гетмана были хорошіе щники среди московскихъ бояръ. Онъ слалъ письма также рянскимъ и смоленскимъ дворянамъ, бывшимъ въ Москвѣ; твѣчали, что въ его грамотѣ ничего не говорится насчетъ нятія Владиславомъ православія. Жолкѣвскій написалъ имъ, это—дѣло патріарха и духовенства; онъ, очевидно, не хо-брать на себя рѣшенія вопроса (а самъ называлъ въ ъ сочиненіи такое требованіе абсурдомъ). 17 іюля Василій скій былъ низложенъ. Извѣстіе объ этомъ застало Жолкѣв-о въ Можайскѣ; онъ тотчасъ поспѣшилъ къ Москвѣ. Съ ти онъ слалъ въ столицу новыя письма: просилъ Мстислав-бережно охранять Шуйскихъ; давалъ знать боярамъ, что, ъ противъ Самозванца и хочетъ исполнить королевскую прекратить кровопролитіе, ввести порядокъ. Бояре отвѣ-, что не нуждаются въ его помощи, и просили не подхо-къ Москвѣ; гетманъ, конечно, продолжалъ путь, и 24 іюня ъ лагеремъ въ 7 верстахъ отъ города, на Хорошевскихъ къ. Съ другой стороны, на серпуховской дорогѣ, былъ уже званецъ, и его отряды жгли подмосковныя села и слободы. такомъ стѣсненномъ положеніи бояре предпочли поляковъ; славскій прислалъ къ гетману нѣкоего Телюшкина спро-другомъ или недругомъ пришелъ онъ къ Москвѣ. Жолкѣв-принялъ пословъ съ честью и повторилъ прежнія обѣща-Въ тотъ же день онъ пропустилъ въ станъ короля подъ Смоленскомъ посольство отъ «царя Димитрія», но съ нимъ самимъ отказался вступать въ сношенія; впрочемъ, онъ кое-какъ установилъ modus vivendi съ партизанскими войсками Сапѣги.

26 іюля польское войско стало у самой Москвы, и вскорѣ начались переговоры объ избраніи на царство Владислава—сначала въ письмахъ, а потомъ, по настоянію гетмана, въ личныхъ свиданіяхъ его съ московскими уполномоченными у Дѣвичья монастыря. Москвичи привезли длинный свитокъ съ условіями и въ двухъ засѣданіяхъ обсуждали ихъ съ гетманомъ. У Жолкѣвскаго были вѣскія причины торопиться съ заключеніемъ договора: съ одной стороны, проволочкой могъ воспользоваться Самозванецъ; съ другой—была возможность, что царемъ провозгласятъ В. Голицына или Михаила Романова. Но у гетмана со времени Клушинской битвы не было никакихъ инструкцій отъ Сигизмунда; зная короля и его планы, Жолкѣвскій боялся на личную свою отвѣтственность рѣшить дѣло. Онъ былъ принужденъ сдѣлать это войскомъ, которое не получало жалованія и готово было отказать въ повиновеніи. 17 августа договоръ былъ подписанъ: Москва должна была послать къ королю и Владиславу пословъ—просить королевича принять царскій санъ; онъ долженъ былъ охранять православіе и цѣлость русскихъ земель; до окончательнаго умиротворенія поляки занимаютъ пограничныя крѣпости; будетъ произведена обоюдная выдача плѣнныхъ; гетманъ будетъ дѣйствовать противъ Вора, и т. д. Жолкѣвскій далъ присягу отъ имени Владислава въ соблюденіи договора, но оговорилъ въ немъ, что не имѣетъ отъ короля наказа, а потому надо просить о подтвержденіи условій короля и королевича. Дѣйствительно, на постоянные запросы гетмана Сигизмундъ не давалъ отвѣта, если не считать имъ словъ одного изъ писемъ короля: «дѣлайте то, что по Вашему разумѣнію будетъ наилучшимъ для насъ и для государства»; но въ такой инструкціи Жолкѣвскій не нуждался. Теперь, когда москвичи начали уже цѣловать крестъ Владиславу, пришелъ, наконецъ, наказъ отъ короля: Сигизмундъ настаивалъ на федераціи, на томъ, чтобы самому быть избраннымъ на царство.

Очутившись въ самомъ неловкомъ положеніи, гетманъ не потерялъ надежды заставить короля измѣнить свои планы и никому не сообщилъ объ этой инструкціи; но черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ нему Гонсѣвскій съ новымъ письмомъ, повторявшимъ тѣ же требованія. Король былъ очень недоволенъ Жолкѣвскимъ; условія договора прямо противорѣчили его желанію. Но гетманъ теперь не могъ уже обращать на это вниманія; самъ Гонсѣвскій, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, согласился, что ни въ коемъ случаѣ нельзя нарушать договора. Исполненіе его началось съ военныхъ дѣйствій противъ Самозванца. На личномъ свиданіи съ Сапѣгой гетманъ сумѣлъ добиться того, что польскіе партизаны обѣщали покинуть Вора, если бы тотъ не принялъ предложеннаго ему отступного. Такъ какъ Самозванецъ не хотѣлъ отказываться отъ надеждъ на царство, то пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Жолкѣвскій въ большомъ порядкѣ провелъ ночью свое войско черезъ городъ (снискавъ тѣмъ полное довѣріе москвичей), соединился съ русскимъ отрядомъ и двинулся къ монастырю Николы Угрѣшскаго; но Самозванецъ успѣлъ уже оттуда бѣжать въ Калугу, и поляки вернулись къ Москвѣ. Тутъ Жолкѣвскій сталъ настаивать, чтобы было какъ можно скорѣе отправлено великое посольство къ королю и Владиславу. Хорошо извѣстно, какое громадное значеніе имѣло это великое московское посольство. Жолкѣвскій самъ разсказываетъ, что онъ старался уславьвъ

сочиненіи о московской войнѣ *) называетъ его Разстригой, Гришкой Отрепьевымъ; виновникомъ смуты и войны онъ считалъ Сендомірскаго воеводу, о которомъ отзывался очень нелестно. Еще при жизни перваго Самозванца часть московскихъ бояръ сносилась тайно съ королемъ объ избраніи на царство королевича Владислава, но смута Зебжидовскаго не позволила тогда внимательно отнестись къ этому дѣлу. Когда она окончилась, перваго Лжедимитрія уже не было въ живыхъ, но положеніе дѣлъ въ Россіи позволяло еще королю надѣяться на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что за Владислава все еще стояли нѣкоторые бояре.

Сигизмундъ сообщилъ Жолкѣвскому о своемъ намѣреніи вмѣшаться въ московскія дѣла, но тотъ совѣтовалъ ждать рѣшенія сейма. Самъ онъ, повидимому, считалъ войну безполезной и не надѣялся, чтобы король располагалъ достаточными средствами для нея. Однако, она была рѣшена на сеймѣ 1609 г. Прежде чѣмъ уѣхать послѣ сейма изъ Варшавы, Жолкѣвскій имѣлъ у короля продолжительную аудіенцію и предложилъ ему свой планъ военныхъ дѣйствій: идти къ Москвѣ не черезъ хорошо укрѣпленный Смоленскъ, а черезъ Кіевъ и сѣверскіе города; занять всѣ пути сообщенія между Москвой и Смоленскомъ—если возможно будетъ, то взять и столицу—и тогда покончить дѣло со Смоленскомъ. Далѣе, зная, что король самъ разсчитываетъ занять московскій престолъ, гетманъ предупредилъ его, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, и что возможно лишь избраніе на царство Владислава. Сигизмундъ не далъ опредѣленнаго отвѣта, но заявилъ, что разсчитываетъ на добровольную сдачу Смоленска (объ этомъ велись тогда тайные переговоры). Жолкѣвскій уѣхалъ въ Жулкевъ и сталъ готовить войска къ походу. Во время его отсутствія у короля сложился иной планъ войны: онъ хотѣлъ взять Смоленскъ и двигаться затѣмъ къ Москвѣ, опираясь на эту крѣпость. Можетъ-быть, этотъ планъ былъ правиленъ, но Жолкѣвскій, убѣжденный въ трудности его осуществленія, постоянно совѣтовалъ королю отказаться отъ него. Гетманъ не вѣрилъ въ успѣхъ похода, тѣмъ болѣе, что самъ король собирался въ немъ участвовать; ему тяжело было вести войну по плану, который онъ считалъ неправильнымъ; поэтому онъ написалъ Сигизмунду письмо и просилъ освободить его отъ командованія; онъ ссылался на свой преклонный возрастъ и на усталость. Но король сталъ настаивать на своемъ, и Жолкѣвскій долженъ былъ повиноваться.

Тѣмъ временемъ Сигизмундъ медлилъ, какъ всегда. Весной 1609 г. онъ прислалъ Жокѣвскому только реестры войскъ; въ Краковѣ, куда уѣхалъ король, никто не думалъ о военныхъ приготовленіяхъ. Только въ іюнѣ собралось войско; король выступилъ въ походъ и около Люблина встрѣтился съ Жолкѣвскимъ. Гетманъ доказывалъ королю, что время для похода упущено, но оставлять дѣло было уже поздно; польскіе отряды медленно направились черезъ Вильно и Оршу къ Смоленску и въ сентябрѣ приступили къ осадѣ. Жолкѣвскій полагалъ, что сладить съ крѣпостью будетъ трудно; тѣмъ не менѣе, онъ принялъ на себя руководство осадными работами и сталъ обстрѣливать городъ, безъ большого, впрочемъ, успѣха. Тѣмъ временемъ королевскія войска увеличивались въ числѣ; однихъ запорожцевъ пришло около 40 тысячъ. Такъ какъ приходилось ограничиться блокадой города, то гетманъ сталъ совѣтовать королю оставить подъ Смоленскомъ козаковъ и идти съ дру войсками къ Москвѣ. Въ это время успѣхи Скопина (кото Жолкѣвскій очень хвалитъ въ своемъ сочиненіи) осложнили дачи королевскаго войска. Польскіе и козацкіе партизанскіе ряды подъ Москвой были частью уничтожены, частью дол были отступить. Гетманъ надѣялся, что приближеніе значит наго польскаго войска заставитъ эти отряды соединиться нимъ и дастъ возможность управиться съ царемъ Василі Но Сигизмундъ настоялъ на продолженіи осады; Жолкѣв могъ только занять города отъ Дорогобужа до Путивля и женъ былъ этимъ ограничиться. Тѣмъ временемъ къ ко явилась депутація отъ польскихъ партизановъ и потребов чтобы онъ «не отнималъ у нихъ плодовъ ихъ кровавыхъ довъ». Канцлеръ далъ отъ имени короля очень суровый отв но Жолкѣвскій постарался расположить депутатовъ къ себѣ теряя надежды воспользоваться въ будущемъ отрядами Са и другихъ партизановъ. Этотъ разсчетъ имѣлъ тѣмъ болѣе о ваній, что царскія войска продолжали тѣснить польскіе и зацкіе отряды. Уже послѣ смерти Скопина Дим. Шуйскій дилъ Бѣлую, гдѣ оборонялся Гонсѣвскій; король могъ дожда московскихъ войскъ подъ Смоленскомъ. Только тогда онъ рѣш послушаться Жолкѣвскаго и послать впередъ часть св войска. Сначала предполагалось, что Жолкѣвскій останется Смоленскомъ, но потомъ король рѣшилъ отправить именно Гетманъ взялъ съ собой 2000 конницы, 1000 пѣхоты, 3000 заковъ и нѣсколько легкихъ орудій (къ этимъ силамъ п присоединилось еще нѣсколько полковъ) и быстро пошелъ Шуйску, а оттуда—подъ Царево-Займище (іюнь 1610). З былъ значительный русскій гарнизонъ съ Валуевымъ и Б кимъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ поляки приступили къ о города, занявъ предварительно можайскую дорогу, по кот могла прійти помощь осажденнымъ. Но Царево-Займище хо оборонялось, а Жолкѣвскій получилъ извѣстіе, что по мо ской дорогѣ идетъ войско Димитрія Шуйскаго съ иноземн отрядами Делагарди и Горна. Положеніе польскаго войска очень опаснымъ; оно это знало и требовало отступленія; полкахъ говорили, что гетману надоѣла жизнь, и онъ хо погубить съ собой войско. Жолкѣвскій съ трудомъ успок волненіе. Онъ послалъ письмо къ отряду Горна, предлагая солдатамъ оставить московскую службу, и это нѣсколько дѣйствовало на наемниковъ. Но Дим. Шуйскій продолжалъ ходъ и подошелъ къ деревнѣ Клушину, гдѣ остановился ночь съ 23 на 24 іюня. Узнавъ объ его приближеніи, Ж кѣвскій собралъ военный совѣтъ; на немъ не пришли къ о дѣленному рѣшенію, и тогда гетманъ своей властью рѣш идти навстрѣчу Шуйскому. 23 іюня онъ весь день дер войско на виду у осажденныхъ; когда стемнѣло, онъ оста передъ Царевымъ-Займищемъ незначительный отрядъ, а остальнымъ войскомъ (около 8000 человѣкъ при 2 фальк тахъ) быстро пошелъ лѣсами къ Клушину. Шуйскій и его мощники были увѣрены въ побѣдѣ; Делагарди вспоминалъ, онъ попалъ въ Ливоніи въ плѣнъ къ полякамъ, и какъ Ж кѣвскій подарилъ ему рысью шубу; онъ обѣщалъ отблагода его теперь собольей. Дѣйствительно, русское войско был нѣсколько разъ больше отряда Жолкѣвскаго, но оно было п обучено, истомлено тяжелымъ походомъ, а начальники пр брегали всѣми мѣрами предосторожности. Жолкѣвскій подо къ Клушину, когда въ русскомъ лагерѣ еще все спало, н могъ сейчасъ же напасть на него, потому что долженъ устранить нѣкоторыя препятствія передъ собой: поломать пле

*) «Начало и развитіе Московской войны въ правленіе Е. В. Сигизмунда III, при начальствѣ г. Станислава Жолкѣвскаго, воеводы Кіевскаго, гетмана польнаго короннаго».

жечь двѣ деревни. «Москвичи и иноземные солдаты»—пишетъ, онъ съ полной откровенностью—,«не зная причины этого промедленія, приписывали его великодушію пана гетмана, будто онъ могъ напасть на нихъ сонныхъ, но не хотѣлъ и далъ время приготовиться; однако, вѣрно имъ не пришлось бы ждать, если бы не было указанныхъ причинъ». Сраженіе продолжалось долго, но день 24 іюня окончился полной побѣдой гетмана: войско Шуйскаго было разсѣяно, часть иноземныхъ отрядовъ сдалась въ плѣнъ, и поляки взяли въ лагерѣ огромную добычу.

Сейчасъ же послѣ битвы Жолкѣвскій вернулся подъ Царево-Займище; не имѣя надежды на помощь, Валуевъ долженъ былъ сдаться и поцѣловать крестъ Владиславу; но онъ выговорилъ рядъ условій: гетманъ обѣщалъ, что православіе будетъ сохраняться въ неприкосновенности; Владиславъ долженъ былъ править, какъ прежніе цари, не давать преимуществъ полякамъ; король долженъ былъ отказаться отъ Смоленска, когда эта крѣпость присягнетъ его сыну. Жолкѣвскій подписалъ эти условія (отъ которыхъ позже долженъ былъ отрекаться); врядъ ли онъ имѣлъ въ виду толковать ихъ въ нежелательномъ для москвичей смыслѣ: вѣроятно, онъ самъ признавалъ ихъ за minimum московскихъ требованій или надѣялся измѣнить кое-что въ окончательномъ договорѣ. Вслѣдъ за Царевымъ-Займищемъ Владиславу присягнули другіе города: Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Ржевъ, Погорѣлое-Городище и Іосифовъ монастырь; къ польскому войску присоединилось нѣсколько тысячъ русскихъ ратныхъ людей.

Впечатлѣніе отъ Клушинскаго боя было очень велико: въ Москвѣ началась суматоха; отряды Тушинскаго Вора подступили къ столицѣ; дни царствованія Шуйскаго были сочтены. О своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ царю Василію Жолкѣвскій разсказываетъ такъ: «Гетманъ пересылалъ тайно въ Москву много писемъ съ универсалами, ради возбужденія ненависти къ Шуйскому, указывая, что при его правленіи въ московскомъ царствѣ всѣ дѣла идутъ плохо, и постоянно изъ-за него и для него льется христіанская кровь. Эти универсалы разбрасывали по улицамъ; а въ частныхъ письмахъ онъ давалъ нѣкоторымъ обѣщанія»... Повидимому, уже тогда у гетмана были хорошіе помощники среди московскихъ бояръ. Онъ слалъ письма также къ брянскимъ и смоленскимъ дворянамъ, бывшимъ въ Москвѣ; тѣ отвѣчали, что въ его грамотѣ ничего не говорится насчетъ принятія Владиславомъ православія. Жолкѣвскій написалъ имъ, что это—дѣло патріарха и духовенства; онъ, очевидно, не хотѣлъ брать на себя рѣшенія вопроса (а самъ называлъ въ своемъ сочиненіи такое требованіе абсурдомъ). 17 іюля Василій Шуйскій былъ низложенъ. Извѣстіе объ этомъ застало Жолкѣвскаго въ Можайскѣ; онъ тотчасъ поспѣшилъ къ Москвѣ. Съ дороги онъ слалъ въ столицу новыя письма: просилъ Мстиславскаго бережно охранять Шуйскихъ; давалъ знать боярамъ, что, идетъ противъ Самозванца и хочетъ исполнить королевскую волю: прекратить кровопролитіе, ввести порядокъ. Бояре отвѣчали, что не нуждаются въ его помощи, и просили не подходить къ Москвѣ; гетманъ, конечно, продолжалъ путь, и 24 іюня сталъ лагеремъ въ 7 верстахъ отъ города, на Хорошевскихъ лугахъ. Съ другой стороны, на серпуховской дорогѣ, былъ уже Самозванецъ, и его отряды жгли подмосковныя села и слободы. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи бояре предпочли поляковъ; Мстиславскій прислалъ къ гетману нѣкоего Телюшкина спросить, другомъ или недругомъ пришелъ онъ къ Москвѣ. Жолкѣвскій принялъ пословъ съ честью и повторилъ прежнія обѣщанія. Въ тотъ же день онъ пропустилъ въ станъ короля подъ Смоленскомъ посольство отъ «царя Димитрія», но съ нимъ самимъ отказался вступать въ сношенія; впрочемъ, онъ кое-какъ установилъ modus vivendi съ партизанскими войсками Сапѣги.

26 іюля польское войско стало у самой Москвы, и вскорѣ начались переговоры объ избраніи на царство Владислава—сначала въ письмахъ, а потомъ, по настоянію гетмана, въ личныхъ свиданіяхъ его съ московскими уполномоченными у Дѣвичья монастыря. Москвичи привезли длинный свитокъ съ условіями и въ двухъ засѣданіяхъ обсуждали ихъ съ гетманомъ. У Жолкѣвскаго были вѣскія причины торопиться съ заключеніемъ договора: съ одной стороны, проволочкой могъ воспользоваться Самозванецъ; съ другой—была возможность, что царемъ провозгласятъ В. Голицына или Михаила Романова. Но у гетмана со времени Клушинской битвы не было никакихъ инструкцій отъ Сигизмунда; зная короля и его планы, Жолкѣвскій боялся на личную свою отвѣтственность рѣшить дѣло. Онъ былъ принужденъ сдѣлать это войскомъ, которое не получало жалованія и готово было отказать въ повиновеніи. 17 августа договоръ былъ подписанъ: Москва должна была послать къ королю и Владиславу пословъ—просить королевича принять царскій санъ; онъ долженъ былъ охранять православіе и цѣлость русскихъ земель; до окончательнаго умиротворенія поляки занимаютъ пограничныя крѣпости; будетъ произведена обоюдная выдача плѣнныхъ; гетманъ будетъ дѣйствовать противъ Вора, и т. д. Жолкѣвскій далъ присягу отъ имени Владислава въ соблюденіи договора, но оговорилъ въ немъ, что не имѣетъ отъ короля наказа, а потому надо просить о подтвержденіи условій короля и королевича. Дѣйствительно, на постоянные запросы гетмана Сигизмундъ не давалъ отвѣта, если не считать имъ словъ одного изъ писемъ короля: «дѣлайте то, что по Вашему разумѣнію будетъ наилучшимъ для насъ и для государства»; но въ такой инструкціи Жолкѣвскій не нуждался. Теперь, когда москвичи начали уже цѣловать крестъ Владиславу, пришелъ, наконецъ, наказъ отъ короля: Сигизмундъ настаивалъ на федераціи, на томъ, чтобы самому быть избраннымъ на царство.

Очутившись въ самомъ неловкомъ положеніи, гетманъ не потерялъ надежды заставить короля измѣнить свои планы и никому не сообщилъ объ этой инструкціи; но черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ нему Гонсѣвскій съ новымъ письмомъ, повторявшимъ тѣ же требованія. Король былъ очень недоволенъ Жолкѣвскимъ; условія договора прямо противорѣчили его желанію. Но гетманъ теперь не могъ уже обращать на это вниманія; самъ Гонсѣвскій, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, согласился, что ни въ коемъ случаѣ нельзя нарушать договора. Исполненіе его началось съ военныхъ дѣйствій противъ Самозванца. На личномъ свиданіи съ Сапѣгой гетманъ сумѣлъ добиться того, что польскіе партизаны обѣщали покинуть Вора, если бы тотъ не принялъ предложеннаго ему отступного. Такъ какъ Самозванецъ не хотѣлъ отказываться отъ надеждъ на царство, то пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Жолкѣвскій въ большомъ порядкѣ провелъ ночью свое войско черезъ городъ (снискавъ тѣмъ полное довѣріе москвичей), соединился съ русскимъ отрядомъ и двинулся къ монастырю Николы Угрѣшскаго; но Самозванецъ успѣлъ уже оттуда бѣжать въ Калугу, и поляки вернулись къ Москвѣ. Тутъ Жолкѣвскій сталъ настаивать, чтобы было какъ можно скорѣе отправлено великое посольство къ королю и Владиславу. Хорошо извѣстно, какое громадное значеніе имѣло это великое московское посольство. Жолкѣвскій самъ разсказываетъ, что онъ старался услать въ

ленчий поспѣшно спешить избавиться въ Москвѣ лицъ,— людей, которые жили быть опасными для Владислава; такой дипломатической онъ добился того, что во главѣ посольства стали В. Голицынъ и патріархъ Филаретъ.

Тѣмъ временемъ со всѣхъ концовъ Россіи приходили извѣстія, что города клянутся крестъ Владиславу; тѣмъ Смоленска было, очевидно, пропадало. У гетмана оставались двѣ заботы. Во-первыхъ, часть бояръ, болѣе передовыхъ мнѣній, просила гетмана ввести войско въ столицу; этого хотѣли и сами поляки. Жолкѣвскій сначала отказался, но потомъ сталъ колебаться. Онъ сообщилъ выборнымъ отъ своихъ полковъ, что опасается располагать войска въ городѣ, гдѣ они можетъ быть истреблены. Ему возражалъ одинъ изъ выборныхъ, Мартоцкій, который сказалъ, что войско непремѣнно желаетъ расположиться въ городѣ, гдѣ оно надѣялось на легкую и веселую жизнь: въ лагерѣ гетманъ умѣлъ поддерживать желѣзную дисциплину. Жолкѣвскій разсердился и не хотѣлъ уступать; но просьбы бояръ, въ концѣ концовъ, убѣдили его. Польское войско вошло въ Москву и расположилось нѣсколькими отрядами въ Кремлѣ, Виноградческомъ монастырѣ и въ другихъ частяхъ города. Второй заботой Жолкѣвскаго былъ вопросъ о войскѣ Сапѣги, покинувшемъ Смоленскъ; послѣ разныхъ хлопотъ онъ былъ рѣшенъ тѣмъ, что эти отряды посланы были въ сѣверскіе города, ставшіе еще за Лжедимитрія.

Между расположившимися въ Москвѣ поляками и населеніемъ столицы Жолкѣвскій сумѣлъ установить весьма спокойныя отношенія. «Панъ гетманъ—пишетъ онъ — приказалъ тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы наши (т.-е. поляки) не ссорились съ москвичами; онъ установилъ судей какъ съ нашей, такъ и съ ихъ стороны, которые судили всякія столкновенія; жили такъ мирно, что бояре и народъ, видя своевольничанье нашего народа, дивились и хвалили, что мы жили такъ спокойно, безъ всякой обиды, никому ничего не дѣлая дурного». Судъ дѣйствовалъ съ большой строгостью: когда одинъ полякъ выстрѣлилъ въ икону Божьей Матери, то онъ былъ приговоренъ къ отсѣченію рукъ и сожженію. Благодаря строгому порядку, польское войско было хорошо обезпечено продовольствіемъ и ни въ чемъ не терпѣло недостатка. Гетманъ привлекъ къ себѣ и русское войско—стрѣльцовъ, лаской и дарами; они сами приходили къ нему и говорили, что готовы ловить измѣнниковъ, если онъ о какихъ узнаетъ. Начальникомъ надъ ними поставленъ былъ Гонсѣвскій, и стрѣльцы обѣщали повиноваться ему. Но лучшій примѣръ такта и обходительности Жолкѣвскаго—это отношенія между нимъ и патріархомъ Гермогеномъ: «Съ патріархомъ»,—разсказываетъ онъ—человѣкомъ очень старымъ, который былъ очень враждебенъ къ намъ изъ-за вѣры, боясь въ ней перемѣны, гетманъ сперва сносился черезъ посредниковъ, а потомъ и самъ у него бывалъ и, казалось, вошелъ съ нимъ въ большую дружбу; онъ всячески ухаживалъ за нимъ, такъ что старецъ сталъ склоняться къ иному къ намъ отношенію»...

Въ Москвѣ дѣла были, такимъ образомъ, устроены. Жолкѣвскому надо было теперь ѣхать подъ Смоленскъ, гдѣ все еще сидѣлъ Сигизмундъ, и убѣждать его утвердить московскій договоръ. Того же требовали русское посольство и канцлеръ Левъ Сапѣга, но король, поддерживаемый брацлавскимъ воеводой, Яномъ Потоцкимъ, соперникомъ Жолкѣвскаго, настаивалъ на своихъ требованіяхъ. Бояре упрашивали гетмана остаться въ Москвѣ, но онъ своего намѣренія не измѣнилъ, передалъ команду Гонсѣвскому и уѣхалъ. Бояре провожали его далеко за городъ, а на улицахъ простой народъ прощался съ нимъ и желалъ счастливаго пути.

Вскорѣ по дорогѣ Шуйскихъ, Жолкѣвскій пріѣхалъ 20 ф бря въ королевскій станъ подъ Смоленскомъ и былъ то ственно встрѣченъ войскомъ; но король обошелся съ нимъ холодно и, повидимому, былъ не радъ его пріѣзду. Жолкѣ немедленно сталъ поддерживать требованія московскаго посо Онъ убѣждалъ Сигизмунда, что если Владиславъ станетъ рямъ, то его можно будетъ потомъ избрать и королемъ; личная унія между Польшей и Россіей со временемъ мо окрѣпнуть, и связь между обоими государствами станетъ нѣе; что, наконецъ, у Польши нѣтъ больше средствъ пр жать войну. На Сигизмунда не дѣйствовали никакіе до Тѣмъ временемъ русскіе послы все ссылались на «гетмана С слава Станиславовича» и на заключенный имъ договоръ. Ж спасти положеніе, Жолкѣвскій предлагалъ имъ компромиссы нахъ и слышать не хотѣли. Кромѣ того, его упрекалъ Фил за то, что онъ привезъ съ собой Шуйскихъ и позволилъ шему царю Василію ходить не монахомъ, а въ свѣтскомъ п

Упорство короля вывело, наконецъ, Жолкѣвскаго изъ тѣнія. Получивъ отъ Сигизмунда рѣшительный отказъ въ нятіи условій московскаго договора, онъ не хотѣлъ остав дольше въ станѣ подъ Смоленскомъ. Король, съ своей сто видимо тяготился его присутствіемъ. Подъ предлогомъ по скутъ въ Мацахіи Жолкѣвскій покинулъ королевское вой уѣхалъ къ южнымъ польскимъ границамъ. Сигизмундъ хо было вернуть его съ дороги, когда дѣла въ Москвѣ пр опасный оборотъ, но потомъ успокоился.

Въ концѣ 1611 года Жолкѣвскій пріѣхалъ на сей Варшаву. Среди привѣтствій народа и войска онъ про съ трофеями московскаго похода черезъ городъ и предст сенату Шуйскихъ. Нѣсколько дней продолжались пиры жественныя рѣчи и парады. Но отношенія между корол Жолкѣвскимъ оставались натянутыми, и въ засѣданіяхъ гетманъ рѣзко критиковалъ московскую политику Сигиз Это не помѣшало ему стать въ защиту авторитета короле власти, когда въ 1612 г. вернувшіяся изъ московскихъ довъ войска, не получая жалованья, самовольно заняли левскія и церковныя земли и стали ихъ грабить; это он зывали процентами съ требуемыхъ суммъ. Назначенный разъ въ это время великимъ гетманомъ коронным *), Ж скій требовалъ примѣрнаго наказанія взбунтовавшихся и считая ихъ «конфедераціи» крайне опаснымъ прецедент будущее: время показало, что онъ былъ правъ. Но кор сеймъ не посмѣли прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣр уступили. Сигизмунду нужны были войска для новаго на Москву, хотя тамъ для Польши уже все было потеря роль предложилъ Жолкѣвскому стать во главѣ этого похо гетманъ наотрѣзъ отказался и уѣхалъ домой. Впрочем продолжалъ писать о немъ королю и давать совѣты; то обращалъ на нихъ никакого вниманія; Жолкѣвскій прек переписку. Такъ окончилась его роль въ дѣлахъ Смутнаг мени. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, въ интересахъ Пол даже въ интересахъ королевскаго дома, поскольку они н тиворѣчили пользѣ государства. Понимая лучше другихъ ственный строй, признавая національныя и культурныя ванія русскихъ, онъ старался найти между Русью и П такой modus vivendi, который, казалось, могъ установит

*) Должность эта оставалась вакантно й со смерти Яна Зам

ьшей выгодой для его родины: онъ мечталъ о томъ, что для двухъ государствъ династія приведетъ со временемъ ной политической уніи, или, по крайней мѣрѣ, прекра- остоянную борьбу между ними. Онъ требовалъ, чтобы и его приближенные во имя этой надежды отказались оихъ личныхъ интересовъ, отъ разсчетовъ и идей, ничего не имѣвшихъ съ величіемъ государства. Но никто не кивалъ въ Польшѣ великаго патріота: одни были равно- къ его планамъ, другимъ они казались слишкомъ осто- ми, разсчитанными на слишкомъ отдаленное будущее; ко- тѣлъ немедленнаго успѣха—и погубилъ будущность сво- олевства.

ное крушеніе надеждъ и стремленій Жолкѣвскаго, ги- ла, которому онъ безкорыстно и самоотверженно слу- очень повліяли на стараго гетмана. Достигнувъ высшихъ й и славы, онъ испыталъ также столько горя, разоча- и обидъ, что сталъ очень мрачно смотрѣть на все одившее въ Польшѣ; въ его письмахъ начинаютъ замѣ- желчность и раздражительность, хотя ранѣе даже о са- лыхъ своихъ врагахъ онъ писалъ въ замѣчательно спо- ъ и мягкомъ тонѣ. Но привычка къ постоянной работѣ воляла ему оставаться безъ дѣла. Послѣ 1613 г. онъ ько лѣтъ прожилъ въ Жулкви, занимаясь устройствомъ ъ владѣній Польши: укрѣплялъ города, основывалъ школы, ъ іезуитскую коллегію въ Барѣ. Убѣжденный и ревност- толикъ, онъ, подобно своему другу Замойскому, защи- елигіозное равноправіе всѣхъ христіанскихъ подданныхъ и строилъ въ своихъ помѣстьяхъ православныя церкви: поводъ къ неудовольствію короля. Но главной заботой было войско. Пользуясь нѣсколькими годами мира со й и Турціей, онъ старался дать хорошую подготовку немногочисленнымъ отрядамъ; большіе доходы со своихъ ій и нѣсколькихъ староствъ онъ почти цѣликомъ тра- на содержаніе войска, потому что правительство объ мало заботилось. А между тѣмъ Польшѣ грозила на югѣ я опасность: все болѣе и болѣе портились отношенія съ і, которая достигла въ это время апогея своего могу- . Особенно волновало гетмана то, что опасность увели- сь своеволіемъ польскихъ магнатовъ и козаковъ. Они, не я вниманія на суровыя запрещенія короля, сейма и гет- часто дѣлали набѣги на турецкое побережье или совершали въ Молдавію, вмѣшиваясь въ дѣла господарства. Послѣ г., когда все войско Стефана Потоцкаго было истреблено и, нѣсколько лѣтъ прошло сравнительно спокойно; но въ г. князья Корецкій и Вишневецкій опять собрали войско авились въ Молдавію, хотя Жолкѣвскій даже гнался за о своими отрядами. И эта авантюра окончилась пла- Вишневецкій умеръ въ походѣ, Корецкій былъ взятъ и въ плѣнъ. Затѣмъ и запорожцы, подкупленные импе- ъ, пустились въ море и жестоко опустошили окрестности ттинополя. Турція хотѣла мстить и готовилась къ войнѣ. ский зналъ объ этомъ и слалъ королю письмо за пись- требуя войскъ; но тотъ отвѣчалъ одно: пусть гетманъ етъ по своему благоусмотрѣнію. Впрочемъ, къ коза- ыли отправлены комиссары; тѣ обѣщали прекратить на- тотчасъ снова взялись за прежнее. Тогда султанъ от- ъ противъ Польши большое войско; онъ приказалъ Искан- шѣ занять Молдавію, Валахію, Подолье и Украину и ъ козаковъ. Въ это время начинался съ большой пом- ходъ Владислава на Москву. Жолкѣвскій опять отказался принимать въ немъ участіе и требовалъ, чтобы это предпріятіе было отложено, а войска шли къ нему, противъ турокъ. Вмѣсто этого король прислалъ инструкцію: во что бы то ни стало заключить съ Турціей миръ. Жолкѣвскій имѣлъ мало войскъ. Въ случаѣ его пораженія турки и татары хлынули бы на Украину, а тамъ не было никакихъ средствъ для обороны. Гетманъ долженъ былъ повиноваться королю и въ сентябрѣ 1617 г. заключилъ съ турками такъ назыв. Бушинскій трактатъ, по которому Польша обязалась не пускать козаковъ на Черное море, а въ случаѣ ослушанія наказать ихъ; не вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи, Валахіи и Семиградья. Слабымъ утѣшеніемъ была побѣда Жолкѣвскаго надъ грабившими Украину татарами: онъ менѣе чѣмъ съ 1000 человѣкъ отборной конницы положилъ на полѣ битвы 4000 враговъ и обратилъ въ бѣгство остальныхъ. На сеймѣ 1617—1618 г. онъ говорилъ, что вступилъ бы съ турками въ бой, если бы дѣло было подъ Стамбуломъ или Адріанополемъ, но надъ Днѣстромъ онъ долженъ былъ прежде всего думать о спасеніи польскихъ земель отъ турецкаго нашествія. На этотъ разъ король сталъ на его сторону и даже назначилъ его канцлеромъ (de facto это былъ только титулъ).

Тѣмъ временемъ козаки успѣли опять натворить бѣдъ. Пока татары грабили Украину, они бросились въ Крымъ, тоже опустошили его, а заодно ограбили почти все турецкое побережье Чернаго моря и въ морской битвѣ разсѣяли турецкій флотъ. Опять началась война. Подъ Орынью гетманъ былъ окруженъ громаднымъ войскомъ Искандера-паши и татаръ, но отсидѣлся въ окопахъ; турки ушли, добившись только подтвержденія Бушинскаго договора (1618).

Сеймъ 1619 г. былъ новымъ тяжелымъ испытаньемъ для Жолкѣвскаго. Онъ долженъ былъ выдержать бурю упрековъ, оскорбленій и насмѣшекъ за то, что не вступилъ съ турками въ битву и позволилъ татарамъ опустошить польскія земли; озлобленіе противъ него усиливалось тѣмъ, что татары случайно или съ намѣреніемъ не тронули имѣній самого гетмана. Отвѣчая на всѣ обвиненія въ длинной рѣчи, Жолкѣвскій изложилъ событія такъ, какъ они въ дѣйствительности происходили; говорилъ о томъ, какъ его оставили безъ всякой помощи сеймъ и король, какъ не обращали вниманія на его постоянныя предупрежденія о грозящей опасности, не платили войскамъ и козакамъ жалованія, потворствовали самовольнымъ предпріятіямъ магнатовъ. Онъ говорилъ о 44 годахъ своей службы отечеству, о своей старости и усталости и просилъ короля освободить его отъ гетманства. Рѣчь произвела сильное впечатлѣніе; король просилъ его сохранить власть, а сеймъ немедленно занялся вопросами государственной обороны, поручивъ Жолкѣвскому составленіе реестровъ козаковъ и войскъ.

Но благимъ намѣреніямъ сейма и гетмана не суждено было осуществиться. Король увлекся новымъ предпріятіемъ: молдавскій господарь Граціанъ задумалъ передаться Польшѣ и обѣщалъ Сигизмунду, что при первомъ появленіи польскаго войска возстанетъ вся Молдавія и Валахія. Жолкѣвскій увѣрялъ, что обѣщанія Граціана ничего не стоятъ, но Сигизмундъ, поддерживаемый Австріей, упорствовалъ въ своихъ воинственныхъ намѣреніяхъ и добился у сейма войны съ Турціей. Уѣзжая 15 августа 1620 г. изъ Жулкви къ войску, гетманъ писалъ королю, что по долгу службы повинуется его приказу, но сознаетъ опасность похода; что ему умереть не трудно: онъ видитъ въ отечествѣ столько зла и самъ испыталъ столько горя, что жизнь ему не дорога; но легкомысленно начатая война можетъ навлечь на Польшу страшныя бѣдствія.

Немногочисленное польское войско (около 7000 человѣкъ, въ томъ числѣ 2000 конницы) уже было приготовлено къ походу опытнымъ гетманомъ Станиславомъ Конецпольскимъ, затѣмъ Жолкѣвскимъ; при войскѣ были его единственный сынъ Янъ, князь Корецкій, недавно вернувшійся изъ плѣна, и другіе магнаты. Гетманы перешли Днѣстръ, и молоки, дѣйствительно, смятыя, но быстро успокоились, когда увидали немногочисленность польскаго войска; Граціанъ привелъ лишь 600 человѣкъ ханской конницы. Между тѣмъ приближался Исландеръ-паша съ большимъ (быть ста тысячъ) турецкимъ войскомъ. Жолкѣвскій далъ ему битву у Цецоры, надъ Прутомъ; она осталась нерѣшенной, но поляки должны были послѣ нея засѣсть въ окопы и были въ нихъ окружены. Гетманы надѣялись продержаться у Цецоры до зимы, когда турки обыкновенно уходили, но Граціанъ и магнаты повѣшали этому: ихъ отряды безъ вѣдома Жолкѣвскаго вышли ночью изъ окоповъ и стали переправляться черезъ Прутъ, надѣясь уйти въ Польшу. Въ лагерѣ начался страшный переполохъ. Жолкѣвскій съ трудомъ успокоилъ войско и удержалъ его отъ паники. Попытка Граціана не удалась, онъ былъ взятъ турками въ плѣнъ и казненъ, а отряды магнатовъ частью погибли, частью вернулись въ окопы; лишь около 500 человѣкъ успѣли уйти на Подолье. Князь Корецкій, вернувшись изъ водъ Прута, бросился къ гетману съ упреками и называлъ его виновникомъ бѣгства. «Однако, я стою здѣсь, и съ меня не льется вода»—спокойно отвѣчалъ ему Жолкѣвскій. Еще около двадцати дней онъ отбивался въ окопахъ, пока не стало продовольствія (часть его была сожжена во время переполоха). Тогда гетманъ устроилъ таборъ и медленно сталъ отступать къ польскимъ границамъ. Но въ войскѣ попрежнему не было порядка; нѣсколько старыхъ королевскихъ полковъ несли всѣ тягости службы, а другіе отряды только мѣшали ему. Жолкѣвскій дошелъ почти до Днѣстра, но надежды на спасеніе не было: таборъ пришелъ въ разстройство, магнаты не повиновались гетманамъ, а чернь открыто взбунтовалась и убѣгала впередъ, къ польской границѣ; турки теперь шли слѣдомъ за польскимъ войскомъ и, вѣроятно, хотѣли напасть на него при переправѣ. Жолкѣвскій написалъ послѣднее письмо—къ женѣ: съ замѣчательнымъ самообладаніемъ он пишетъ къ ней о предстоящей гибели и проситъ не жалеть о немъ, потому что онъ умретъ въ защиту родины и христіанства.

Въ ночь съ 26 на 27 сентября 1620 г. турки вор в таборъ. Спасти войско не было возможности. Гетманъ вѣдался у своего капеллана и перешелся въ простое платье, чтобы враги его не узнали и не взяли въ плѣнъ. Онъ сошелъ с своего коня и шелъ пѣшкомъ съ остатками войска. Его хотели сѣсть на другого коня и спасаться. —«Не спу»—сказалъ товарищамъ гетманъ: «нѣтъ любо съ вами умереть. Господь исполнитъ надо мною свой приговоръ!»... Они окружены турками и долго отчаянно обороняются. Сынъ и капитаны гетмана, покрытые ранами, были взяты въ плѣнъ. Жолкѣвскаго въ сѣчѣ была отрублена рука, и онъ палъ ударами турокъ. Конецпольскій еще нѣсколько времени держался, получилъ много ранъ и, наконецъ, былъ обезоруженъ. Турки нашли трупъ Жолкѣвскаго; они отрѣзали его голову и послали въ Стамбулъ какъ главный трофей побѣды...

Жолкѣвскій всегда мечталъ о такой смерти. Вотъ что он пишетъ, обращаясь къ сыну, въ своемъ завѣщаніи: «И я, и мои думали, что смерть за отечество сладостна; тѣмъ б если за святую вѣру придется тебѣ сражаться съ турками и татарами—я скажу словами 26 псалма: viriliter age, co fortetur cor tuum. Такъ умереть—предъ людьми слава и гла предъ Богомъ заслуга... Жизнь и смерть короля Владис что погибъ подъ Варной, славнѣе, чѣмъ многихъ другихъ, гробницы мы видимъ. Конечно, я желалъ бы такой же сме вой смерти за святую вѣру и за отечество, но не знаю, стоимъ ли я предъ Господомъ Богомъ такой милости»...

Голова Жолкѣвскаго была выкуплена его родственни за огромную сумму; прахъ гетмана похороненъ въ Жулки его гробницѣ выкована надпись: «Exoriare aliquis nostr ossibus ultor»—«да воставетъ мститель отъ костей н Эти слова оказались пророческими: правнукомъ Жолкѣв былъ король Янъ Собѣскій, побѣдитель турокъ.

Патріархъ Гермогенъ.

Платона Гр. Васенко.

Въ одну изъ наиболѣе тяжкихъ для нашей государственной самобытности годинъ, во времена междуцарствія, лихолѣтья и разрухи, на защиту и спасеніе родины поднялся крѣпкостоятельный патріархъ Гермогенъ, вдохновитель Ляпуновскаго, а затѣмъ и нижегородскаго ополченія. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ обстоятельствъ, при которыхъ выработался сильный и цѣльный характеръ «твердаго адаманта» и патріота. Самое происхожденіе Гермогена не вполнѣ извѣстно. Существуетъ даже мнѣніе, что патріархъ принадлежалъ къ знатному роду князей Голицыныхъ. Но такое мнѣніе безусловно неправильно, такъ какъ въ случаѣ происхожденія Гермогена изъ служилаго класса, а тѣмъ болѣе изъ княжеской семьи, на ряду съ его иноческимъ именемъ писалась бы и мірская фамилія; этого требовалъ тогдашній обычай. Съ другой стороны, можно усомниться и въ сообщеніи поляка Гонсѣвскаго, что патріархъ въ молодости былъ донск козакомъ; врядъ ли оно объективно. Наиболѣе интересно дѣніе записи на одной изъ вятскихъ иконъ. Оно гласитъ, въ 1607 году патріархъ Гермогенъ благословилъ иконой своего, посадскаго человѣка города Вятки, Корнилія Рязан Такимъ образомъ, скорѣе всего знаменитаго патріарха слѣд считать человѣкомъ изъ народа. Какъ прошла первая пора жи Гермогена, мы не имѣемъ ровно никакихъ извѣстій. Лиш 1579 года можно прослѣдить, да и то отрывочно и неполно, тельность будущаго борца и мученика за родину. Въ ука номъ году Гермогенъ, по его собственному свидѣтельству, б священникомъ казанской гостинодворской церкви во имя св. колы. Принявъ затѣмъ монашество, онъ скоро получилъ архимандрита казанскаго спасо-преображенскаго монаст Спустя нѣсколько лѣтъ, 13 мая 1589 года Гермогенъ б возведенъ въ архіерейскій санъ и былъ назначенъ митроп

Ст҃ѣйшій Гермогенъ
Патріархъ Московскій и всеа Россіи

B. T. BATS.

въ Казань. Архіерейскую каѳедру въ Казани Гермогенъ
лъ цѣлыхъ 17 лѣтъ. На своемъ высокомъ посту онъ за-
себя ревнителемъ православія и народности. Извѣстны
ленныя имъ въ то время сказаніе о явленіи новоявлен-
гда казанской чудотворной иконы Пресвятой Богородицы
ie святителей Гурія и Варсонофія. Кромѣ того, Гермогенъ
лся объ установленіи торжественнаго поминанья по воин-
павшимъ при взятіи Казани, и прославленіи трехъ хри-
, пострадавшихъ въ этомъ городѣ за вѣру. Особыя старанія
алъ митрополитъ къ распространенію христіанства въ Казани,
е и къ борьбѣ противъ замѣченнаго имъ вліянія татаръ и
цевъ на русскихъ поселенцевъ. Онъ доносилъ царю, что мно-
окрещены татары и другіе инородцы только видимымъ обра-
приняли христіанство и, оставаясь среди своихъ единоплемен-
ь-магометанъ, не отстаютъ отъ своихъ прежнихъ обычаевъ и
никаются истинами христіанства. При этомъ даже множе-
усскихъ людей, жившихъ у магометанъ, отпало отъ хри-
тва. Другіе, служившіе у поселенныхъ въ Казани католи-
лютеранъ, добровольно или за деньги приняли религію
хозяевъ. Стараясь дѣйствовать противъ замѣченныхъ
строеній своими поученіями, Гермогенъ выхлопоталъ, кромѣ
ядъ мѣропріятій у московскаго правительства. Такъ дѣй-
ъ митрополитъ на далекой восточной окраинѣ тогдашняго
го государства, а между тѣмъ на Руси подготовлялась гроз-
олитическая и соціальная буря, чуть-было не погубившая
о государство. Прекратилась династія Калиты, трагически
а дни недолгаго господства семья Годуновыхъ, и на рус-
царскомъ престолѣ возсѣлъ первый Лжедимитрій. При-
ецъ всего польскаго, тайный католикъ, онъ рѣшилъ же-
на полькѣ Маринѣ Мнишекъ. Вѣрованія того времени
ли, чтобы присоединявшіеся къ православію инославные
не принимали вторичное крещеніе: первое считалось ере-
имъ и потому недѣйствительнымъ. Понятно поэтому, ка-
желое впечатлѣніе должна была произвести на русскій.
женитьба царя на Маринѣ, не пожелавшей принять кре-
по обряду православной церкви. Ставленникъ Лжедимитрія,
хъ Игнатій безпрекословно исполнилъ волю Самозванца.
возвысилъ свой мужественный голосъ казанскій митропо-
прямо высказавшій царю свое негодованіе по случаю пол-
й непристойности его поступка. Отвѣтомъ на рѣчь Гермо-
ыло приказаніе ему удалиться въ свою епархію. По мнѣ-
ного изъ современниковъ событія, стойкаго митрополита
и въ дальнѣйшемъ страшныя бѣды и даже насильствен-
мерть, еслибъ Лжедимитрій I продолжалъ царствовать.
ротъ 17 мая 1606 года спасъ Гермогена и послужилъ
ъ его возвышенію. Виновникъ сверженія Самозванца, князь
й Ивановичъ Шуйскій былъ провозглашенъ людьми своей
московскимъ царемъ. Вскорѣ послѣ коронаціи онъ на-
ъ Гермогена всероссійскимъ патріархомъ. Положеніе но-
авительства было чрезвычайно труднымъ. Соціальное дви-
первые ощутительные признаки котораго можно было на-
ь еще при Борисѣ, готово было разразиться при мало-
и удобномъ случаѣ. Поспѣшность царя Василія, не до-
агося своего избранія Земскимъ Соборомъ, давала лишній
къ смутамъ самозванщины. Въ смутахъ и волненіяхъ
о все царствованіе Шуйскаго, закончившееся сверженіемъ
полной, къ счастью, кратковременной, разрухой государ-
го строя. Внутренней смутой пользовались сосѣди Мо-
со страхомъ и завистью глядѣвшіе на ея быстрый ростъ.
вующій католицизмъ также не могъ и не долженъ былъ
упустить удобнаго случая къ распространенію своей вѣры. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ приходилось дѣйствовать патріарху Гермогену Требовалось много силы воли и ума, чтобы съ честью править церковью въ эту смутную эпоху.

Для характеристики патріарха Гермогена и въ частности при оцѣнкѣ его поведенія въ царствованіе Шуйскаго многіе выдающіеся русскіе историки пользовались неблагосклоннымъ святителю отзывомъ одного изъ его современниковъ. Авторъ отзыва, похваливъ Гермогена за его обширное знаніе книгъ духовнаго содержанія и умѣнье говорить, называетъ его грубымъ и чрезмѣрно строгимъ къ духовенству. При этомъ патріарху недоставало проницательности. Онъ не отличалъ дурныхъ людей отъ хорошихъ, окружалъ себя льстивыми и лукавыми приближенными и слушалъ сплетни и пересуды. Результатомъ такого поведенія Гермогена были враждебныя отношенія патріарха къ царю Василію, съ которымъ онъ всегда ссорился и дерзко спорилъ. Такая политика способствовала паденію царя, а затѣмъ нанесла ударъ и патріарху. По низверженіи Шуйскаго, Гермогенъ хотѣлъ было показать себя непреоборимымъ пастыремъ, но неудачно. Время было упущено, и патріархъ, обличавшій мятежниковъ, былъ захваченъ ими и погибъ голодной смертью, какъ птица въ клѣткѣ. Наше дальнѣйшее изложеніе покажетъ, правильна ли такая характеристика Гермогена. Теперь отмѣтимъ только, что она звучитъ диссонансомъ въ ряду похвалъ, расточаемыхъ патріарху его современниками, и вызвала въ свое время рѣзкую и мѣткую отповѣдь одного изъ нихъ, повидимому, близко знавшаго «святого сего мужа».

Во всякомъ случаѣ, существованіе на ряду съ похвальными строгаго и враждебнаго отзыва о Гермогенѣ облегчаетъ задачу его біографа, придавая иногда его сужденіямъ большую увѣренность. Такъ, мы можемъ считать безспорнымъ фактъ большой начитанности патріарха въ сферѣ тогдашней церковной письменности, потому что объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ извѣстія, и дружескія и враждебное ему. Внѣ всякаго сомнѣнія и ораторскія способности Гермогена. Не даромъ даже авторъ вышеприведеннаго отзыва о немъ называетъ патріарха «словеснымъ и хитрорѣчивымъ». Еще болѣе благопріятны слова дьяка Ивана Тимоѳеева, автора очень любопытнаго «Времянника» о Смутѣ, который замѣчаетъ, что патріархъ силой слова, какъ мечемъ, поражалъ своихъ противниковъ и принуждалъ ихъ къ молчанію. Такого же высокаго мнѣнія о краснорѣчіи Гермогена были и другіе его современники: князь И. А. Хворостининъ и особенно составитель интереснаго подметнаго письма, извѣстнаго въ научной литературѣ подъ именемъ «Новой повѣсти», восторженный панегиристъ патріарха. Къ сожалѣнію, ораторскимъ способностямъ Гермогена не соотвѣтствовалъ его голосъ, повидимому, нѣсколько глухой и хриплый, что и дало возможность отозваться о немъ какъ о «несладкогласивомъ» или, во всякомъ случаѣ, не обладавшемъ «гласомъ краснымъ или свѣтлоорганнымъ шумящимъ». Съ грубостью голоса гармонировала, повидимому, и рѣзкость обращенія и движеній патріарха. Это дало поводъ къ обвиненію его, какъ мы видѣли, въ томъ, что онъ былъ «нравомъ грубъ». Возражая на это, авторъ упомянутой уже отповѣди указываетъ, что Гермогенъ «въ дѣлахъ и въ милостяхъ имѣлъ ко всѣмъ одинъ благосердый нравъ». Свое замѣчаніе защитникъ патріарха подкрѣпляетъ указаніемъ на широкую благотворительность Гермогена, не дѣлавшаго притомъ различія между своими друзьями и недругами и истратившаго на добрыя дѣла все свое состояніе. Однако, и этотъ благожелательный къ патріарху современникъ его признаетъ, что онъ былъ «прикрутъ въ словесѣхъ и въ воззрѣніяхъ».

Свидѣтельства о краснорѣчіи Гермогена и его широкой дѣятельности могутъ помочь намъ понять, почему во время междуцарствія на призывъ патріарха къ возстановленію государственнаго порядка такъ горячо и съ такимъ довѣріемъ откликнулись русскіе люди. Несомнѣнно, что помимо полнаго сочувствія къ дѣлу привлекала и личность его иниціатора. Что Гермогенъ обаятельно вліялъ на своихъ современниковъ и до того момента, когда онъ началъ приглашать ихъ къ очищенію Москвы отъ враговъ Россіи, подтверждаетъ примѣръ составителя извѣстной намъ «Новой повѣсти». Онъ не помышлялъ даже, что патріархъ повелитъ «на враги деранути и кровопролитіе воздвигнути», и, тѣмъ не менѣе, принадлежалъ къ горячимъ его почитателямъ. Но, давая ключъ къ пониманію причинъ быстраго воздѣйствія «новаго Златоуста» на народныя массы, указанныя обстоятельства не объясняютъ, какимъ путемъ Гермогенъ дошелъ до мысли о необходимости своего подвига. Для настоящаго уразумѣнія этого намъ предстоитъ въ бѣглыхъ чертахъ прослѣдить дѣятельность патріарха со времени его первосвятительства. Въ самомъ началѣ его Гермогенъ дѣйствуетъ на ряду съ правительствомъ Шуйскаго. Во время возстанія кн. Шаховскаго и Ивана Болотникова патріархъ разсылаетъ по городамъ грамоты съ увѣщаніемъ стоять за Шуйскаго, «царя благочестиваго и поборателя по православной вѣрѣ». Затѣмъ Гермогенъ принялъ самое близкое участіе въ дѣлѣ торжественнаго прощенія бывшимъ патріархомъ Іовомъ москвичей за ихъ нарушенія присяги. Состоялась трогательная сцена въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (6 февраля 1607 года); присутствующіе плакали отъ умиленія, но измѣны Шуйскому продолжались. Тогда Гермогенъ рѣшилъ прибѣгнуть къ мѣрѣ церковной строгости и подвергъ проклятію Болотникова и его главныхъ соумышленниковъ. Патріархъ боролся съ врагами государственнаго порядка средствами, бывшими въ его распоряженіи. Шуйскій же тѣмъ временемъ дѣйствовалъ оружіемъ. Послѣ нѣсколькихъ крупныхъ и мелкихъ неудачъ московскаго царя въ октябрѣ 1607 года главный оплотъ мятежниковъ, городъ Тула, былъ взятъ его многочисленнымъ войскомъ. Однако, смута продолжала гнѣздиться въ городахъ сѣверской Украйны, гдѣ къ тому времени появился уже второй Лжедимитрій. Этому факту царь не придалъ большого значенія и распустилъ свои войска на отдыхъ. Позднѣйшія событія показали, какъ жестоко ошибался тогда Шуйскій, имѣвшій совершенно ложныя представленія о положеніи дѣлъ въ Сѣверскомъ краѣ и считавшій Сѣверу достаточно усмиренной. Въ настоящее время мы узнали отъ автора отповѣди, написанной въ защиту Гермогена, что послѣдній правильно оцѣнивалъ значеніе рѣшительныхъ мѣръ, какія слѣдовало бы принять противъ мятежныхъ украинныхъ городовъ. Онъ совѣтовалъ царю продолженіе военныхъ дѣйствій, но другіе приближенные Шуйскаго уговорили его «во царствующій градъ Москву во упокоеніе возвратитися». Царское войско разошлось по домамъ, «а врагомъ тогда рука и возвысися». Недальновидность правительства Шуйскаго обезпечила успѣхи мятежнаго движенія противъ него, и второй Самозванецъ утвердился въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ. Тогда царь Василій рѣшилъ обратиться за помощью къ шведскому королю Карлу IX, прежнія предложенія котораго онъ отвергалъ съ снисходительнымъ высокомѣріемъ. Обращеніе къ чужеземной помощи имѣло очень невыгодныя стороны, втягивая сосѣдей въ дѣла страны. Патріархъ Гермогенъ и здѣсь счелъ своимъ долгомъ высказать свое мнѣніе, вполнѣ гармонирующее съ тѣмъ чувствомъ національнаго, которое онъ проявлялъ, еще будучи казанскимъ митрополитомъ. Онъ возставалъ противъ вмѣшиванья иноземцевъ въ русскія дѣла, но Шуйскій снова отвергъ совѣты патр
Будущее показало, что въ опасеніяхъ Гермогена, недовѣра
иноземцамъ, была значительная доля правды. Указанный
новенія патріарха съ правительствомъ Шуйскаго и дали п
по словамъ защитника Гермогена, обвинять первосвятите
томъ, что онъ «къ царю Василію строптивно, а не благо
бесѣдоваше всегда», хотя онъ «не съ царемъ враждовалъ,
его неподобными совѣтниками». Конечно, при извѣстной
рѣзкости патріарха, его бесѣды съ царемъ, хотя бы по
только-что помянутыхъ случаевъ, могли имѣть нѣсколько
ный характеръ, но онѣ отнюдь не вели къ враждеб
отношеніямъ Гермогена къ царю. Названные факты свид
ствуютъ лишь о политической проницательности патріар
также объ его патріотическомъ и націоналистическомъ чу
О томъ, что Гермогенъ старался благотворно повліять н
литику Шуйскаго, говорятъ и слова князя И. А. Хворости
«видѣ бо добрый пастырь царя малодушествующа, много по
его отъ своего искусства и не возможе». Ознакомленіе съ
нѣйшей дѣятельностью патріарха во время царствованія Шуй
покажетъ намъ, что первосвятитель постоянно оставался к
царю и не помышлялъ играть съ нимъ въ оппозицію.
этомъ Гермогенъ велъ неустанную борьбу съ вреднымъ
ніемъ Тушина на церковную среду. Историческія свидѣте
того времени сохранили намъ память о рядѣ доблес
представителей духовенства, погибшихъ отъ рукъ мятежн
или поруганныхъ ими. Особенно краснорѣчиво изобр
тогдашнія страданія достойныхъ пастырей и иноковъ знаме
Авраамій Палицынъ. Однако, тотъ же писатель принужденъ
замѣтить, что «нѣцыи же» изъ духовенства «не стер
бѣдъ, и ко врагомъ причастницы быша». Думаемъ, ч
тушинскій станъ являлись духовныя лица и добров
отыскивая почестей и повышеній. Такъ, извѣстна п
чернеца Левкія Смагина о посвященіи его въ архиман
«въ который монастырь ему, государю, Богъ извѣститъ»,
щенная челобитчикомъ къ тушинскому Вору. Прямѣе и
дѣленнѣе всѣхъ говоритъ объ указанномъ явленіи авторъ п
кратно упоминаемой нами отповѣди въ защиту Гермогена
вполнѣ откровенно свидѣтельствуетъ, что «тогда возбѣс
многіе церковницы», притомъ не только «четцы и пѣвц
и священники, и діаконы, и иноцы мнози», радова
«всякому злодѣйству». Съ этимъ глубокопечальнымъ фа
патріархъ, конечно, не могъ примириться. Онъ предприн
рядъ мѣръ противъ «крамольниковъ священнаго чина»
торые прельстились вмѣстѣ съ мірянами. Однихъ Герм
старался отвлечь отъ зла поученіями и просьбами, др
временно подвергалъ церковному запрещенію, наиболѣе же
ныхъ и опасныхъ и «скверныхъ кровопролитниковъ» подве
проклятію. Всѣ строгія мѣры, предпринимавшіяся патріар
объясняются, по словамъ его защитника, вовсе не груб
нрава; Гермогенъ дѣйствительно былъ строгъ, но лишь до мо
раскаянія преступника; «кающихся истинно» онъ съ лю
прощалъ, «многихъ отъ смерти избавляя ходатайствомъ сво
Такъ поступалъ первосвятитель, дѣйствуя согласно велѣ
своего добраго сердца. Обстоятельства времени открывали пр
для широкой благотворительности Гермогена. Тревоги с
выбивая многихъ изъ колеи, увеличивали и безъ того бо
число нищихъ и убогихъ; ратные люди нуждались въ подд
и въ помощи на лѣченье ранъ; грабежи и разбои многоч
ныхъ воровскихъ шаекъ обездоливали многихъ людей. Пат
щедро помогалъ всѣмъ, какъ только могъ; онъ «питаше

анезѣ своей часто»; раздавалъ одежду и обувь; роздалъ золота и серебра. По словамъ современника Гермогена, голь щедро творилъ милостыню, что «и самъ въ послѣднюю у пріиде».

ергично и твердо управляя церковью и въ широкихъ ахъ проявляя благотворительную дѣятельность, патріархъ, того, волей-неволей долженъ былъ принимать участіе и итическихъ событіяхъ бурной и тревожной поры. Близо- самоувѣренность Шуйскаго повлекла за собою усиленіе , и Воръ, занявъ Тушино, грозилъ самой Москвѣ. Въ то же его войска осадили Троице-Сергіевъ монастырь. Къ началу года въ Москвѣ стало проявляться неудовольствіе противъ Василія, а осажденные въ Троицкой обители неотступно и его о помощи. Наконецъ, Гермогенъ обратилъ вниманіе на необходимость поддержки монастыря, со взятіемъ го «весь предѣлъ Россійскій и до Окіана моря погибнетъ, тѣ же и царствующему граду тѣснота будетъ». Въ Троицкую ь была послана нѣкоторая помощь, а между тѣмъ въ Москвѣ поднялись волненія, во время которыхъ патріархъ лъ твердость своего характера и преданность царю. Среди ыхъ людей образовался заговоръ, имѣвшій цѣлью ниспгнуть Шуйскаго. Однимъ изъ главныхъ заводчиковъ этой слѣдуетъ считать извѣстнаго впослѣдствіи тушинца, сына аго Михалку Молчанова. 25 февраля 1609 г. заговорвъ числѣ 300 человѣкъ, собрались на Лобномъ мѣстѣ, куда но привезли и Гермогена. Мятежная толпа дерзко обходилась ріархомъ, толкала его, бросала ему въ лицо песокъ, а за грудь. Зачинщики мятежа кричали между тѣмъ, что ій самочинно захватилъ власть и произвольно ею поль- угнетая служилыхъ людей; поэтому царя слѣдуетъ ть съ престола. Однако, собравшійся народъ не примкнулъ тежникамъ, а Гермогенъ смѣло упрекалъ ихъ въ нару- присяги и заявилъ, что какъ весь русскій міръ, такъ самъ не желаетъ сверженія Шуйскаго. Видя неудачу замысла, заговорщики бѣжали въ Тушино. Въ станъ къ русскимъ его сторонникамъ вскорѣ затѣмъ были ны двѣ грамоты патріарха съ трогательными и сильными ніями отстать отъ смуты, разоряющей и губящей ихъ во. Въ это время положеніе Шуйскаго, казалось, начинало ться. Племянникъ его, знаменитый Скопинъ-Шуйскій, омощи шведскихъ наемныхъ войскъ очищалъ сѣверъ ства отъ воровскихъ шаекъ. Снята была осада съ Троице- а монастыря. Тушинскій Воръ, покинутый своими поль- и литовскими приверженцами, бѣжалъ въ Калугу, и опустѣло. Правда, вмѣшательство Швеціи давало удобный польскому королю Сигизмунду III, врагу шведскаго я, начать враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Польскій вступилъ въ предѣлы Московіи и осадилъ Смоленскъ. , русскіе надѣялись, что ихъ молодой и талантливый одецъ сумѣетъ справиться и съ поляками. Неожиданная дочная смерть Скопина и позорное Клушинское пораженіе нули всѣ разсчеты москвичей, передъ которыми возникла перспектива новой тяжелой осады: съ одной стороны лось побѣдоносное польское войско, съ другой опять ся Воръ съ своими шайками. Неудовольствіемъ жителей ы противъ «несчастливаго» царя Василія воспользовались ьные и враждебные Шуйскому общественные круги, овавшіе 17 іюля 1610 года открытый бунтъ въ . Тщетно Гермогенъ противился желанію возставшихъ съ престола царя Василія. Патріархъ одинъ горячо стоялъ за Шуйскаго, плакалъ, заклиналъ удержаться отъ такого гибельнаго поступка, говорилъ, что за измѣну законному государю Богъ можетъ еще болѣе покарать Русь. Всѣ усилія Гермогена были напрасны. Царь былъ сведенъ съ престола, а затѣмъ и постриженъ, какъ сообщаютъ, противъ воли первосвятителя, который, по словамъ извѣстнаго уже намъ князя Хворостинина, говорилъ: «егда Владыка мой Христосъ на престолѣ владычества моего укрѣпитъ мя, совлеку его (т.-е. царя) отъ ризъ и отъ иночества свобожду его»...

Поведеніе Гермогена во время царствованія Шуйскаго позволяетъ утверждать, что патріархъ всегда вѣрно служилъ царю, несмотря на всѣ невзгоды и промахи его царствованія. Ходъ событій часто оказывался сильнѣе воли патріарха, но это отнюдь не должно свидѣтельствовать о политическомъ безличіи и безсиліи послѣдняго. Намъ удалось видѣть примѣры политической дальновидности Гермогена, а также и опредѣленности его взглядовъ на положеніе дѣлъ. Можно съ увѣренностью думать, что самая вѣрность патріарха правительству Шуйскаго, мѣропріятій котораго онъ часто не одобрялъ, обусловливалась политической программой первосвятителя, неизмѣнно стоявшаго за сохраненіе и возстановленіе государственнаго порядка. А нельзя отрицать, что правительство Шуйскаго при всѣхъ своихъ недостаткахъ было въ ту эпоху единственной надеждой сторонниковъ этого порядка. Съ паденіемъ царя Василія неминуемо должна была наступить полная разруха, а ея-то и опасался Гермогенъ, прекрасно понимавшій, какія выгоды извлекутъ изъ невзгодъ междуцарствія и разоренья иноземныя государства. И, дѣйствительно, событія, наступившія за сверженіемъ Шуйскаго, оправдали въ полной мѣрѣ опасенія патріарха. Временное московское правительство во главѣ съ «семибоярщиной» должно было выбирать между притязаніями короля Сигизмунда и требованіями Вора. Остановились на мысли объ избраніи на московскій престолъ сына Сигизмунда, польскаго королевича Владислава, на условіяхъ, обезпечивавшихъ національную и религіозную самобытность Россіи. Въ станъ короля подъ Смоленскъ отправлено было многочисленное торжественное посольство, а въ Москву, боясь воровскихъ шаекъ, бояре, не взирая на противодѣйствіе Гермогена, впустили польскій гарнизонъ. Передъ отъѣздомъ пословъ патріархъ взялъ съ нихъ клятву не измѣнять дѣлу православной вѣры. Вообще Гермогенъ неохотно склонялся на признаніе кандидатуры Владислава, да и то подъ непремѣннымъ условіемъ принятія имъ православія. Точно также возсталъ патріархъ и противъ захвата Шуйскихъ польскимъ гетманомъ Жолкѣвскимъ и увоза ихъ въ Польшу. Патріархъ понималъ весь позоръ этого дѣла, а также и разсчитывалъ, что пребываніе Шуйскаго въ Россіи могло быть полезно для возстановленія въ странѣ порядка. Впрочемъ Жолкѣвскій успѣлъ въ своемъ намѣреніи, а оставленный имъ въ Кремлѣ отрядъ польскихъ войскъ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго сталъ хозяйничать въ Москвѣ, какъ въ завоеванномъ городѣ. Въ свою очередь, Сигизмундъ держалъ себя государемъ по отношенію къ русскимъ. Онъ щедрой рукой раздавалъ саны, помѣстья, льготы всѣмъ, обращавшимся къ нему. Этимъ особенно успѣшно воспользовались бывшіе тушинцы, пріобрѣтшіе большое значеніе у поляковъ. Такой естественный оборотъ дѣлъ образумилъ многихъ русскихъ людей, такъ или иначе замѣшанныхъ въ интригахъ и смутахъ предшествующей поры. Двумъ изъ такихъ прозрѣвшихъ людей, виднымъ представителямъ московской знати, князю Василью Васильевичу Голицыну и ростовскому митрополиту Филарету Никитичу Романову, цѣной тяжелаго подвига удалось

искупить прежнее поведеніе и прославиться стойкостью. Оба они стояли во главѣ извѣстнаго намъ посольства подъ Смоленскъ. Все это посольство ожидало страшное разочарованіе. Сигизмундъ не согласился на принятіе его сыномъ православія и русской короны, а пожелалъ самъ стать царемъ московскимъ, не измѣняя католицизму, усерднымъ слугою котораго онъ былъ. Польскій король потребовалъ отъ членовъ посольства возвращенія въ Москву и полнаго подчиненія его волѣ. Часть пословъ, выхлопотавъ у Сигизмунда разныя милости, поспѣшила исполнить его настойчивое желаніе. Но другіе, и во главѣ ихъ Голицынъ и Филаретъ, продолжали усиленно просить короля согласиться на предлагаемыя русскимъ народомъ, представителями котораго они являлись, условія. Тяжкій плѣнъ пословъ былъ результатомъ благородной ихъ стойкости.

Поведеніе великихъ пословъ подъ Смоленскомъ показываетъ намъ, что идея національной и государственной самобытности способна была воодушевить русское общество на упорное сопротивленіе вражескимъ притязаніямъ. Въ этомъ былъ залогъ возрожденія общества и успѣха народныхъ попытокъ возстановленія государственнаго порядка. Естественнымъ вождемъ національнаго движенія неминуемо долженъ былъ сдѣлаться Гермогенъ. Самое положеніе его какъ «начальнаго человѣка» осиротѣвшей безъ царя русской земли ставило его во главѣ всякаго подобнаго начинанія. Но помимо этого обстоятельства убѣжденія патріарха и его политическая программа вели его на путь пропаганды очищенія земли отъ враговъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Мы познакомились въ своемъ мѣстѣ съ попытками Гермогена проводить свою программу и защищать наиболѣе законный порядокъ. Въ вихрѣ соціальной и политической бури безсильнымъ оказался предостерегающій голосъ патріарха, но это не сломило его энергіи и вѣры въ силы и въ будущность родины. Въ безотрадную годину междуцарствія твердость духа Гермогена имѣла громадное значеніе, ободряя и воодушевляя русскихъ людей, доведенныхъ до безпросвѣтнаго отчаянія. Казалось, все погибло. Поляки привели Москву на военное положеніе, Сигизмундъ, затягивая переговоры и штурмуя тѣмъ временемъ Смоленскъ, явно двоедушничалъ; дѣлами управленія государствомъ стали завѣдывать «русскіе измѣнники»— вѣрные слуги польскаго короля. Послѣдніе, надѣясь на свою силу, затѣяли открыто признать Сигизмунда московскимъ царемъ; одинъ изъ нихъ, М. Г. Салтыковъ 30 ноября 1610 года пришелъ къ патріарху съ цѣлью склонить его къ уступчивости. Несмотря на рѣшительный отказъ патріарха, 1 декабря къ нему явились и другіе бояре съ просьбой «благословить крестъ цѣловати королю». Гермогенъ рѣшительно отвергъ просьбу, и тогда Салтыковъ позволилъ себѣ въ высшей степени непристойную брань по адресу первосвятителя и даже, какъ говорятъ нѣкоторыя извѣстія, угрожалъ ему ножомъ. Патріархъ остался непреклоненъ и заявилъ, что не только Сигизмундъ не надобенъ Россіи, «но и тако его отрасль (т.-е. Владиславъ), аще не пріидетъ въ наше хотѣніе». Салтыковъ скоро понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко; онъ «испросилъ у незлобиваго учителя прощеніе», извиняясь тѣмъ, что «шуменъ былъ и безъ памяти говорилъ». Но опытный патріархъ прекрасно зналъ дешевую цѣну лицемѣрнаго раскаянія Салтыкова. Понималъ также Гермогенъ необходимость дать скорый отпоръ все болѣе и болѣе сильнымъ домогательствамъ Сигизмунда и его клевретовъ. Онъ рѣшилъ обратиться къ представителямъ московскаго посадскаго міра. Собранные патріархомъ въ Успенскій соборъ московскіе гости и торговые люди выслушали энергичную рѣчь своего первосвятителя и согласно его увѣщанію «отказали, что имъ креста не цѣловать».

Знакомя москвичей съ истинными намѣреніями по короля и его приспѣшниковъ и уговаривая ихъ не пр иновѣрцу, Гермогенъ прекрасно понималъ необходимость д вать оружіемъ для очищенія родины. Это сознаніе раз съ нимъ и другіе московскіе люди. Такъ, знакомый намъ гиристъ патріарха въ своемъ подметномъ посланіи, написа по всей видимости, въ концѣ 1610 года, призываетъ мос къ вооруженному возстанію, жалуясь: «вы, православн помогаете ему, государю, ни въ чемъ: говорите усты, дѣлѣхъ вашихъ, Господь вѣсть, что у васъ будетъ». посланія прибавляетъ, что нельзя ждать, «чтобы вамъ великій тотъ столпъ святыми своими усты изрекъ и по бы на враги дерзнути и кровопролитіе воздвигнути». По составителя подметнаго письма, санъ патріарха и взв ему «повелѣвати на кровь дерзнути». Гермогенъ, тѣмъ не «ожидаетъ съ часу на часъ Божія поможенія», а также « и дерзновенія» москвичей на враговъ. Когда же произ очищеніе столицы и государства, то отъ патріарха—д его почитатель—не будетъ на освободителей родины «кл прещеніе, паче же веліе благословеніе».

«Новая повѣсть», выдержки изъ которой мы толь привели, рисуетъ настроеніе москвичей въ ноябрѣ—д 1610 года. Въ другихъ городахъ Руси шло такое же бр Народу нуженъ былъ начинатель, чтобы было вокруг сплотиться и объединиться. Роль такого начинателя взя себя Гермогенъ. Будучи сторонникомъ рѣшительныхъ патріархъ не могъ остановиться на полдорогѣ. Не по душ ему и политика уклончиваго одобренія начатаго какъ б мимо него вооруженнаго сопротивленія, на какую ука составитель «Новой повѣсти». Гермогенъ не побоялся обв дѣйствительно, раздававшихся иногда впослѣдствіи, по с князя Хворостинина, «яко соблазнъ и смущеніе патріар сотворилъ есть и возведе люди своя братися на враги, в нами»...; при этомъ Хворостининъ и самъ какъ-будто вѣстной степени держался подобнаго же мнѣнія. Па рѣшился откровенно обратиться къ русской землѣ съ гра и призвать ее на спасеніе своей самобытности. Конечно, первосвятитель постарался въ то же время, чтобы предпр имъ начинаніе и организація его остались по возмо тайной для польскихъ и русскихъ слугъ Сигизмунда.

Время, избранное Гермогеномъ для начала разсылки воззваній, совпадаетъ со смертью бывшаго тушинскаго сдѣлавшейся извѣстной на Москвѣ около половины д 1610 года. Моментъ былъ въ самомъ дѣлѣ очень благопр Смерть Вора обезсиливала козацкія шайки, дѣйствовавш именемъ, и давала возможность русскимъ людямъ оказать с сопротивленіе Сигизмунду, которому многіе подчинялись изъ боязни подпасть подъ власть Второго Лжедимитрія воровского правительства. При этомъ великіе послы из Смоленска разсылали по городамъ грамоты съ извѣстіям истинныхъ намѣреніяхъ польскаго короля. Такимъ образомъ, была подготовлена, и грамоты Гермогена, посланныя из Переяславль-Рязанскій, Муромъ, Нижній-Новгородъ и города, произвели необыкновенно сильное впечатлѣніе. пересылались другъ съ другомъ посланіями, въ которыхъ глашались исполнить совѣты «новаго Златоуста», состоя томъ, чтобы немедленно по зимнему пути спѣшить на оч Москвы и призывать на защиту православной вѣры и р

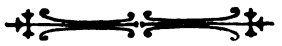
ности другіе города. При этомъ энергичнѣе всѣхъ дѣйство-
воевода рязанскій, думный дворянинъ Прокопій Ляпуновъ,
тораго Гермогенъ возложилъ особенно большія надежды.
чалѣ 1611 года ополченія изъ разныхъ городовъ стали
ваться къ Москвѣ. Между тѣмъ о движеніи и роли въ
Гермогена узнали поляки, и, по порученію ихъ вое-
ьниковъ, нѣкоторые бояре пришли къ патріарху. М. Г.
ковъ потребовалъ отъ первосвятителя, чтобы тотъ при-
ъ ополченіямъ, имъ созваннымъ, вернуться назадъ. На
ослѣдовалъ твердый отвѣтъ: «азъ къ нимъ стану писать:
ты измѣнникъ, Михайло Салтыковъ, съ литовскими
и выйдешь вонъ изъ Москвы, и я имъ не велю ходити;
е вамъ сидѣть въ Москвѣ, и я ихъ всѣхъ благословляю по-
ъ за православную христіанскую вѣру»... Не добившись
иаго, къ патріарху приставили наблюдателей и запретили
ть къ нему кого бы то ни было. Тѣмъ временемъ рати
нова и другихъ воеводъ приближались къ Москвѣ, гдѣ
марта 1611 года въ день прибытія земскихъ ополченій
столицу вспыхнуло вооруженное возстаніе. Результатомъ
ыло безпощадное избіеніе москвичей. Польскій гарнизонъ
тельно укрѣпился въ Кремлѣ и Китай-городѣ и приготовился
садѣ. Патріарха Гермогена свели съ патріаршества и по-
и въ крѣпкое заключеніе въ Чудовомъ монастырѣ. Послѣ
а осады Гонсѣвскій и Салтыковъ снова пытались уговорить
арха повліять на отступленіе русскихъ ратныхъ людей изъ-
Москвы, въ противномъ случаѣ грозили лютой смертью.
ственный патріархъ отвѣчалъ своимъ притѣснителямъ:
вы мнѣ угрожаете? единаго я Бога боюсь; буде же вы
те, всѣ литовскіе люди, изъ Московскаго государства, и
ъ благословляю отойти прочь; а будетъ вамъ стояти въ
овскомъ государствѣ, и я ихъ благословляю всѣхъ противъ
стояти и померети за православную христіанскую вѣру».
рженный Салтыковъ подвергъ Гермогена еще болѣе строгому
ленію.

Впереди ожидало архипастыря еще одно тяжелое испытаніе.
подмосковномъ ополченіи обнаружилась рознь между его
вными частями: земщиной и козачествомъ. Сойдясь противъ
го внѣшняго недруга, земщина и козаки оставались въ то же
и соціальными врагами по отношенію другъ къ другу.
льтатомъ этого былъ знаменитый земскій приговоръ 30 іюня
года, обуздывавшій своеволіе козаковъ и умѣрявшій
вожделѣнія. Озлобленные козаки вызвали къ себѣ на сходку
козацкій кругъ) вождя земскаго ополченія Ляпунова и,
ивъ въ измѣнѣ, убили его. Многіе члены земскаго ополченія
шили покинуть подмосковный станъ, въ которомъ стали
ничать козаки и ихъ предводители. Прошелъ упорный
, что одинъ изъ этихъ предводителей, Иванъ Заруцкій,
ъ провозгласить царемъ Воренка, сына Марины Мнишекъ
шинскаго Вора. На первый взглядъ все представлялось
шнымъ, но разъ начавшееся обновленіе русской земли не
заглохнуть безслѣдно. Города поняли выгоду общей
изаціи и путемъ обсылки грамотъ предостерегали другъ
отъ козаковъ и звали къ совмѣстной думѣ и работѣ.
то время патріархъ Гермогенъ оказалъ послѣднюю услугу
о любимой имъ родинѣ. Въ августѣ 1611 года онъ, поль-
благопріятнымъ случаемъ, отправилъ въ Нижній-Новгородъ
ту, въ которой сообщалъ о новыхъ замыслахъ козаковъ и
анья посадить на престолъ Воренка. Патріархъ умолялъ
городцевъ распространить его посланіе по всѣмъ городамъ.
совѣтовалъ послать изъ всѣхъ городовъ, отъ имени митро-
полита Ефрема и другихъ владыкъ и мірскихъ людей учитель-
ныя грамоты подмосковному ополченію. Въ нихъ надо было
остерегать ратныхъ людей отъ признанія царемъ Воренка.
Патріархъ предвидѣлъ, что въ козацкихъ таборахъ людей,
присланныхъ съ подобными грамотами и словесными увѣщаніями,
можетъ постигнуть смерть, и заранѣе благословлялъ ихъ на
страданіе за вѣру и родину. Посланіе Гермогена несомнѣнно
оказало большое вліяніе на вождей вскорѣ поднявшагося нижe-
городскаго ополченія, которые восприняли совѣтъ патріарха
биться съ поляками, но не менѣе того остерегаться и козаковъ,
опасаясь внутреннихъ враговъ такъ же, какъ и внѣшнихъ.
Такимъ образомъ, роль Гермогена въ нижегородскомъ движеніи
была очень значительной. Однако, до сравнительно недавняго
времени благодаря талантливому, но далекому отъ истины
труду троицкаго келаря Авраамія Палицына, переоцѣнившаго
и безъ того большія услуги, оказанныя Сергіевымъ монастыремъ
государству во время Смуты, все это движеніе приписывалось
вліянію грамотъ троицкихъ властей. Изслѣдованіе И. Е. Забѣлина
и его хронологическія сопоставленія разрушили эту легенду, а
новѣйшій изслѣдователь Смуты, С. Ѳ. Платоновъ, окончательно
разъяснилъ, чѣмъ была вызвана программа троицкихъ властей,
звавшихъ города на соединеніе съ козаками, и почему земщина
предпочла слѣдовать совѣтамъ Гермогена. Подробности организаціи
разсылки грамотъ патріархомъ неизвѣстны намъ. Знаемъ только,
что съ первыми грамотами Гермогенъ посылалъ, между прочимъ,
своихъ дѣтей боярскихъ. Извѣстны намъ также имена «безстра-
шныхъ людей»: служилаго человѣка Романа Пахомова и посадскаго
человѣка свіяженина Родіона Мосѣева. Эти достойные люди
проникали даже въ тѣсное заключеніе къ патріарху и получали
отъ него грамоты и словесныя инструкціи. Были, конечно, и
другіе помощники Гермогена. Всѣ они вѣрно и умѣло служили
патріарху и его дѣлу. Поэтому мы смѣло отвергаемъ замѣчаніе
враждебнаго Гермогену отзыва о «не быстрой распрозрительности»
патріарха «къ злымъ и благимъ».

Вообще знакомство съ дѣятельностью Гермогена позволяетъ
намъ оцѣнить восторженные отзывы о немъ его современниковъ.
Хотя грубый и рѣзкій по виду, патріархъ при дальнѣйшихъ съ
нимъ сношеніяхъ обнаруживалъ незамѣтныя на первый взглядъ
сокровища своего ума и сердца. Сострадательный къ несчастнымъ,
прощающій личныя обиды, онъ былъ въ то же время безпощаднымъ
борцомъ за свои убѣжденія. Стойкій и сильный духомъ человѣкъ, онъ
былъ притомъ проницательнымъ и искуснымъ политикомъ. Другъ
порядка и законности, Гермогенъ остался вѣрнымъ царю Василію,
хотя тотъ и не внималъ благоразумнымъ совѣтамъ патріарха. По
сверженіи Шуйскаго, видя разруху государства и грядущее ино-
земное господство, опасаясь за будущее дорогого ему православія,
патріархъ смѣло и безтрепетно возсталъ на защиту родины. Бла-
ословляя другихъ на смерть за вѣру, Гермогенъ самъ готовъ
былъ пострадать за дѣло всей своей жизни. И, дѣйствительно,
онъ погибъ въ осажденной русскими людьми Москвѣ. Разска-
зываютъ, что, услыхавъ про приготовленія нижегородскаго опол-
ченія, поляки сдѣлали послѣднюю попытку повліять на него.
Они опять потребовали отъ Гермогена посылки въ Нижній гра-
моты съ запрещеніемъ идти подъ Москву. «Онъ же великій го-
сударь исповѣдникъ рече имъ»,—повѣствуетъ намъ лѣтописецъ,—
«да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Москов-
скаго государства, и вы окаянные, московскіе измѣнники, будете
прокляты». Вскорѣ послѣ этого въ февралѣ 1612 года патріархъ
умеръ. По русскимъ извѣстіямъ, онъ былъ уморенъ голодомъ;
одно изъ польскихъ сообщеній говоритъ, что Гермогенъ былъ

удавленъ. Останки патріарха, погребеннаго сначала въ Чудовѣ монастырѣ, покоятся нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Къ сожалѣнію, ловкія писанія Авраамія Палицына и враждебный Гермогену отзывъ, помѣщенный въ одномъ изъ весьма распространенныхъ произведеній древней нашей письменности, Хронографѣ 1617 года, затушевали довольно сильно значеніе патріарха и его дѣятельности. А между тѣмъ «крѣпкій и разумный адамантъ», «новый Златоустъ» имѣетъ такое же пра памятникъ на московской Красной площади, какъ и безсме вожди нижегородскаго ополченія, геніальный Мининъ и иск полководецъ Пожарскій. Но, если высшая награда для родныхъ, самоотверженныхъ сердецъ состоитъ въ сознаніи выполненнаго долга и незапятнанной совѣсти, патріархъ Гер вполнѣ вознагражденъ за свой тяжкій и великій подвигъ.



Прокопій Ляпуновъ.

А. Е. Пресняковa.

Историки сравниваютъ старое Московское государство съ военнымъ лагеремъ, обращеннымъ боевымъ своимъ фронтомъ на югъ и на западъ. На южной и западной границахъ правительство преимущественно селило своихъ служилыхъ людей, надѣляя ихъ землями. На всемъ населеніи, на всемъ складѣ быта этихъ областей лежала печать ихъ пограничнаго и военнаго характера. Будучи главной опорой государственной обороны, военно-землевладѣльческое населеніе пользовалось особымъ вниманіемъ правительства; его интересамъ приносились въ жертву интересы низшаго, крестьянскаго, и высшаго, боярскаго, сословій. Во главѣ провинціальныхъ служилыхъ людей, по значенію и зажиточности, стояли дѣти боярскія «большихъ и среднихъ статей», по размѣру землевладѣнія, которое, въ свою очередь, зависѣло отъ служебной годности. Ниже ихъ—слой мелкаго служилаго люда, созданный политикой Грознаго, верставшаго въ службу козаковъ, надѣляя ихъ мелкими помѣстьями. Служилые люди высшихъ статей несли конную службу, а меньшихъ—служили съ пищалями, т.-е. были пѣшимъ сторожевымъ и гарнизоннымъ войскомъ на укрѣпленной границѣ. Послѣдніе составляли—и въ военномъ, и въ соціальномъ отношеніи—переходъ къ стрѣльцамъ и городовымъ козакамъ, а всѣ вмѣстѣ несли нелегкую и безпокойную государеву службу на окраинахъ и въ полкахъ.

Среди московскаго служилаго люда особымъ характеромъ отличались рязанцы. Иностранцы хвалятъ ихъ храбрость; московскіе лѣтописцы отмѣчаютъ дерзкій нравъ и «высокія» рѣчи рязанцевъ. А среди рязанцевъ на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ руководящую роль играла типичная ихъ представительница—семья Ляпуновыхъ. Ляпуновы были люди «большихъ статей», имѣли связи и вліяніе въ Москвѣ. Особенно выдѣлялся изъ нихъ Прокопій Петровичъ, бывшій однимъ изъ рязанскихъ «окладчиковъ», выборныхъ представителей мѣстныхъ служилыхъ людей передъ правительствомъ при опредѣленіи размѣра ихъ службы и оклада помѣстной и денежной дачи, какъ тогда говорили. «Прокопій—такъ характеризуетъ его С. М. Соловьевъ—красивый, умный и храбрый и въ военномъ дѣлѣ искусный человѣкъ, какъ отзывались о немъ современники, обладалъ также страшною энергіею, которая не давала ему покоя, заставляла всегда рваться въ первые ряды, отнимала у него умѣнье дожидаться. Такіе люди обыкновенно становятся народными вождями въ смутныя времена: истомленный, гнетомый нерѣшительнымъ положеніемъ народъ ждетъ перваго сильнаго слова, перваго движенія,—и кто первый произнесетъ роковое слово, кто первый двинется, тотъ и становится вождемъ народнаго стремленія». Прокопій съ братьями были въ ряду первыхъ застрѣльщ начавшейся по смерти Грознаго смуты. Въ 1584 г. мы в ихъ въ московской уличной смутѣ, направленной пр Богдана Бѣльскаго. Въ 1603 г. царь Борисъ получилъ свѣ что изъ Рязани посылали на Донъ козакамъ «запов товары»: вино, порохъ, свинецъ, пищали, панцыри, ш Слѣдствіе обвинило одного изъ братьевъ Ляпуновыхъ—Зах его наказали кнутомъ. Строгая дисциплина, строгій гражд порядокъ, объ установленіи которыхъ заботился Годунов могли сдѣлать его популярнымъ среди безпокойнаго, склоннаго къ самоуправству населенія южныхъ областей. явленіе перваго Самозванца сильно взволновало это насе Недоумѣніе, несомнѣнно охватившее массу русскихъ люде слухахъ о спасеніи царевича Димитрія, отсутствіе предан Годунову, казавшемуся многимъ «случайнымъ» человѣко престолѣ, достаточно объясняютъ измѣну войска при вѣсти о смерти царя Бориса. Измѣна, повидимому, на съ воеводъ Голицыныхъ и Басманова, но ихъ сейчасъ ж держали помѣщики и вотчинники «большихъ статей», въ числѣ и Ляпуновы. Въ войскѣ начался безпорядокъ: «ни зналъ, кто былъ врагомъ, кто другомъ; одинъ бѣжалъ въ сторону, другой—въ другую, и вертѣлись какъ пыль, вздым вѣтромъ». Служилые люди «зарѣчныхъ» городовъ (за Окою, с отъ Москвы), рязанцы и другіе передались Самозванцу и по ему овладѣть престоломъ. За это ихъ ждали награды; Димитрій, «хотя всю землю прельстити», повелѣлъ вызва Москву выборныхъ отъ провинціальныхъ дворянскихъ дру съ челобитьями о помѣстьяхъ и денежномъ жалованьи, а томъ разослалъ бояръ и окольничихъ надѣлять служ людей помѣстьями и раздавать имъ деньги «для его госу царскаго вѣнца и многолѣтняго здоровья». Скорая Самозванца не могла встрѣтить сочувствія среди дѣтей бояр и дворянъ, тѣмъ болѣе, что престолъ достался въ руки Ва Шуйскому, боярскому царю. Переходъ власти къ партіи витыхъ бояръ ничего хорошаго не сулилъ дворянамъ и д боярскимъ. Мѣстническія привилегіи боярства стояли по дороги въ служебной ихъ карьерѣ, преграждая имъ досту воеводствамъ и къ высшей администраціи. Крупное бо землевладѣніе было опаснымъ и тяжелымъ соперником рядовыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ въ борьбѣ за стьянскія рабочія руки. И броженіе, происходившее среди винціальнаго дворянства, получило въ царствованіе Шу новый смыслъ: это не просто смута, а борьба за свои с ные интересы.

Быстро и дружно поднялись южныя области Московск

ства противъ боярскаго правительства, воцарившагося въ
ѣ. Поднялись тѣ самыя области и тѣ самые люди, кото-
поддержали перваго Самозванца и доставили ему побѣду.
ніе началось въ Сѣверскомъ краю, началось во имя будто-
рично спасшагося Димитрія, хотя на лицо и не было ни-
кто взялъ бы на себя это имя. Душою и вождемъ воз-
Сѣверской Украйны скоро сталъ бывшій холопъ князя
евскаго, Иванъ Болотниковъ. Въ молодости Болотниковъ
взятъ въ плѣнъ татарами и проданъ туркамъ; нѣсколько
онъ былъ галернымъ невольникомъ въ Турціи, потомъ
ъ, побывалъ въ Венеціи, откуда черезъ Среднюю Европу
лся въ Польшу. Узнавъ о положеніи дѣлъ на родинѣ,
никовъ явился въ Путивль, къ вождю возстанія, князю
вскому, и получилъ команду надъ однимъ изъ отрядовъ.
еніе Болотникова скоро опредѣлило характеръ движенія.
ій холопъ—онъ обратился съ воззваніями къ боярскимъ
ъ и крестьянамъ, призывая ихъ къ возстанію противъ
ъ. По словамъ патріарха Гермогена, «воровскіе листы» Бо-
кова, разсылавшіеся въ Москву и другіе города, возбуждали
ихъ холоповъ избивать своихъ бояръ, а ихъ женъ, вот-
и помѣстья брать себѣ, грабить гостей и торговыхъ лю-
сулили имъ боярство и воеводство, окольничество и дья-
. Такъ Болотниковъ поставилъ цѣлью движенія не поли-
ій, а соціальный переворотъ, являясь своего рода пред-
ственникомъ Стеньки Разина. По его призыву, говоритъ намъ
ись, «собрахуся боярскіе люди и крестьяне, съ ними же
нскіе посадскіе люди, стрѣльцы и козаки; и начаша по
ъ воеводъ имати и сажати по темницамъ, бояръ же сво-
омы разоряху». Разбивъ войско царскаго воеводы князя
цкаго, Болотниковъ двинулся къ Москвѣ. Вѣсть объ этомъ
ніи подняла на Шуйскаго украинные и рязанскіе города.
тъ движеніе носило иной характеръ. Въ Рязани вождями
нія были воевода Григорій Сумбуловъ и дворянинъ Про-
Ляпуновъ. Эти подняли на боярское правительство высшій
провинціальнаго дворянства, дѣтей боярскихъ большихъ и
хъ статей. Въ Тулѣ, Веневѣ, Каширѣ поднялись мелко-
тные люди подъ предводительствомъ Истомы Пашкова.
нскія ополченія также пошли къ Москвѣ и, взявъ Ко-
за Окою соединились съ Болотниковымъ. За этой пер-
олной возстанія, скоро докатившейся до Москвы, подня-
другія. На Волгѣ возстали инородцы вмѣстѣ съ русскими
ми и крестьянами, подъ «воеводствомъ» сына боярскаго
Доможирова и двухъ мордвиновъ, Варгидина и Москова;
юго-восточныхъ окраинахъ, на низовьяхъ Волги, появились
ія шайки съ своимъ самозванцемъ Илейкой Муромцемъ,
го назвали царевичемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, сыномъ царя
Ивановича. Начинался самый острый моментъ смуты, гро-
полной «разрухой Московскаго государства».

нхійный характеръ всего движенія, проявившіяся въ немъ
я черты соціальной революціи, дѣлали союзъ съ нимъ
ских отрядовъ Сумбулова и Ляпунова неестественнымъ.
еніе съ Болотниковымъ скоро раскрыло имъ глаза: ихъ
ікъ былъ болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ московское бояр-
больше тѣхъ грозилъ ихъ землевладѣльческимъ и сослов-
интересамъ. Мѣсяцъ простояло соединенное ополченіе подъ
ю, но 15 ноября 1606 г. рязанцы, дворяне и дѣти бояр-
поѣхали прочь отъ «злыхъ грабителей и осквернителей»
инною къ царю Василію Ивановичу. Возставшая толпа
илась на тѣ общественные элементы, изъ которыхъ слу-
составилась. За рязанцами ушли въ Москву всѣ дѣти
боярскія. Мелкіе служилые люди Истомы Пашкова колебались дольше: они не были «боярами» для Болотниковскихъ шаекъ, но интересы и ихъ ближе ставили къ дворянамъ, и въ рѣшительную минуту они также отстали отъ возстанія. Царь Василій рѣшился самъ напасть на Болотникова. Измѣна Пашкова привела къ пораженію «воровъ, боярскихъ людей и козаковъ» Болотникова. А Прокопію Ляпунову въ Москвѣ было сказано думное дворянство, и онъ сталъ вмѣстѣ съ Сумбуловымъ воеводой въ Рязани.

Съ суровой жестокостью провелъ царь Василій усмиреніе возставшихъ. Но оно не было еще доведено до конца, когда изъ Сѣверщины поднялась новая волна Смуты, принесшая подъ Москву второго Самозванца, Тушинскаго Вора. Отряды Вора состояли, преимущественно, изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и отряды Болотникова,—и Ляпуновы остаются на сторонѣ Шуйскаго. Прокопій, теперь главный воевода рязанскій, вкладываетъ всю свою энергію въ борьбу съ ворами и не разъ заслуживаетъ особую благодарность царя Василія за вѣрность и усердіе. Но это была вѣрность не Шуйскому, а тому порядку, которому грозила смута, и какъ только Ляпуновъ нашелъ въ царскомъ племянникѣ, М. В. Скопинѣ-Шуйскомъ, человѣка, соединявшаго качества надежнаго вождя съ личной значительностью, онъ, не умѣвшій ни сдерживаться, ни выжидать, шлетъ изъ Рязани грамоту молодому воеводѣ, подходившему къ Москвѣ, съ укоризненными рѣчами противъ царя Василія и поздравленіемъ Скопина въ царскомъ достоинствѣ. Скопинъ разорвалъ грамоту, умолчалъ о ней, но дѣло вскрылось и набросило на него тѣнь. Неожиданная смерть, его постигшая, приписана была отравѣ, которую ему поднесли Шуйскіе,—и рязанскій воевода разсылаетъ грамоты въ другіе города, призывая помочь ему въ мщенія царю Василію за смерть князя Михаила Васильевича. Организовать открытое возстаніе ему не удалось. Тогда онъ вступилъ въ заговоръ съ кн. В. В. Голицынымъ и другими московскими врагами Шуйскаго. По почину Прокопія начинаютъ дѣйствовать въ Москвѣ братъ его Захаръ съ товарищами. Они явились къ царю съ требованіемъ, чтобы онъ «положилъ посохъ царскій», потому что изъ-за него кровь льется, и земля пустѣетъ. Шуйскій отказался уступить; тогда Захаръ Ляпуновъ и его единомышленники собрали у Серпуховскихъ воротъ бояръ, дворянъ и торговыхъ людей на совѣтъ, какъ бы Московскому государству не быть въ разореньи и расхищеньи, и приговорили, не обращая вниманія на протесты патріарха Гермогена и немногихъ бояръ, бить челомъ царю Василію, чтобы онъ, государь, царство оставилъ, для того, что кровь многая льется, а въ народѣ говорятъ, что онъ, государь, на своихъ государствахъ несчастливъ. Шуйскаго заставили изъ царскаго дворца переѣхать въ его боярскій дворъ. Черезъ два дня Захаръ Ляпуновъ съ товарищами и монахами Чудова монастыря произвели насильно обрядъ простриженія въ монахи Шуйскаго и его жены, а братьевъ посадили подъ стражу. Ляпуновская партія предполагала замѣнить его княземъ В. В. Голицынымъ. Но въ Москвѣ была другая и значительная сила, партія придворной знати и дворянъ «большихъ статей», во главѣ которой стоялъ бывшій «тушинскій патріархъ», митрополитъ Филаретъ. Она сорганизовалась въ Тушинѣ, куда отъѣзжала изъ вражды къ Шуйскому, и, когда Тушино распалось, порѣшила никого ни изъ Шуйскихъ, ни изъ иныхъ бояръ на государство не хотѣть, а избрать въ цари польскаго королевича Владислава, ограничивъ его власть договоромъ. Обстоятельства были благопріятны для торжества именно этого плана. Находясь между двухъ огней,

между шайками второго Самозванца и польскими войсками Жолкѣвскаго, подступившаго къ Москвѣ, бояре и дворяне изъ двухъ золъ выбрали меньшее и, боясь черни, сочувствовавшей Вору, присягнули Владиславу. Присягнулъ ему и Прокопій Ляпуновъ, но, конечно, и у него, какъ у многихъ, эта присяга была вынуждена только страхомъ передъ господствомъ черни. Разсѣялся этотъ страхъ, Воръ былъ убитъ въ концѣ 1610 г., выяснилось, что король Сигизмундъ не даетъ сына на царство, а хочетъ себѣ подчинить Москву,—и началось среди русскихъ людей движеніе противъ поляковъ. Это движеніе не нашло себѣ опоры въ боярствѣ; бояре «князь Мстиславскій съ товарищи», дорожили и кандидатурой Владислава, и условіями его избранія, ограничивавшими его власть, готовы были даже Сигизмунда признать; это настроеніе сохранилось у нихъ даже тогда, когда изъ Нижняго поднялось на освобожденіе Москвы народное ополченіе Минина и Пожарскаго. Центральнымъ дѣятелемъ въ національномъ движеніи противъ господства иноземцевъ выступилъ патріархъ Гермогенъ, но еще раньше его призыва сталъ самостоятельно дѣйствовать Прокопій Ляпуновъ. Уже въ январѣ 1611 г. бояре доносили королю о возстаніи въ Рязани. Съ этихъ поръ, хоть ненадолго, Ляпуновъ выступаетъ на первый планъ въ судьбахъ истерзаннаго смутой Московскаго государства.

По низложеніи Шуйскаго, во время междуцарствія, боярское правительство не сумѣло пріобрѣсть ни силы, ни авторитета. Власть въ Москвѣ захватили люди, передавшіеся на сторону короля Сигизмунда и заслужившіе, въ народномъ сознаніи, названіе измѣнниковъ. Сближеніе съ поляками, въ надеждѣ на избраніе Владислава, которому, по свидѣтельству Жолкѣвскаго, и Ляпуновъ сперва радовался, оказалось опаснымъ и гибельнымъ. Патріархъ Гермогенъ разрѣшилъ народъ отъ присяги Владиславу и призывалъ русскихъ людей, собравшись со всѣхъ городовъ, идти къ Москвѣ на литовскихъ людей. Но московскіе бояре продолжали держаться короля и его сына. Этимъ они выпустили изъ рукъ вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, и руководящая роль перешла къ представителямъ провинціальнаго дворянства, среди которыхъ первое мѣсто по энергіи и вліянію занималъ Прокопій Ляпуновъ. Подъ его команду сходятся къ Москвѣ служилые люди и ополченія изъ разныхъ городовъ. Бояре и съ ними тѣ русскіе люди, которые засѣли въ Москвѣ съ поляками, смотрятъ на дворянское ополченіе какъ на воровъ, какъ на «воровскія» шайки. Зато рядомъ съ Ляпуновымъ стоятъ другіе союзники: онъ попытался привлечь на «земскую» службу дѣлу національной самозащиты отряды, приставшіе къ Вору, козаковъ, холоповъ, крестьянъ, обѣщая боярскимъ крѣпостнымъ людямъ волю и жалованье, а козакамъ награду. Это касалось тѣхъ, кто уже былъ въ ополченіяхъ, оставшихся отъ разсѣянныхъ шаекъ Вора; ихъ Ляпуновъ хотѣлъ видѣть не врагами въ тылу у себя, а союзниками въ борьбѣ съ поляками. Призывъ имѣлъ успѣхъ. Всѣ ратные люди, которые прежде служили второму Самозванцу, пришли со своимъ воеводой кн. Дмитріемъ Трубецкимъ помогать Ляпунову; пришли и козацкіе отряды съ Заруцкимъ и Просовецкимъ. Такъ составилось ополченіе 1611 года. Оно смотрѣло на себя не какъ на войско только, а какъ на своего рода «совѣтъ всей земли». Выбравъ Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго вся ополченіе установило своеобразное временное правительств жди не только командовали войскомъ, но и управляли го ствомъ. Они назначали воеводъ по городамъ, раздавали пом распоряжались сборомъ ратныхъ людей и денегъ. Въ вал дѣлахъ—совѣщались со всѣмъ ополченіемъ, и рѣшенія, нятыя «всею ратью», считались рѣшеніями «всей земли» правильнаго веденія дѣлъ при воинскомъ совѣтѣ устроены приказы. Такъ возникло новое правительство, которое в «строить землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ мышлять». Преобладающее вліяніе принадлежало въ рати пунову и его дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и это отра на мѣропріятіяхъ по установленію порядка какъ во всей такъ и въ самомъ войскѣ. Особое вниманіе обращено просы служилаго землевладѣнія; рѣшено было надѣлять ; нѣзовъ ополченія помѣстьями, по тѣмъ правиламъ, какія приняты въ Москвѣ, а не по тѣмъ окладамъ, какіе учинены въ Тушинѣ или въ лагерѣ короля Сигизмунда подъ Смолен Лишнія земли, захваченныя незаконно, рѣшили отбирать не могло не задѣть интересовъ многихъ бывшихъ «тушин Еще болѣе должно было испугать и раздражить рядовых дей изъ отрядовъ Трубецкаго и Заруцкаго рѣшеніе бѣ крестьянъ и боярскихъ людей по сыску отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ. Словомъ, «приговоры всей земли» рались, по возможности, подтвердить и возстановить въ п силѣ тотъ порядокъ и общественный строй, который сло въ Московскомъ государствѣ къ концу XVI вѣка. Но и недовольство этимъ порядкомъ было силой, которая вызва возстанію низшіе слои населенія, пошедшіе за первымъ димитріемъ, за Болотниковымъ, за Тушинскимъ Воромъ перь стоявшіе въ ополченіи рядомъ съ Ляпуновымъ. Он вторилъ свою ошибку 1606 г., вступивъ въ союзъ съ вр того порядка, на возстановленіе котораго поднялся. Ляп надѣялся, удовлетворивъ своихъ безпокойныхъ союзников лованьемъ, подчинить ихъ себѣ и строгой дисциплинѣ. лагеря рѣшено было козаковъ ни въ какія посылки не лать иначе, какъ подъ командой «дворянъ добрыхъ», а изъ нихъ, кто попалъ на должности по администраціи в ныхъ городахъ и волостяхъ, свести и замѣнить дворя Съ этого приговора и начали козаки «надъ Прокофьем мать, какъ бы его убить». Лѣтописецъ разсказываетъ, Ляпуновъ даже бѣжалъ-было къ Рязани, но его догнали и ворили вернуться. Козаки же, съ вѣдома своихъ начальни «написали грамоту отъ Прокофья по городамъ, что будт лѣно козаковъ по городамъ побивати и руку его подпис Грамоты эти одинъ изъ атамановъ принесъ въ козачій к вызвали Ляпунова для объясненій и тамъ его убили, а дом разграбили. И были его убійцами, говорилъ позднѣе князь жарскій, «старые заводчики всякому злу, атаманы, коза холопы боярскіе». По смерти Ляпунова, его ополченіе распа Козаки со своими предводителями взяли верхъ, и въ подмо номъ лагерѣ настала такая смута, что дворянское войско шлось, оставивъ однихъ козаковъ продолжать осаду запе въ Москвѣ польскаго гарнизона.

Авраамій Палицынъ.

Платона Гр. Васенко.

ТАРЕЦЪ Авраамій Палицынъ, авторъ извѣстной «Исторіи въ память предидущимъ родомъ», стяжалъ себѣ славу великаго патріота и защитника русскихъ интересовъ. Во время Отечественной войны въ знаменитомъ манифестѣ императора Александра I келарь Троицкой обители былъ поставленъ на ряду съ ими нижегородскаго ополченія, какъ высокій примѣръ доб- и самоотверженія. Подобный взглядъ на Палицына пре- аетъ до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ, поддерживаясь ой учебной литературой. А между тѣмъ изслѣдованія Д. П. вастова, И. Е. Забѣлина и С. Ѳ. Платонова обнаруживаютъ ичности и поступкахъ Авраамія Палицына не мало темныхъ нъ. Причина преувеличенной репутаціи старца-писателя нится послѣ ознакомленія въ общихъ чертахъ съ практи- й и литературной его дѣятельностью.

Авраамій (въ мірѣ Аверкій Ивановичъ) Палицынъ по про- кденію принадлежалъ къ дворянскому роду средней руки. родился около 1550 года, а въ 1588 году подвергся опалѣ, емъ имѣніе его конфисковано. Причина опалы Палицына очности неизвѣстна, но ее не безъ основанія ставятъ въ съ опалой Шуйскихъ, пострадавшихъ вслѣдствіе вражды къ Годунову и интригъ противъ него. Вскорѣ послѣ опалы кій Палицынъ постригся въ монахи, принявъ имя Авраамія. омъ его постриженія называютъ Соловки; но это утвержденіе ожетъ претендовать на достовѣрность. Вся дѣятельность амія Палицына связана съ Троице-Сергіевымъ монастыремъ, которого онъ родился, которому служилъ своими талантами, ому жертвовалъ свои родовыя земли. При этомъ, передавая 611 г. свою вотчину Троицкой обители, старецъ просилъ ить» его, «какъ и прочую братію», «покамѣсть Богъ га продлитъ», «въ дому Живоначальные Троицы и великаго ворца Сергія». Въ 1601 году Палицынъ былъ, какъ мы ъ изъ одного тяжебнаго дѣла, какимъ-то начальствующимъ ъ въ зависившемъ отъ Троице-Сергіевой обители Богородиц- Свіяжскомъ монастырѣ, которымъ управляли наиболѣе ле представители троицкой братіи. Въ 1608 году старецъ мій, быть-можетъ, по рекомендаціи царя Василія Шуйскаго, келаремъ Троицкаго монастыря. Это назначеніе высоко ло Палицына въ ряду монастырской іерархіи, такъ какъ тарыя времена келарь былъ первымъ лицомъ обители послѣ ителя. Завѣдуя вотчинами монастыря и всѣмъ вообще нимъ хозяйствомъ его, келарь въ то же время былъ по- никомъ между обителью и свѣтской властью. Благодаря теру должности келаря на нее обыкновенно выбирались умудренные житейскимъ опытомъ и обладавшіе природными ческими способностями. Особенно такими свойствами нъ былъ обладать келарь первой въ государствѣ по богатству ченію обители. Судя по разсѣяннымъ въ «Исторіи» Пали- замѣчаніямъ и его образу дѣйствій, старецъ-писатель былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для занятой имъ должности.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1608 года началась знаменитая осада Троице-Сергіева монастыря. Во время осады Палицынъ жилъ на Троицкомъ подворьѣ въ Москвѣ. Это обстоятельство послужило причиной подозрѣнія, что Авраамій остался въ столицѣ, предвидя надвигавшуюся осаду и не желая подвергаться ея тяготамъ. Самъ Палицынъ утверждаетъ, что остался «въ царствующемъ градѣ Москвѣ по повелѣнію Самодержавнаго». Принимая во вниманіе кругъ обязанностей келаря, нѣтъ основаній сомнѣваться въ истинѣ показанія Авраамія. Во время осады «дома Живоначальныя Троицы» старецъ-келарь поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ своей обителью. Онъ подробно разсказываетъ въ своей «Исторіи» о томъ, какъ благодаря его настоятельнымъ и слезнымъ моленіямъ была отправлена нѣкоторая подмога осажденнымъ. Не преминулъ также Палицынъ посвятить одну изъ главъ своего произведенія повѣствованію «о приходѣ въ обитель сходниковъ съ грамоты отъ келаря старца Авраамія», который старался такимъ образомъ поддержать духъ защитниковъ монастыря. Въ то же время изъ «Исторіи» видно, что троицкій келарь благодѣтельствовалъ и осажденной Москвѣ. Благодаря выпущеннымъ имъ на продажу запасамъ монастырской ржи дважды падала цѣна на хлѣбъ, искусственно вздутая вслѣдствіе стачки «житопродавцевъ». Разсказывая такимъ образомъ о своихъ дѣйствіяхъ во время осады, Палицынъ, однако, какъ оказывается, сообщалъ о нихъ далеко не все. Въ своемъ «Сказаніи» объ осадѣ монастыря келарь повѣствуетъ о троицкомъ казначеѣ Іосифѣ Дѣвочкинѣ, обличенномъ въ измѣнныхъ замыслахъ діакономъ Гуріемъ Шишкинымъ. Авраамій говоритъ о признаніи казначея подъ пыткой и о скорой смерти его отъ ужасной болѣзни, въ которой видитъ карающій перстъ Божій. Въ разсказѣ объ измѣнѣ Дѣвочкина Палицынъ обвиняетъ также въ «потаковничествѣ» казначею второго воеводу осажденной рати, Алексѣя Голохвастова, и набрасываетъ на него въ осторожныхъ выраженіяхъ подозрѣніе въ соучастіи. Изъ сообщеній Авраамія не видно, принималъ ли онъ какое-либо участіе въ дѣлѣ обнаруженія «измѣны» казначея, и какъ отнеслись къ «измѣннику» восхваляемый Палицынымъ архимандритъ Іоасафъ и соборные старцы. Въ этомъ случаѣ намъ на помощь приходятъ сохранившіяся до нашего времени письма къ Палицыну главнаго воеводы троицкой рати князя Долгорукаго и вышеназваннаго іеродіакона Гурія Шишкина, а также челобитная на имя царя Василія Шуйскаго, составленная однимъ изъ братій Троицкаго монастыря, но выданная имъ за коллективное прошеніе. Сопоставленіе этихъ документовъ приводитъ къ интереснымъ выводамъ. Обнаруживается, во-первыхъ, что и Долгорукій, и Шишкинъ дѣйствовали подъ покровомъ тайны. Самая переписка ихъ съ Палицынымъ носитъ секретный характеръ. При этомъ и архимандритъ, и соборные старцы были на сторонѣ казначея, а не его обличителя. Съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить, что

[illegible]

«Исторія».

Дорогамъ [illegible] ко [illegible] ихъ [illegible] Аврора в Тимаевъ [illegible] М-136—137 [illegible] Ирландіи [illegible] Аврора [illegible] Аврора [illegible] «Исторія».

[illegible] ненье, восхищаетъ [illegible] Шаманъ. Въ тотъ самый момент [illegible] настигнуто жестокое [illegible] форъ въ шаги [illegible] (инъ [illegible] Москвы [illegible] сто. Вытянув ручонки [illegible] ниъ кочки [illegible] «Исторія» [illegible] Шаманъ. [illegible] Мо [illegible] Москвы [illegible] Аврора [illegible] Аврора [illegible] Аврора

и на соединеніе съ козаками Трубецкаго и другихъ во-
атріархъ, взывая объ очищеніи столицы отъ иноземцевъ,
лъ въ то же время остерегаться и обуздывать козаковъ.
ъ Ляпунова былъ передъ глазами земскихъ русскихъ
Поэтому-то Мининъ и Пожарскій усвоили програму, на-
ю Гермогеномъ. Медленно и осторожно двинулись зем-
и къ Ярославлю и стали тамъ сосредоточиваться и
ться, принимая рядъ мѣръ къ обузданію и подчиненію
ачьихъ отрядовъ. Отличные организаторы, вожди ниже-
го ополченія прекрасно понимали всю важность обезпе-
пополненія рати какъ запасами всякаго рода, такъ и
составомъ. Выполняя правильно понятую имъ задачу,
й не торопился походомъ къ Москвѣ. Между тѣмъ подъ
ъ Трубецкаго, поссорившагося съ Заруцкимъ и боявша-
упившаго въ русскіе предѣлы гетмана Хоткѣвича, Троиц-
ти торопили ополченіе, ставшее въ февралѣ 1612 года
кой ратью. Въ Ярославль отправился, наконецъ, въ концѣ
о же года, самъ Авраамій Палицынъ, которому, если
о его словамъ, и удалось превозмочь нерѣшительность
тельность Пожарскаго. Зная, что Троицкія власти ви-
ъговъ русской земли лишь въ полякахъ и считали ко-
оборниками православія, можно понять обвиненіе Авраа-
ожарскаго въ томъ, будто онъ «косно и медленно о
промышляше». Но выше мы видѣли, что причина не-
ости вождей земскаго ополченія была вполнѣ основа-
Движеніе же рати къ Москвѣ, послѣдовавшее вскорѣ
іѣзда старца-келаря въ Ярославль, находитъ себѣ объ-
вовсе не во вліяніи учительныхъ словъ Палицына, а
вшейся къ тому времени обстановкѣ. Земское ополченіе
анизовано и обезпечено, козаки частью подчинились
, частью потеряли значеніе. Кромѣ того, гетманъ Хот-
приближался уже къ самой столицѣ. Тогда-то и дви-
Пожарскій и Мининъ къ Москвѣ. Незадолго до ихъ при-
уцкій со своими шайками бѣжалъ изъ занимаемыхъ
ровъ. Оставшіеся козаки не сливались съ земскимъ
емъ, которое съ полнымъ основаніемъ держало себя не-
о по отношенію къ нимъ. Въ августѣ 1612 года на-
ои съ Хоткѣвичемъ. Въ это время по просьбѣ вождей
ополченія Палицынъ склонилъ козаковъ, которые въ
рѣшительныхъ столкновеній русскихъ людей съ поля-
дѣйствовали, постоять за общее дѣло. При этомъ ста-
арь обѣщалъ козакамъ раздачу Троицкой казны и тѣмъ
ъ въ нихъ желаніе сразиться за родину. Къ чести ко-
лѣдуетъ замѣтить, что они отказались отъ всякаго воз-
нія, когда имъ были присланы, за неимѣніемъ въ Троиц-
ѣ денегъ, «церковныя сокровища, ризы, стихари и па-
саженые». Въ успѣшномъ увѣщаніи козаковъ состояла
ная заслуга Авраамія Палицына. Въ своей «Исторіи»
преминулъ распространиться объ отмѣченномъ дѣлѣ, при-
нако, сильно преувеличилъ какъ значеніе всего проис-
такъ и размѣры своего въ немъ участія. Палицынъ
лъ въ своемъ повѣствованіи, что онъ уговаривалъ ко-
дважды. Въ первый разъ ему удалось лишь силой сво-
тельнаго слова подвигнуть козаковъ на бой съ врагами
притомъ во главѣ ихъ отрядовъ, одержавшихъ бли-
ую побѣду. На другой день козаки снова отказались
бой, и тогда Палицыну пришлось посулить имъ «цер-
сокровища». Эти разсказы опровергаются показаніями
лѣтописцевъ и въ томъ числѣ троицкаго инока Симона
а, ученика архимандрита Діонисія, представлявшихъ дѣло
такъ, какъ выше изложено. Характерно, что Авраамій ни единымъ словомъ не обмолвился о подвигѣ Минина, который рѣшилъ результатъ боевъ ополченія съ Хоткѣвичемъ.

Послѣ полной неудачи литовскаго гетмана, русское ополченіе устроило тѣсную блокаду польскаго гарнизона въ Кремлѣ и въ октябрѣ 1612 года принудило его къ сдачѣ. Былъ созванъ новый земскій соборъ, на которомъ 21 февраля 1613 года всей землей избранъ царемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Старецъ Авраамій повѣствуетъ объ обстоятельствахъ избранія, выставляя себя центральной фигурой: къ нему приходятъ «многіе дворяне и дѣти боярскіе и гости многихъ разныхъ городовъ, и атаманы и козаки... принесоша же и писанія своя о избраніи царскомъ». По просьбѣ пришедшихъ къ нему многочисленныхъ членовъ собора, Палицынъ «возвѣщаетъ всему освященному собору, и бояромъ, и воеводамъ, и всему царскому синклиту» о кандидатурѣ Михаила. Троицкаго же келаря вмѣстѣ съ архіепископомъ Ѳеодоритомъ и другими лицами посылаетъ соборъ на Лобное мѣсто «къ вопрошенію всего воинства, и всенароднаго множества о избраніи царскомъ». Нельзя, конечно, отрицать, что Палицынъ игралъ нѣкоторую роль на земскомъ избирательномъ соборѣ 1613 года. Съ другой стороны, разсказы прочихъ повѣствователей о Смутѣ, оффиціальныя данныя объ избраніи царя Михаила и изученіе хода событій не позволяютъ намъ считать Палицына очень виднымъ дѣятелемъ этого земскаго собора. По избраніи царя Палицынъ ѣздилъ въ числѣ пословъ въ Кострому «бить челомъ... чтобы благовѣрная великая Государыня инока Марѳа Ивановна благословила сына своего благороднаго Государя Михаила Ѳеодоровича Царемъ и Государемъ на Московское Государство».

Съ воцареніемъ Михаила Смута кончилась, и келарь Авраамій на досугѣ сталъ заниматься литературной дѣятельностью, не оставляя и своей должности. Судьба даже поставила его на время во главѣ обители, когда архимандритъ Діонисій, за предпринятое имъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, подвергся преслѣдованію отъ невѣжественныхъ московскихъ церковныхъ властей. Въ дни временнаго управленія Палицына монастырь пережилъ тяжелыя минуты опасеній новой осады. Это было во время похода королевича Владислава, шедшаго къ Москвѣ съ оружіемъ въ рукахъ добиваться русскаго престола, на который онъ предъявлялъ права. Предпріятіе Владислава кончилось неудачей, и въ 1618 году польскіе и русскіе уполномоченные заключили перемиріе въ троицкой деревнѣ Деулинѣ, гдѣ келарь Авраамій согласно своему обѣщанію построилъ въ 1619 году храмъ во имя Св. Сергія.

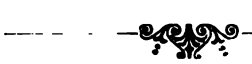
Въ слѣдующемъ 1620 году старецъ Авраамій былъ уже въ Соловецкомъ монастырѣ, въ которомъ и скончался спустя нѣсколько лѣтъ (13 сентября 1626 года). Нѣкоторымъ русскимъ историкамъ представляется удаленіе Палицына въ Соловки добровольнымъ поступкомъ: старецъ удалился «на свое обѣщаніе», гдѣ и пожилъ «семь лѣтъ по трудѣхъ на покоѣ». Однако, извѣстія, что Авраамій Палицынъ былъ постриженникомъ Соловецкой обители, весьма сомнительны. Да и самъ старецъ-келарь въ 1611, по крайней мѣрѣ, году надѣялся до конца своихъ дней жить въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ. Поэтому справедливѣе мнѣніе, что удаленіе Палицына было вынужденнымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ опись соловецкихъ документовъ, гласящая о существованіи грамоты относительно погребенія «присланнаго» въ Соловки «старца Авраамія Палицына». Кромѣ того, мѣсто погребенія Палицына въ сосѣдствѣ съ могилой сосланнаго при Петрѣ разстриженнаго тамбовскаго

архіерея Игнатія не даетъ права думать о почетномъ покоѣ троицкаго келаря въ Соловкахъ. Причинъ же ссылки старца Авраамія, послѣдовавшей за возвращеніемъ Филарета изъ польскаго плѣна, могло быть, какъ мы имѣемъ возможность заключить изъ его біографіи, нѣсколько, начиная съ самовольнаго оставленія имъ великаго посольства.

Знакомство наше съ личностью и дѣятельностью Палицына будетъ неполнымъ, если мы не обратимъ вниманія на его замѣчательное произведеніе, извѣстное подъ именемъ «Исторіи въ память предидущимъ родомъ», или Сказанія келаря Авраамія. «Исторія» является разсказомъ, передающимъ событія всей Смутной эпохи съ религіозно-нравственной точки зрѣнія и притомъ очень субъективно.

Первыя шесть главъ труда Палицына, составляющія самостоятельное произведеніе, посвящены общему описанію Смуты до междуцарствія. Онѣ обращаютъ главное вниманіе на нравственное состояніе русскаго общества въ эту эпоху и крайне любопытны. Суровыя рѣчи келаря Авраамія, хотя и проникнуты иногда узкимъ монашескимъ аскетизмомъ, вскрываютъ передъ нами страшную картину нравственнаго разложенія, обусловившаго и усилившаго смуту. Къ тому же старецъ-писатель умѣетъ указывать на очень реальныя причины нестроеній московскаго государства: соціальныя отношенія господъ и холоповъ, обострившіяся подъ вліяніемъ сильныхъ неурожаевъ, когда челядь выгонялась на улицу снискивать себѣ пропитаніе, корыстолюбіе и безнаказанность богатыхъ землевладѣльцевъ и хлѣботорговцевъ, скопленіе въ Сѣверской Украйнѣ опасныхъ и преступныхъ элементовъ общества. Свое изложеніе Палицынъ иллюстрируетъ иногда краткими, но мѣткими описаніями; для примѣра укажемъ на описаніе подпаиванья бѣдняковъ и выманиванья у нихъ кабальныхъ записей. «Инѣхъ же»—разсказываетъ старецъ—«винца токмо испити взывающи м по трехъ или по четырехъ чарочкахъ достовѣренъ неволею рабъ бываше тѣмъ». Отмѣченныя стороны произведенія Палицына придаютъ ему большую цѣну въ глазахъ современныхъ историковъ, а людей XVII вѣка прельщали въ немъ и морализированіе, и благочестіе взглядовъ, и красота изложенія. Какъ первыя главы труда Авраамія, такъ и остальныя части его «Исторіи» написаны сильнымъ, яснымъ и мѣткимъ слогомъ. Старецъ вполнѣ владѣлъ рѣчью и щеголялъ своимъ искусствомъ. Сообразно описываемому сюжету мѣнялся и тонъ повѣствованія. Палицынъ не брезгалъ оживлять свое изложеніе игрой словъ и шутками. Иногда же его рѣчь принимала строй размѣренной и риѳмованной прозы. Послѣднее явленіе особенно замѣтно во второй основной части «Исторіи»—«Сказаніи» объ осадѣ Троице-Сергіева монастыря. Это «Сказаніе», обнимающее собою 51 главу печатнаго изданія Палицынскаго труда, дѣйствительно въ значительной мѣрѣ заслуживаетъ названія духовно-исторической эпопеи. Въ немъ мы находимъ рядъ разсказовъ о чудесахъ св. Сергія и Никона, а также и описаній воинскихъ подвиговъ монашеской братіи, изложенныхъ зачастую слогомъ эпическихъ произведеній. На ряду съ такими разсказами мы находимъ въ «Сказаніи» много историческихъ подробностей знаменитой осады. Особенно ин указаніе розни, бывшей среди воеводъ и братіи; несмот отмѣченный въ этомъ случаѣ яркій субъективизмъ авто казаніе его очень любопытно и содержитъ зерно истин нуя затѣмъ тринадцать главъ печатнаго изданія «Исторіи», щихъ служебное значеніе и посвященныхъ частью доп повѣсти объ осадѣ, частью разсказу о московскихъ соб 1609—1611 годовъ (до прибытія ляпуновскаго ополче Москвѣ), укажемъ, что послѣднія главы труда келаря предста три самостоятельныхъ произведенія: «Сказаніе вкратцѣ о ра царствующаго града Москвы», «О избраніи благовѣрнаго и роднаго великаго Государя Царя и великаго князя Михаил ровича...» и «Сказаніе о приходѣ подъ царствующій градъ изъ Польши королевича Владислава...». Первое изъ этихъ заній» посвящено разсказу о ляпуновскомъ и нижегор ополченіяхъ. Повѣствованіе отличается одностороннимъ во ніемъ Троицкой Лавры, а главное особы келаря Авраамія, к дѣлаетъ послѣднее необыкновенно искусно, говоря между п о себѣ все время въ третьемъ лицѣ. Нѣкоторой преувел самооцѣнкой страдаютъ и остальныя двѣ части «Исторіи цына, въ которыхъ авторъ въ то же время снова является стомъ, указывающимъ, что обращеніе народа къ Богу ситъ благіе плоды, а нравственное паденіе общества за собой немедленное наказаніе. Только-что отмѣченныя занія» имѣютъ значеніе и потому, что отражаютъ взгл ного изъ видныхъ дѣятелей Смуты, и потому, что само леніе Палицына сдѣлано въ нихъ съ большимъ мастер За «Сказаніемъ о приходѣ королевича» въ рукописныхъ п деніяхъ «Исторіи» слѣдуетъ послѣсловіе; изъ него мы что Палицынъ собралъ свои произведенія въ одно цѣ 1620 году; время же написанія отдѣльныхъ частей «И въ точности не выяснено.

Знакомство съ жизнью и литературной дѣятельностью мія Палицына позволяетъ намъ съ извѣстною опредѣле высказаться объ этой интересной и умной личности. Л практическій дѣлецъ, старецъ Авраамій былъ далеко опорой и защитникомъ православія и народности, каки себя сумѣлъ выставить. Онъ не прочь былъ искать себѣ и своему монастырю у торжествующей партіи, ка она ни была. Это видно изъ его поведенія подъ Смол и его дружбы съ козаками. Палицынъ умѣло выставлялъ свои заслуги, старался выслужиться передъ Романовым воцаренія Михаила Ѳеодоровича и замалчивалъ, на могъ, подвиги такихъ людей, какъ Гермогенъ, Мининъ жарскій. Въ его «Исторіи» мы не найдемъ требуемы историка безпристрастія и правдивости. Нравоучительны ченія старца Авраамія для людей, знающихъ истинную п личности, представляются лишь упражненіемъ въ морали ніи. Тѣмъ не менѣе, житейская опытность Палицына, блюдательность, мѣткость многихъ замѣчаній, литера достоинства произведеній Авраамія, наконецъ, роль Смутѣ, придаютъ историческому труду старца-келаря интересъ.



чительныхъ обстоятельствахъ его эпохи. Какъ дѣятель нижегородскаго движенія, Савва доступенъ нашему опредѣленію.

Въ послѣднія десятилѣтія исторія нижегородскаго подвига сдѣлала большіе успѣхи. И. Е. Забѣлинъ первый внесъ въ изученіе обстоятельствъ 1611—1612 гг. трезвый научный пріемъ, одинаково далекій какъ отъ реторическаго восхищенія на карамзинскій ладъ, такъ и отъ обличеній Костомарова. Живое чувство народности, глубокое знаніе и пониманіе стараго Великорусья позволили г. Забѣлину избѣжать академической сухости изложенія и облечь въ плоть и кровь смутныя преданія и легенды о нижегородскихъ герояхъ. У него Мининъ и Пожарскій стали историческими и перестали быть легендарными, а нижегородскій «міръ» изъ несмысленной толпы, шедшей слѣпо за вожаками, обратился въ одухотворенную патріотическимъ чувствомъ разумную среду. Изложеніе г. Забѣлина было построено на старомъ, давно извѣстномъ, но заново освѣщенномъ матеріалѣ. Послѣ книги г. Забѣлина о Мининѣ и Пожарскомъ былъ обнародованъ новый матеріалъ—текстъ писцовыхъ книгъ и десятенъ по Нижнему-Новгороду и его уѣзду и тексты литературныхъ произведеній о Смутномъ времени. Съ ихъ помощью можно продолжить работу г. Забѣлина и дать уже правильную исторію нижегородскаго движенія.

Самый общій очеркъ этой исторіи опредѣлитъ намъ значеніе нашего протопопа Саввы въ общемъ ходѣ нижегородскихъ и общерусскихъ событій великой эпохи освобожденія Москвы.

Во второй половинѣ 1611 года, послѣ смерти Пр. Ляпунова подъ Москвою, земское устройство, созданное имъ, пало, дворянское ополченіе разъѣхалось по домамъ, и органы центральной власти—«приказы», учрежденные въ подмосковной рати для управленія страною, попали въ распоряженіе козачьихъ вождей, одинаково враждебныхъ и полякамъ, сидѣвшимъ въ Москвѣ, и старому московскому порядку. Правительственныя учрежденія стали служить врагамъ земщины: они «изъ городовъ и съ волостей на козаковъ кормы сбирали», а козаки «ѣздили по дорогамъ станицами и побивали». Надъ измученною страною господствовали двѣ власти, желавшія стать правительствомъ: польская и козачья. Первая дѣйствовала именемъ короля Сигизмунда и «царя» Владислава и держалась оккупаціей столицы. Вторая дѣйствовала именемъ «Всея Земли» и держалась «козачьими таборами», т.-е. подмосковнымъ лагеремъ, въ которомъ козаки устроили правительственный центръ. Обѣ власти были ни для кого нежелательны, кромѣ тѣхъ, кто измѣнилъ родинѣ ради милостей Сигизмунда, и тѣхъ, кто связался съ козаками и отсталъ отъ стараго общественнаго порядка. Но никто не могъ указать, гдѣ искать третьей, болѣе законной власти. Ее еще надобно было создать. А кто же могъ ее создать въ обществѣ, которое разсыпалось на свои составныя части, отдѣльные города и волости?

Съ паденіемъ государственнаго порядка на Руси еще жилъ церковный. За недостаткомъ боевыхъ вождей народнымъ движеніемъ начинали руководить духовные отцы. Изъ церковныхъ круговъ шла проповѣдь, призывавшая къ единенію и народному подвигу. Если пастыри не могли стать сами во главѣ обновленнаго политическаго порядка, то они могли дать совѣтъ, какъ его обновить. И на этотъ разъ въ 1611 г. они давали странѣ не одинъ, а два взаимно-противоположные совѣта. Троицкая лавра думала и писала, что земщинѣ необходимо было соединить свои силы съ подмосковнымъ козачествомъ для совмѣстной борьбы съ поляками. На этой мысли были построены двѣ знаменитыя троицкія грамоты 1611—1612 гг. Патріархъ же Гермогенъ думалъ, что козаки—еще горшій врагъ Русской з чѣмъ поляки, и что землѣ слѣдуетъ соединить свои силы борьбы не только съ поляками, но прежде всего и съ коза Именно это писалъ Гермогенъ нижегородцамъ въ августѣ 16 Оба авторитета—и братія монастыря св. Сергія, и «вторы тоустъ» патріархъ Гермогенъ — одинаково указывали, чт чинъ движенія долженъ былъ идти изъ мѣстныхъ общ но направленіе движенія опредѣлялось ими разно.

Вотъ та обстановка, въ которой возникъ нижегородскій по,

Въ исторіи этого подвига мы теперь различаемъ слѣд моменты. Первый,—когда Минину удалось подвигнуть ни родскую посадскую общину на собираніе «казны многой очищенія Московскаго государства. Второй моментъ, — приговоръ посадскихъ людей о собираніи казны и наймѣ ныхъ людей былъ сообщенъ оффиціальнымъ лицамъ и шему слою населенія Нижняго-Новгорода, былъ ими прин повелъ къ образованію въ Нижнемъ особаго «приказа организаціи рати и ея хозяйства. Третій моментъ,—когда особый приказъ, съ кн. Пожарскимъ и Мининымъ во распространилъ свое вліяніе и власть на всю Низовску ласть и собралъ около себя «для справки» общій «земск вѣтъ» низовскихъ городовъ. И, наконецъ, четвертый момен когда, перемѣстившись въ Ярославль, нижегородская в административная власть обратилась въ правительство Русской земли и повела эту землю къ Москвѣ для «очи государства» и для «царскаго обиранья».

Въ первый моментъ движенія главная роль принадле безспорно, Минину. Онъ, и никто иной, нашелъ въ себѣ «возбудить спящихъ» въ то время, когда прочіе застыл унынии и уже отчаялись въ томъ, что Господь сохр «останокъ рода христіанскаго» и оградитъ миромъ «ост Россійскихъ царствъ и градовъ и весей». Въ земской Нижняго-Новгорода (которую теперь назвали бы «горо думою») Мининъ началъ многія рѣчи о необходимости «ч промыслъ» надъ врагами. Какъ земскій староста, онъ имѣ своей общинѣ вѣсъ и вліяніе и добился того, что былъ санъ «приговоръ всего града за руками», т.-е. оффиціа постановленіе посадскихъ людей съ рукоприкладствомъ о чтобы поручить Минину произвести особый сборъ «на ст ратныхъ людей». Этотъ сборъ Мининъ «собою начатъ», первый внесъ свою жертву на народное дѣло, а затѣмъ по свои вклады и прочіе нижегородцы. Такъ какъ приговоръ в въ виду общее принудительное обложеніе тяглыхъ люде достаткамъ и доходамъ, то Минину приходилось прибѣга ко взысканіямъ съ тѣхъ, кто не хотѣлъ добровольно п ниться мірскому приговору и подоходной раскладкѣ. По вамъ одного современника, Мининъ дѣйствовалъ среди с согражданъ, «уже волю вземъ надъ ними по ихъ приг съ Божіей помощью и страхъ на лѣнивыхъ налагая». въ начальномъ моментѣ движенія первое мѣсто принадл Минину.

Когда затѣянное Мининымъ большое дѣло получило хо податной общинѣ Нижняго, оно не могло остаться безъ от. По самой своей сущности оно требовало широкаго огла такъ какъ нуждалось въ общемъ сочувствіи и поддержк было объявлено и другимъ, не-податнымъ чинамъ ниже скаго населенія. По преданію, носящему признаки досто сти, произошло это такимъ образомъ. Въ Нижнемъ посл лученія одной изъ троицкихъ патріотическихъ грамотъ « городскія власти на воеводскомъ дворѣ совѣтъ учинили

совѣтѣ же томъ были печерскій архимандритъ Ѳеодосій, протопопъ Савва и прочее духовенство, «дворяне и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ». Совѣтъ рѣшилъ собрать нижегородцевъ на другой день въ Спасо-Преображенскій соборъ, прочесть тамъ троицкую грамоту и звать народъ на помощь Москвѣ. Такъ и сдѣлали. На другое утро собрали горожанъ колокольнымъ звономъ въ соборную церковь и уже ко всему населенію Нижняго, а не къ однимъ тяглымъ людямъ, обратились съ воззваніемъ о патріотическомъ подвигѣ. Первое мѣсто въ этомъ собраніи принадлежало Саввѣ. Послѣ обѣдни «предъ святыми вратами» говорилъ онъ рѣчь народу и самъ читалъ троицкую грамоту. Мининъ говорилъ послѣ Саввы. Оба они явились вождями движенія. Въ Мининѣ нашла своего вожака тяглая масса; Савва же Ефимьевъ оказался первымъ выразителемъ высшихъ слоевъ нижегородскаго населенія,—тѣхъ, которые на воеводскомъ дворѣ наканунѣ впервые пристали къ движенію, начатому Мининымъ въ своей податной средѣ. Вступленіе въ дѣло высшихъ круговъ нижегородскаго населенія было вторымъ моментомъ движенія, и въ этомъ второмъ моментѣ виднѣйшая роль принадлежитъ Саввѣ. Онъ стоитъ въ челѣ всей массы нижегородцевъ, его рѣчью начинается оффиціальная исторія нижегородской рати, его благословеніе и молитвы осѣняютъ самое возникновеніе подвига и встрѣчаютъ князя Д. М. Пожарскаго въ нижегородскомъ соборѣ.

И въ слѣдующихъ моментахъ движенія протопопу Саввѣ принадлежитъ дѣятельная роль. Подъ руководство Нижняго скоро стала вся Низовская земля, и только въ Казани произошло нѣкоторое осложненіе отношеній съ Нижнимъ. Чтобы выяснить недоразумѣніе, нижегородцы послали въ Казань посольство изъ духовныхъ и дворянъ, а во главѣ посольства—товарища Пожарскаго Биркина и Савву протопопа. Когда же благое дѣло московскаго очищенія совершилось, и Пожарскій изъ Москвы звалъ выборныхъ изъ городовъ для государева обиранья, то Нижній опять выбралъ своимъ представителемъ Савву, который и подписался подъ избирательною грамотою такъ: «Изъ Нижняго Новагорода выборный спасскій протопопъ Савва».

Итакъ, Савва замѣтенъ для насъ съ начала до конца нижегородскаго подвига и можетъ быть опредѣленъ нами какъ одинъ изъ его иниціаторовъ или, говоря старымъ русскимъ языкомъ, какъ одинъ изъ его «заводчиковъ». Въ этомъ его и значеніе. Какъ одинъ изъ тѣхъ, кому принадлежалъ починъ великаго дѣла, Савва, конечно, принималъ участіе въ обсужденіи его руководящаго плана, и въ этомъ отношеніи онъ для насъ особенно любопытенъ. Несмотря на то, что онъ читаетъ народу въ Спасскомъ соборѣ троицкую грамоту, онъ не раздѣляетъ троицкой программы, предполагавшей единеніе земскихъ силъ съ козачьимъ подмосковнымъ станомъ. Въ Нижнемъ рѣшено было держаться лозунга Гермогена: «и на поляковъ, и на козаковъ». Объ этомъ явственно говорили нижегородскія грамоты, пошедшія во всѣ окрестные города съ извѣстіемъ о началѣ движенія въ Нижнемъ. Объ этомъ же говорить изъ Нижняго послали въ Казань цѣлое посольство, въ которомъ былъ и Савва. Троицкая грамота, очевидно, служила для Саввы и другихъ руководителей Нижняго только поводомъ для бесѣды, но не приказомъ или обязательнымъ руководствомъ. Пошедшая отъ троицкой грамоты бесѣда привела къ отрицанію ея совѣтовъ,—и въ этомъ надо видѣть залогъ успѣха нижегородскихъ начинаній.

Вѣрный завѣтамъ Гермогена, Нижній началъ войну съ козаками раньше, чѣмъ съ поляками, и побѣдилъ ихъ. Козаки вошли въ составъ земскаго ополченія лишь тогда, когда покорились земщинѣ и погасили зажженное ими пламя общественной розни. Тѣ же изъ нихъ, кто все еще мечталъ сжечь этимъ пламенемъ старый общественный порядокъ, были вынуждены бѣжать изъ государства навсегда. И лишь тогда, когда были побѣждены козаки, русскіе люди успѣли одолѣть и поляковъ въ Москвѣ.

Пристальное изученіе нижегородскаго подвига, замѣняющее легенду исторіей, не только не стираетъ красокъ съ этой величавой исторической картины, но, напротивъ, освѣжаетъ ихъ до изумительно яркаго блеска. Поразительная минута глубокаго душевнаго возбужденія, пережитая народной массой съ Мининымъ и Саввою во главѣ, не пропадаетъ безслѣдно. Собраны деньги и люди, найденъ даровитый вождь Пожарскій, даны ему помощники и средства, выработанъ планъ дѣйствій,—и въ одну зиму созрѣла организація, широкая и мощная, осмотрительная и смѣлая, неторопливая и энергичная. Блескъ великаго народнаго генія освѣщаетъ эту картину, и въ его безсмертныхъ лучахъ всего виднѣе для насъ три нижегородскихъ имени: «сирота государевъ»—посадскій человѣкъ Мининъ, «слуга государевъ»—стольникъ князь Пожарскій и «государевъ богомолецъ»—протопопъ Савва.

Мининъ и Пожарскій.

М. А. Полевктова.

ИСТОРИЧЕСКАЯ легенда, прославляя подвигъ Минина и Пожарскаго, стираетъ индивидуальныя отличія каждаго изъ нихъ и замѣняетъ живыя лица однимъ общимъ героическимъ образомъ. Историческіе документы хранятъ память о такомъ различіи, и, вооруженная критикою, историческая наука, не умаляя заслугъ героевъ 1611 года, возстановляетъ реальныя условія ихъ дѣятельности и даетъ возможность выдѣлить личную долю участія каждаго изъ нихъ въ заключительныхъ событіяхъ Смутнаго времени.

Хорошо извѣстно общее положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ въ тотъ моментъ, когда начало развиваться такъ называемое нижегородское движеніе. Вся западная окраина государства была въ рукахъ враговъ— шведовъ и поляковъ. Въ московскомъ Кремлѣ засѣли бояре, присягнувшіе Владиславу, и польскій гарнизонъ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Стоявшіе таборомъ подъ Москвою козаки Трубецкаго и Заруцкаго плохо выдерживали взятую ими на себя роль освободителей государства отъ враговъ и устроителей порядка. Монахи Троицко-Сергіевской Лавры продолжали призывать къ защитѣ родины отъ враговъ; изолированные отъ окружающей дѣйствительности и, можетъ-быть, не имѣя возможности слѣдить за быстро развивающимися событіями, они стояли на старой точкѣ зрѣнія и видѣли этихъ враговъ только въ полякахъ. Ближе знакомый съ настроеніемъ козачества, патріархъ Гермогенъ выступилъ въ это время тоже на поприще политической агитаціи призывомъ къ борьбѣ какъ съ врагами-поляками, такъ и, главнымъ образомъ, съ измѣнниками-козаками.

Въ настоящее время установлено, что нижегородское движеніе было откликомъ на призывъ не Троицкой Лавры, но Гермогена, а взявшій это движеніе въ свои руки Козьма Мининъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ порыва чувства, но сознательно продуманному плану. Козьма Мининъ былъ по п

Памятникъ Минина и Пожарскаго въ Москвѣ

сіи говядарь, т.-е. скупщикъ скота и продавецъ мяса. Хотя
опись и говоритъ, что онъ «убогою куплею питался», есть
ѣстіе, однако, что его оборотъ доходилъ до 300 руб. въ
ъ и, слѣдовательно, былъ для того времени довольно значи-
льный. Въ 1611 г. занималъ выборную должность земскаго
росты, что по условіямъ того времени можетъ служить ука-
іемъ какъ на общественное къ нему довѣріе, такъ и на
имущественный достатокъ. Воззваніе Гермогена къ ниже-
одцамъ, посланное имъ въ августѣ, должно было пройти
езъ руки Минина, и еще задолго до октября мѣсяца (6 ок-
ря датирована первая грамота Троицко-Сергіевской Лавры)
начала свою агитацію «предъ всѣми въ земской избѣ».
да же начатъ былъ имъ и сборъ денежныхъ пожертвованій
ополченіе. Присылка въ Нижній троицкой грамоты дала
можность поставить сразу на широкую ногу дѣло, которое
о уже во всемъ ходу, и о которомъ, очевидно, уже много
орили въ городѣ. Минину удалось уже заручиться къ этому
мени сочувствіемъ нижегородскаго служилаго класса и адми-
трацiи. На предварительномъ совѣтѣ съ послѣдними было
ено собрать на другой день народъ въ кремлевскій Спасо-
бражевскій соборъ, гдѣ первымъ ораторомъ, защитникомъ
аго дѣла, и выступилъ протопопъ Савва Ефимьевъ, а Мининъ
вилъ практическую сторону программы. Въ его лицѣ на исто-
ческую сцену выступило тяглое населеніе, городской классъ,
вычный въ упорной спокойной работѣ, способный разо-
ться въ тяжелыхъ обстоятельствахъ минуты.

Былъ организованъ особый приказъ для сбора казны, и по
мальному приговору въ земской избѣ нѣсколько разъ назна-
ись экстренные «оклады», достигавшіе порою размѣра пятой
третьей деньги, т.-е. одной пятой или одной трети капи-
а. Однимъ изъ «окладчиковъ» былъ избранъ самъ Мининъ,
авившій при этомъ должность земскаго старосты. По всей
ютности, онъ довольно строго выполнялъ свои новыя обя-
ности, что не даетъ еще, конечно, основанія вѣрить леген-
ъ о продажѣ въ кабалу людей и т. п. Одновременно со сбо-
ъ денежныхъ суммъ начали собирать и «ратныхъ людей»,
глашая ихъ изъ всѣхъ понизовыхъ городовъ. Начальство
ъ ополченіемъ, вѣроятно по рекомендаціи Минина, было
ложено стольнику князю Димитрію Михайловичу Пожар-
му, находившемуся въ то время верстахъ въ 120 отъ Ниж-
о въ своей вотчинѣ.

Князья Пожарскіе происходили отъ стараго рода князей
родубскихъ, владѣвшихъ до XVI вѣка большими вотчинами
Нижегородскомъ и Суздальскомъ краѣ. Здѣсь на рр. Лухѣ
Тезѣ были и родовыя вотчины Пожарскихъ. При Іоаннѣ
зномъ служебное и имущественное положеніе Пожарскихъ
ьно пострадало отъ опричниковъ, и это одно опредѣляло уже
ошеніе къ событіямъ князя Димитрія Михайловича. Въ немъ
ли старыя княжескія традиціи. Начавъ свою службу при
ѣ Ѳеодорѣ «стряпчьимъ съ платьемъ», онъ ревниво относился
чести своего рода и видимо плохо уживался съ Борисомъ
уновымъ. Позднѣе онъ примыкаетъ къ «боярскому» царю
илію Шуйскому и вѣрно служитъ ему въ воеводахъ. Въ
08 г. онъ отсиживался съ Шуйскимъ отъ тушинцевъ и нѣ-
ько разъ выручалъ царя отъ опаснаго положенія. Въ 1610 г.
былъ назначенъ воеводою въ Зарайскъ и до конца удержи-
ъ городъ въ вѣрности Шуйскому. Когда послѣдній, наконецъ,
ъ «сведенъ съ престола», Пожарскій одинъ изъ первыхъ дви-
ся къ Москвѣ «выбивать» засѣвшихъ въ ней поляковъ. Въ битвѣ
послѣдними онъ былъ тяжело израненъ и принужденъ былъ
отправиться на покой лѣчиться отъ ранъ. Предшествующая дѣя-
тельность Д. Пожарскаго создала ему въ 1611 г. вполнѣ за-
служенную репутацію одного изъ лучшихъ боевыхъ воеводъ,
умѣвшаго, съ одной стороны, стойко выдерживать натискъ врага,
съ другой стороны, не поступаться и своими политическими
убѣжденіями. Этимъ и объясняется вполнѣ сознательный выборъ
нижегородцевъ, остановившихся на Пожарскомъ, помимо быв-
шихъ въ то время въ самомъ Нижнемъ воеводъ, князя Василія
Андреевича Звенигородскаго и Андрея Семеновича Алябьева.
Самъ Пожарскій высказывалъ сожалѣніе, что во главѣ ополче-
нія не можетъ стать такой столпъ дворянства, какъ князь
В. В. Голицынъ, томившійся въ то время въ польской неволѣ.

Ставъ въ концѣ октября во главѣ ополченія, Пожарскій
передалъ хозяйственную часть Минину и взялъ на себя ратное
дѣло и административныя обязанности, дѣйствуя, однако, обыкно-
венно только съ согласія «общаго совѣта», видное мѣсто въ
которомъ занималъ все тотъ же «заводчикъ» нижегородскаго
движенія. Въ «верховые» поволжскіе города, Вологду и Ярославль,
отъ имени Пожарскаго были посланы призывныя грамоты съ
приглашеніемъ стать заодно съ нижегородцами и понизовыми
городами противъ поляковъ и козаковъ. Во многіе города были
назначены правителями нижегородцы.

Всѣмъ вошедшимъ въ составъ ополченія было назначено до-
статочное жалованье—отъ 30 до 50 руб., и было заготовлено все
необходимое для далекаго похода. Собравъ подъ свои знамена
населеніе далеко не однихъ поволжскихъ городовъ, ополченіе въ
концѣ марта 1612 года двинулось изъ Нижняго. Выступая въ
походъ, Пожарскій избралъ, однако, не прямой путь на Москву,
но кружный—на Кострому и Ярославль съ цѣлью, очевидно,
хорошенько обезпечить за собою сѣверъ государства. Въ Яро-
славль ополченіе прибыло къ апрѣлю и оставалось здѣсь до
августа: необходимо было ясно опредѣлить отношеніе новаго
движенія къ общему положенію дѣлъ въ государствѣ.

Въ Ярославлѣ Пожарскій говоритъ уже въ своихъ грамо-
тахъ отъ лица «всея земли», созвавъ къ себѣ земскій соборъ
изъ выборныхъ отъ всѣхъ городовъ и чиновъ Московскаго го-
сударства. Въ войскѣ существуетъ правильный «совѣтъ», орга-
низована администрація по московскому образцу въ видѣ «при-
казовъ» и «избъ»; словомъ, въ моментъ государственной раз-
рухи здѣсь создается правильное временное правительство, ко-
торое и видитъ свою главную задачу въ возстановленіи обще-
ственнаго порядка.

Какъ представитель опредѣленной политической силы, По-
жарскій вступилъ прежде всего въ дипломатическіе переговоры
съ новгородскою областью и засѣвшими въ Новгородѣ шве-
дами и, не отвѣчая прямымъ отказомъ на предложеніе избрать
въ цари шведскаго королевича Карла-Филиппа, сумѣлъ не только
выиграть время, но и удержать шведовъ отъ какихъ-либо рѣ-
шительныхъ дѣйствій. Въ то же время передовые отряды
ополченія выбивали козаковъ изъ отдѣльныхъ занятыхъ послѣд-
ними городовъ. Пожарскій охотно принималъ въ ополченіе ко-
заковъ, пожелавшихъ перейти на «земское жалованье», но рѣ-
шительно отказывался вступать въ какія-либо сношенія съ
козацкими предводителями, Трубецкимъ и Заруцкимъ. И коза-
чество скоро поняло характеръ той силы, представителемъ
которой выступалъ Пожарскій. Въ Ярославлѣ на него было со-
вершено покушеніе; злоумышленникъ, будучи схваченъ, со-
знался, что онъ подосланъ Заруцкимъ. Рядомъ послѣдователь-
ныхъ мѣропріятій и образцовою организаціею ополченію удалось,
тѣмъ не менѣе, одержать верхъ и надъ козаками. При извѣстіи

о приближеніи къ Москвѣ войска гетмана Ходкевича, Заруцкій и Трубецкой сами оповѣстили объ этомъ Ярославль и звали Пожарскаго поспѣшить къ Москвѣ. При приближеніи ополченія Заруцкій предпочелъ, однако, уйти къ Рязани, а многіе изъ городскихъ служилыхъ людей, стоявшіе до этого вмѣстѣ съ козаками, теперь ихъ покинули. Козачество должно было подчиниться авторитету земской рати и примириться съ тѣмъ, что, подойдя къ Москвѣ, Пожарскій рѣшилъ «отнюдь вмѣстѣ съ козаками не сиживать» и расположился отдѣльно отъ таборовъ Трубецкаго. Случилось это, однако, не сразу. Во время борьбы съ подошедшимъ Ходкевичемъ въ козакахъ долго еще замѣчалось колебаніе, и не разъ Пожарскій обвинялъ ихъ въ воровскихъ замыслахъ. Только къ октябрю между начальниками обоихъ ополченій состоялось формальное соглашеніе. На нейтральной почвѣ, между двумя лагерями на Неглинной, они «по челобитью и по приговору всѣхъ чиновъ людей стали во единачествѣ и укрѣпились, что намъ (т.-е. Пожарскому и Трубецкому) да выборному человѣку Козьмѣ Минину Московскаго государства доступать и Россійскому государству добра хотѣть безъ всякія хитрости».

Во время рѣшительнаго сраженія съ гетманомъ Ходкевичемъ руководящая роль въ ополченіи принадлежала, конечно, Пожарскому. Существуетъ, однако, извѣстіе, что въ критическую минуту, когда упорство поляковъ казалось непреодолимымъ, Мининъ не только воодушевилъ рать словомъ, но самъ повелъ въ бой одинъ отрядъ, что и способствовало окончательному пораженію гетмана. Послѣ того какъ удалось заставить Ходкевича отойти отъ Москвы, выбить польскій гарнизонъ изъ Кремля не представляло уже особой трудности.

Роль нижегородскаго ополченія не окончилась съ освобожденіемъ Москвы отъ поляковъ. Оно приняло дѣятельное участіе въ дальнѣйшемъ очищеніи земли отъ враговъ. Но избраніе будущаго царя было вождями ополченія передано въ руки созваннаго для этого дѣла новаго земскаго собора, состоявшаго изъ выборныхъ отъ всѣхъ областей Московскаго государства. Какова была личная роль Минина и Пожарскаго на избирательномъ соборѣ 1613 г., съ точностью сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что во время предвыборныхъ переговоровъ и совѣщаній они были одни изъ тѣхъ, которые настаивали на томъ, что царь долженъ быть избранъ изъ русскихъ. Очень можетъ быть, что представитель тяглаго класса, Мининъ сразу же былъ за кандидатуру неродовитаго Михаила Романова. Былъ ли согласенъ съ самаго начала на такое разрѣшеніе вопроса «княжичъ» Пожарскій, остается неизвѣстнымъ.

Во время коронованія Михаила Ѳеодоровича Минину было «сказано» думное дворянство. Стольникъ князь Пожарскій пожалованъ въ думные бояре. Любопытно, однако, что во время самаго торжества Пожарскій игралъ далеко не первенствующую роль и зачастую долженъ былъ уступать мѣсто многимъ другимъ боярамъ и даже своему недавнему сопернику князю Трубецкому. При совершеніи обряда коронованія вторую по чину регалію, скипетръ, держалъ Трубецкой, и третью, «яблоко великодержавное»,—Пожарскій.

По документамъ можно прослѣдить и дальнѣйшую судьбу героевъ 1612 г. Мининъ прожилъ недолго и остатокъ своей жизни, видимо, пользовался большимъ довѣріемъ при дворѣ. Въ 1615 г. во время отлучки царя ему было поручено беречь Москву. Въ слѣдующемъ году онъ былъ наряженъ производить розыскъ по случаю бывшаго на Волгѣ возстанія татаръ и черемисовъ. Возвращаясь въ Москву послѣ окончанія этого порученія, онъ скончался. Пожарскій при дворѣ все это время затеривается и отличается далеко не постольку, поскольку мы въ правѣ были бы того ожидать въ виду его предшествующихъ заслугъ. Потомку стараго рода, сокрушеннаго режимомъ Грознаго, ему его имя служитъ скорѣе помѣхою при прохожденіи придворной карьеры. Правительство не прочь, однако, воспользоваться его боевою опытностью, и мы не разъ встрѣчаемъ его на южныхъ окраинахъ государства, знакомыхъ ему еще со времени царя Шуйскаго. Уже въ 1615 году его посылаютъ гоняться за Лисовскимъ. И, пока во главѣ дѣла стоялъ Пожарскій, погоня продолжалась успѣшно. Около Калуги Пожарскій заболѣлъ и принужденъ былъ уступить начальство другимъ лицамъ, которыя, въ концѣ концовъ, такъ и не изловили храбраго польскаго наѣздника. Когда черезъ два года послѣ этого на Москву двинулся Владиславъ, и многіе города уже были имъ взяты, Пожарскій былъ наряженъ въ Калугу, отбилъ приступъ врага и заставилъ его отойти къ Вязьмѣ. Вскорѣ послѣ этого при извѣстіи о томъ, что на помощь Владиславу съ юга идетъ гетманъ Сагайдачный, Пожарскій былъ переведенъ въ Серпуховъ. Здѣсь здоровье снова ему измѣнило, и ему было приказано вернуться въ Москву. Преемники его не сумѣли задержать Сагайдачнаго. Имя его упоминается еще въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія, во время неудачнаго похода подъ Смоленскъ Шеина. Самостоятельной роли въ этомъ походѣ Пожарскій не игралъ.

Таково было дѣло Минина и Пожарскаго. Въ тяжелую годину бѣдствія, при банкротствѣ, правильнѣе сказать, полномъ отсутствіи какого бы то ни было правительства, общество взяло на себя дѣло самоопредѣленія и самоустроенія, но успѣшно выполнить это дѣло оно смогло только тогда, когда активная роль перешла къ дѣловымъ людямъ, тяглому городскому населенію, погруженному до того въ будничное сѣрое дѣло, но таившему въ себѣ, какъ это доказалъ Мининъ, способность къ идеальному порыву, широкому размаху на здоровой дѣловой подпочвѣ. Большое дѣло получило авторитетъ и стало рыцарскимъ подвигомъ, когда его покрылъ своимъ именемъ родовитый бояринъ, соблюдшій свою честь, когда все кругомъ поисшаталось. Дѣло было сдѣлано, и порядокъ на Руси возстановился. Возрожденное правительство скоро, однако, начало искать себѣ опоры помимо тѣхъ силъ, какія способствовали его возрожденію, и нашло такую опору въ приказномъ строѣ. Аристократическимъ доблестямъ Пожарскаго не нашлось при этомъ мѣста. Какъ ужился бы съ этимъ новымъ строемъ Мининъ, если бы прожилъ дольше, также сказать трудно.

ГДИ ПРИИДИ
СИБСЕ ИБИЖ
ДЬ : ИПОСТ
ТИ БИНОГРА
СЕЙ ИСОКЕР
ШІИ ЕГОЖЕ
НАСАДИ ДЕ
НИЦА ТВОЖ

B. 2. 52 70

Филаретъ Никитичъ,

митрополитъ Ростовскій, патріархъ всея Руси.

А. Е. Прѣснякова.

Историкъ, который захотѣлъ бы найти среди пестрой и разнообразной толпы дѣятелей Смутнаго времени фигуру центральную, человѣка, чьи личныя судьбы тѣсно сплелись со всѣми перипетіями бурной эпохи, чья личная воля, энергія и ловкость постоянно стремились направить по своему теченіе событій богатаго событіями и катастрофами историческаго періода, естественно остановится на личности боярина Ѳедора Никитича Романова, во иночествѣ Филарета. Родившійся около 1553 г., онъ принадлежалъ къ старому боярскому роду Захарьиныхъ-Кошкиныхъ, игравшему видную роль во дворцѣ московскихъ государей съ XIV вѣка. Женитьба царя Іоанна Грознаго на дочери Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина открыла потомству царскаго тестя, которое и писаться стало по его имени Романовыми-Юрьевыми, путь къ широкому государственному вліянію. Братъ царицы Анастасіи, Никита Романовичъ, занялъ въ Москвѣ почетное мѣсто, не только какъ одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ царя, но и какъ единственный бояринъ временъ Грознаго, пользовавшійся въ народѣ доброй памятью и прославленный въ народной пѣснѣ за защиту неповинныхъ жертвъ царскаго гнѣва въ страшные годы опричнины. Большое вліяніе, которое онъ сохранилъ до самой смерти грознаго царя, и сложныя родственныя отношенія многолюдной семьи Романовыхъ въ боярской средѣ—поставили Никиту Романовича во главѣ цѣлой значительной партіи того новаго боярства, которое создалось по мѣрѣ роста власти московскихъ государей и состояло изъ фамилій не княжескихъ, не титулованныхъ, а опиравшихся въ своемъ возвышеніи на родство и свойство съ царствующимъ домомъ, на милость царскую и служебную карьеру. Эта придворная знать въ царствованіе Грознаго взяла верхъ надъ княжатами, потомками князей удѣльныхъ, значеніе и благосостояніе которыхъ было окончательно сломлено во времена опричнины. Переходъ власти въ руки слабаго Ѳедора Іоанновича въ 1584 г. передалъ управленіе государствомъ въ руки его дяди Никиты Романовича. Но болѣзнь сразила его уже осенью того же года, а къ веснѣ слѣдующаго — свела въ могилу. Ни одинъ изъ пяти его сыновей не имѣлъ еще въ это время боярскаго сана, не былъ участникомъ царской думы. Первенство въ правительственномъ кругѣ перешло къ Борису Годунову, которому Никита Романовичъ завѣщалъ заботу о сыновьяхъ, связавъ его клятвой имѣть ихъ «въ завѣщательномъ союзѣ дружбы».

Среди Никитичей—старшій, Ѳедоръ, выдѣлялся не только старшинствомъ, но и личными дарованіями. Онъ наслѣдовалъ отъ отца его популярность. Привѣтливаго и радушнаго боярина хорошо знала Москва. Его щегольство вошло въ поговорку; если на комъ платье хвалили, то говорили: сидитъ, какъ на Ѳедорѣ Никитичѣ. Но не такой славы хотѣлъ бояринъ. Большое честолюбіе, политическій темпераментъ и неутомимая энергія влекли его къ видной, исторической роли. Ранняя смерть отца, ставшаго-было во главѣ государства, какъ бы указывала Ѳедору цѣль его стремленій. Съ 1587 года Ѳедоръ Никитичъ сталъ бояриномъ. Покровительство Годунова было уже не нужно, а его первенство, обрекавшее Ѳедора на роль второстепенную, могло представляться обиднымъ и даже несправедливымъ честолюбивому наслѣднику Никиты, который, конечно, сознавалъ, насколько самъ Борисъ обязанъ своимъ возвышеніемъ поддержкѣ того боярскаго круга, въ центрѣ котораго стояли Романовы. И въ 1598 г., когда умеръ царь Ѳедоръ, Романовы выступили главными противниками избранія Годунова на царство. Въ Москвѣ ходили слухи, записанные иностранцами, что царь Ѳедоръ приказалъ Ѳедору Никитичу быть послѣ себя на царствѣ. Передавали, что Ѳедоръ говорилъ Годунову: «ты не можешь быть великимъ княземъ, если только не выберутъ тебя единодушно; но я сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, такъ какъ ты низкаго происхожденія». Несомнѣнно, что была партія, предпочитавшая видѣть на царствѣ Романова, а не Годунова. На Ѳедора Никитича указывали, какъ на двоюроднаго брата царя Ѳедора, племянника царицы Анастасіи. Когда же выяснилось, что грозитъ «единодушный» выборъ Бориса земскимъ соборомъ, партія Романовыхъ выступила съ фантастической кандидатурой Симеона Бекбулатовича, игравшаго роль великаго князя всея Руси по капризу Грознаго въ годы опричнины, и съ обвиненіемъ Бориса въ рядѣ преступленій: убіеніи царевича Димитрія, отравленіи царя Ѳедора и его дочери. Въ этихъ разсказахъ Ѳедору Никитичу приписывалась роль мстителя, готоваго своей рукой покарать убійцу.

Помѣшать избранію Годунова не удалось. И царь Борисъ одно время, повидимому, искалъ способовъ возстановить «союзъ дружбы» съ Романовыми. При самомъ вѣнчаніи своемъ на царство онъ сказываетъ боярство Александру и Михаилу Никитичамъ и ихъ роднѣ, князьямъ Черкасскому и Катыреву-Ростовскому. Но довѣрять Романовымъ онъ не могъ и окружилъ ихъ тайнымъ надзоромъ, поощряя къ шпіонству и доносамъ ихъ слугъ. Въ 1601 г. и разразилась надъ Никитичами царская опала по доносу ихъ служилаго человѣка Второго Бартенева. Гласно обвинили ихъ въ волшебствѣ, будто, найдя у одного изъ

сынъ-царь. Его участіе въ государственной власти было обо-
лено какъ титуломъ «великаго государя», который онъ носилъ
такъ и порядкомъ правительства, въ коемъ дѣлахъ вмѣстѣ съ
своимъ государемъ принять присягу отъ всѣхъ его подданныхъ
и царь Михаилъ заявлялъ, что «какого отъ государя титула и
отчества его государевы великаго государя святѣйшаго патріарха и
изъ государскаго величества вырастаетъ». Современники говорили о Филаретѣ, что онъ «нравомъ опасливъ и жестокъ, а
властолюбецъ такъ, яко и самому царю отъ него боятися; бояръ же
и всякихъ чинъ людей царскаго свѣдомъ сдѣлалъ тоненькимъ
и ниже воздыхать». И не сомнѣвались въ его
двухъ могущихъ государей истинный правитель государства.

Филаретъ достигъ власти, которой добивался въ теченіе всей
своей жизни. Пройдя жизнь сильнымъ отъ рождения натурой и обогатив
ся сильной умъ разнообразнымъ общественнымъ и политическимъ опытомъ. Но въ всѣхъ
своихъ дѣлахъ, связанныхъ с содержательной творческой силой, видѣть въ немъ умнаго и энергичнаго администратора, умѣющаго
понять обстоятельства, чтобы реформатора, который умѣлъ
только использовать данныя условія, но и творчески измѣнять
ихъ. Въ разстроенномъ «великой разрухой» Московскомъ
государствѣ первыя правительственныя перемѣны царя изъ
семьи Романовыхъ стоили прежде всего, задачи—возстановить государственный порядокъ. И Филаретъ имѣлъ большія
Первымъ его дѣломъ было увѣнчать царя въ дѣлѣ внутренняго
государственныхъ дѣлъ. Объ этомъ статьяхъ этого патріаршаго доклада состоялся, въ томъ же 1613 г., приговоръ земскаго собора, «какъ бы то исправить и земли устроить», ставшій
программой всей дальнѣйшей дѣятельности московскаго правительства въ царствованіе Михаила Филаретовича. Правительство
спѣшитъ собрать свѣдѣнія о степени разоренія страны послѣ
Смуты. Съ 1619 года производится рядъ переписей, представившихъ яркую картину этого разоренія. Населеность большей
части областей уменьшилась болѣе чѣмъ вдвое, размѣры запашекъ—въ нѣсколько разъ. У большей части провинціальныхъ
дворянъ вовсе не оказалось вотчинъ, а помѣстья, данныя имъ
отъ государя, въ такомъ состояніи запустѣнія, что служить помѣщикамъ было «не съ чего». Иныя имѣнія были совсѣмъ
пусты, безъ крестьянъ, въ другихъ по 3—4 крестьянина, и
земля оставалась безъ обработки. Города запустѣли не меньше
деревень; въ иныхъ вовсе не было посадскихъ людей, въ другихъ ихъ число уменьшилось до ничтожнаго числа. Сама Москва
обезлюдѣла на двѣ-трети. Разореніе среднихъ слоевъ населенія,
мелкихъ землевладѣльцевъ, несшихъ всю тяжесть обороны государства, и людей посадскихъ, торгово-промышленнаго класса,
важнаго для казны своимъ податнымъ тягломъ, разореніе массы
тяглаго крестьянства—все это подрывало военныя и финансовыя
силы государства. На возстановленіе этихъ силъ и средствъ
и направилась дѣятельность правительства подъ руководствомъ
Филарета. Устройство служилаго класса, путемъ правильной раздачи ему земель и распредѣленія служебной тяготы пропорціонально имѣющимся средствамъ, его увеличеніе, путемъ надѣленія помѣстьями козаковъ, «которые отъ воровства отстали и которыхъ въ службу верстать можно»; преобразованіе податной системы переносомъ подати съ земли на дворъ, что одновременно облегчало расширеніе запашекъ и увеличивало число плательщиковъ,—словомъ, рядъ мѣръ для обезпеченія «государева дѣла», военной службы и податного тягла составляютъ главную заботу правительства. Интересы «государева дѣла» совпадали, главнымъ
съ интересами именно среднихъ слоевъ населенія.

Какъ въ жизни были для нихъ тяжелы крѣпостничество, но
голодъ и притѣсненія жадныхъ руками разныхъ вы
правительства и жизнь этихъ прислугъ къ обезпечить
ныхъ крѣпостныхъ лучшихъ служилыхъ людей, к
на вновь съ лучшей долей были вновь военную с
бывали въ полкъ «конные, пѣшіе и пушкари». А дворяне
и дѣти боярскіе на разрядныхъ для нихъ крестьянъ
дворянъ и на тѣ, что сильные люди, крупные землевладѣ
бояръ и монастыри, увеличить и насильно увозить отъ
крестьянъ. Правительство рѣшилось идти навстрѣч
крупнымъ, не рѣшилось еще на полное закрѣп
вовсѣ сильнѣе. Но достигнуть это дѣло, заве
вое, какъ крѣпостное, «Уложеніемъ» царя Алексѣя Михаи
въ 1649 г. Меньше нужды было новое правительство въ с
тѣхъ для тяглаго населенія. Отмѣнены финансовыя п
вновь были затѣяли отъ увеличить подати—новая под
подать была вдвойнѣ тяжелѣе старой поземельной,—с
отъ тягла тяглы временныя льготы для особо ра
ныхъ имѣющихъ потребность въ иностранныхъ товарахъ
стяжей имѣетъ привилегіи къ раздачѣ льготъ безпошлинно
иностраннымъ купцамъ, въ ущербъ торгамъ русска
купечества.

Устраивая такими средствами «государево дѣло», прави
тельство Филарета и Михаила въ то же время возстановляло с
формы центральныя и областного управленія, вводя новое
тѣмъ, что тѣ самыя обстоятельства къ тому вынуждали. Въ ст
возстановляется приказы, число которыхъ постепенно ра
ныхъ въ высшія инстанціи. Дѣла изъ приказовъ идут
«Расправную Палату», административное засѣданіе думы.
высшей верховной власти постарому окружен боярской
но это не прежняя аристократическая, княжеская ду
«ближней» совѣтъ государевъ изъ людей довѣренныхъ
выдвинутыхъ службой и царской милостью, независимо отъ
рода». По мѣрѣ возстановленія центральныхъ учрежденій
бѣетъ потребность въ поддержкѣ земскаго собора. Не прекр
шій своихъ засѣданій съ избранія новаго царя до возвра
Филарета земскій соборъ до 1619 г. дѣлитъ съ царемъ
законодательственный авторитетъ, и дѣла рѣшаются «царскимъ ук
и всея земли приговоромъ». Едва ли будетъ ошибкой ск
что въ это время, которое сами современники считали
государственнымъ», «приговоры земли» имѣли рѣшающее
ченіе. Но возстановленіе сильной центральной власти съ
ломъ Филарета обратило соборъ въ покорное орудіе прави

На первый взглядъ можно было бы, повидимому, ож
что въ области управленія и суда будутъ играть большую
тѣ самоуправляющіеся земскіе міры, которые въ годину
проявили такую политическую зрѣлость, такъ дѣятельно и
организовали борьбу съ врагомъ и, объединившись въ з
соборъ, возстановили разрушенное Московское государств
дѣлѣ мѣстное самоуправленіе быстро падаетъ, и управленіе о
ное переходитъ въ руки воеводъ, объединившихъ въ своих
кахъ управленіе уѣздами по дѣламъ военнымъ, полицейск
судебнымъ. Выборные люди вполнѣ подчинились воеводамъ,
ихъ отвѣтственные помощники по сбору податей и охранѣ пол
скаго порядка.

Вся эта организація управленія, возстановляя правитель
ную силу, тяжело легла на народъ. Въ царствованіе Ми
часто доходили до правительства громкія жалобы на прит
нія и обиды отъ приказныхъ людей, на то, что—говоря
вами этихъ жалобъ: «обнищали мы и оскудѣли до конца

твоихъ государевыхъ воеводъ». И правительство не оставалось глухимъ,—но строгіе указы противъ взятокъ и вымогательствъ не помогали, а созданный Филаретомъ «приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ», характеренъ для его административныхъ понятій, но едва ли могъ помочь въ дѣлѣ борьбы съ злоупотребленіями безконтрольной приказной и воеводской власти.

Всматриваясь въ общій складъ государственной политики Филарета, нетрудно узнать знакомыя черты. Питомецъ той боярской среды, которая создана въ противовѣсъ потомкамъ удѣльныхъ князей властью московскихъ государей XVI в., бояръ-княжатъ, сынъ Никиты Романовича, бывшаго правой рукой царя Іоанна Грознаго во вторую половину его царствованія, сперва другъ, а потомъ соперникъ Годунова—Филаретъ и въ своемъ покровительствѣ среднимъ слоямъ населенія въ ущербъ знати и крестьянству, и въ стремленіи къ созданію сильной, централизованной и независимой власти—является прямымъ продолжателемъ политики Грознаго и Годунова. И ему удалось положить прочное основаніе такого государственнаго и общественнаго строя, выстроить который въ борьбѣ со стариной тщетно пытались его предшественники.

Такимъ же властнымъ администраторомъ и искуснымъ организаторомъ является Филаретъ въ дѣлахъ церковнаго управленія. Насильно постриженный въ монахи, Филаретъ былъ чуждъ богословскому и каноническому образованію и смотрѣлъ на церковное управленіе тѣми же глазами, какъ на управленіе государственное. Церковь была для него, прежде всего, учрежденіемъ, которое надо устроить такъ же, какъ строилъ онъ государство. Онъ переноситъ цѣликомъ на свое патріаршеское управленіе формы приказнаго завѣдыванія дѣлами. Дѣла по управленію патріаршескому сосредоточены въ приказахъ Дворцовомъ, Судномъ и Казенномъ, которые по устройству и дѣятельности были довольно точнымъ воспроизведеніемъ царскихъ приказовъ. Получивъ власть не по каноническому избранію, а естественно, почти по «праву», которое признали за царскимъ отцомъ, онъ и для духовенства былъ, прежде всего, «великимъ государемъ». Судъ въ патріаршемъ судѣ былъ «въ духовныхъ дѣлахъ, и въ смертяхъ, и въ иныхъ во всякихъ дѣлахъ, противъ того же, что и въ царскомъ судѣ». Казенный приказъ вѣдалъ доходы съ патріаршей области, которые состояли изъ дани, взимавшейся съ дворовъ духовенства и причтовъ за право пользованія усадьбою, налога на доходъ духовенства съ требъ, дани съ пахотной земли и угодій духовенства и разныхъ болѣе мелкихъ сборовъ. Ни одна епархія не выработала такой стройной и однообразной для всѣхъ приходовъ системы обложенія, какъ обширная патріаршеская область при Филаретѣ. Для этого дѣла производились тщательныя переписи всѣхъ приходовъ и церквей, всего тяглаго духовенства.

Такъ и въ области патріаршескаго управленія Филаретъ создалъ строгія формы государственнаго властвованія высшаго чернаго духовенства надъ приходскимъ священствомъ. Въ дѣлахъ же чисто церковныхъ онъ оставилъ мало слѣда. Заботы о печатаніи и исправленіи церковныхъ книгъ не привели къ той широкой постановкѣ дѣла, какое оно получило позднѣе, хотя при Филаретѣ и вышло изъ типографіи больше книгъ, чѣмъ было ихъ напечатано до него со временъ Грознаго. Необходимое для подъема церковнаго просвѣщенія сближеніе съ греками только завязалось при Филаретѣ, благодаря личному вліянію, какое пріобрѣлъ поставившій Филарета въ патріархи іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ. Личные взгляды Филарета въ вопросахъ церковныхъ не всегда отличались правильностью. Такъ, онъ провелъ постановленіе, чтобы совершался заново обрядъ крещенія надъ принимаемыми въ лоно православной церкви католиками и уніатами и даже тѣхъ «бѣлорусцевъ», которые крещены хоть и въ православіи, но черезъ обливаніе, а не погруженіе. Въ такихъ чертахъ его дѣятельности, и въ общей односторонности его патріаршаго управленія сказывался его характеръ политическаго дѣятеля и властнаго администратора, стремившагося къ царской власти и лишь злою судьбою вырваннаго изъ среды свѣтскихъ дѣятелей.

Патріархъ Филаретъ скончался 1 октября 1633 года. Много пришлось пережить послѣ того смутъ и волненій Московскому государству XVII вѣка. Но зданіе государственное было возстановлено и выдержало дальнѣйшія испытанія. И въ этомъ историческое дѣло «великаго государя, святѣйшаго патріарха всея Руси» Филарета Никитича.

11886
Ч 1-13

Содержаніе.

стр

Предисловіе.

Смутное время. *А. Е. Прѣснякова* 5

Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Изъ „Очерковъ исторіи Смуты“ проф. *С. Ѳ. Платонова* 6
Съ фототипіей.

Лжедимитрій I. Прив.-доц. *М. А. Поліевктова* 11
Съ тремя автотипіями и двумя портретами въ текстѣ.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій. 19 мая 1606 г.—17 іюля 1610 г. Прив.-доц. *С. В. Рождественскаго.* 16
Съ фототипіей.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. *Платона Гр. Васенко* 21
Съ автотипіей.

Станиславъ Жолкѣвскій. *К. В. Хилинскаго* 24
Съ автотипіей.

Патріархъ Гермогенъ. *Платона Гр. Васенко* 30
Съ фототипіей.

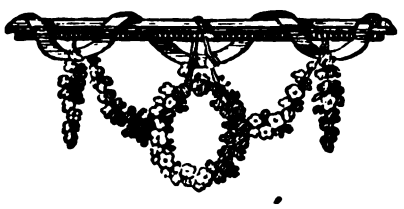
Прокопій Ляпуновъ. *А. Е. Прѣснякова* 36

Авраамій Палицынъ. *Платона Гр. Васенко* 39

Савва Ефимьевъ, протоп. Спасо-Преображенскаго собора въ Нижнемъ-Новгородѣ. Проф. *С. Ѳ. Платонова.* 43

Мининъ и Пожарскій. Прив.-доц. *М. А. Поліевктова* 46
Съ изображеніемъ памятника въ Москвѣ, помѣщеннымъ въ текстѣ.

Филаретъ Никитичъ, митрополитъ Ростовскій, патріархъ всея Руси. *А. Е. Прѣснякова.* 49



Ежемѣсячные выпуски; къ 15 декабря 1904 г. вышло **40** выпусковъ, изъ коихъ 20 составляютъ **8** законченныхъ сочиненій. Всѣхъ выпусковъ будетъ около 55-ти. Все изданіе будетъ закончено въ **1905** году.

БИБЛІОТЕКА ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ

ПОДЪ РЕД. ПРОФ. **П. И. Броунова** и **В. А. Фаусека.**

Систематическая серія популярныхъ естественно-научныхъ книгъ (каждая—вполнѣ самостоятельное и законченное цѣлое); наглядность путемъ обилія рисунк., картъ и иллюстрацій; особое вниманіе обращено на изображеніе русской природы. Продолжаются печатаніемъ: «ЗЕМЛЯ и ЖИЗНЬ» проф. *Ратцеля*, «МІРЪ РАСТЕНІЙ» *Шумана-Гильга*, «НАСѢКОМЫЯ» *Шарпа*, «МЛЕКОПИТАЮЩІЯ» *Е. А. Бихнера*, «ПТИЦЫ» проф. *М. А. Мензбира*.

Цѣна кажд. выпуска **1** р. **50** к. безъ пересылки безъ перепл. Разсрочка: задатокъ отъ **5** р. и ежемѣс. отъ **3** р. Высылаются всѣ вышедшіе выпуски, а новые—по мѣрѣ ихъ выхода, съ присоединен. ихъ стоимости къ оставш. долгу.

Закончены и продаются также отдѣльно:

Силы природы и пользованіе ими, проф. Л. Грунмаха и Э. Розенбоома. Приложеніе проф. И. И. Боргмана: «Новые лучи и радіоактивность». Цѣльный и совершенно *популярный* курсъ ФИЗИКИ. 663 стр., 807 рис. въ текстѣ, 72 иллюстраціи на 21 таблицѣ, въ т. ч. 6 таблицъ *раскрашенныхъ*. **Цѣна 6 руб., въ перепл. 7 руб.**

Тайны неба, І. І. Литрова. Общедоступн. изложеніе всѣхъ отдѣловъ АСТРОНОМІИ. Всѣ новѣйшія открытія. Настольная книга для всякаго любителя астрономіи (списки различныхъ интересныхъ для наблюденія небесныхъ тѣлъ—двойныхъ и перемѣнныхъ, звѣздъ, туманностей, звѣздныхъ скопленій и т. п.). Прекрасное пособіе для преподающихъ космографію въ средн. учебн. завед. 958 стр., 336 рис. въ текстѣ, 8 *раскрашенныхъ* и 44 черныхъ отдѣльныхъ таблицъ. **Ц. 7 руб. 50 коп., въ перепл. 8 руб. 50 коп.**

Общее землевѣдѣніе, проф. Ю. Ганна и Э. Брюкнера. І. Земля, ея атмосфера (метеорологія) и гидросфера (океанографія). Дополненія объ изслѣдованіяхъ въ Россіи по изученію земного магнетизма и сѣверн. сіяній, метеорологич. явленій, русскихъ морей проф. П. И. Броунова и І. Б. Шпиндлера. II. Земная кора, съ дополненіями по геологіи Россіи проф. Н. И. Андрусова. 614 стр., 360 рис. въ текстѣ, 8 черныхъ, 12 *раскрашенныхъ* таблицъ и 11 *картъ*. **Ц. 6 р., въ перепл. 7 р.**

Минеральное царство, Г. Гюриха. Полный общедоступный обзоръ драгоцѣнныхъ камней, рудъ и другихъ ископаемыхъ, пріуроченный къ описанію вещей, общеизвѣстныхъ изъ житейскаго обихода. Обширныя дополненія о минеральныхъ богатствахъ Россіи С. И. Созонова. Съ приложеніемъ очерка «Почвовѣдѣніе» прив.-доц. П. В. Отоцкаго. 722 стр., 531 рис. въ текстѣ, 1 почвенная *карта* Россіи, 4 *раскрашенныхъ* и 48 черныхъ таблицъ. **Ц. 6 руб., въ перепл. 7 руб.**

Общая физіологія, проф. І. Розенталя. Введеніе въ изученіе естествознанія и медицины. Обзоръ общихъ началъ естествознанія и біологіи. Приложены ст. Спенсера, Бунге и Бючли о біомеханизмѣ и витализмѣ. 377 стр., 137 рис. въ текстѣ. **Ц. 3 руб., въ перепл. 4 руб.**

Гады и рыбы, проф. А. М. Никольскаго. Совершенно популярное описаніе жизни гадовъ и рыбъ; многочисленные рисунки изъ рѣдкихъ спеціальн. сочиненій; можетъ служить опредѣлителемъ русскихъ гадовъ и рыбъ (прѣсноводныхъ и морскихъ) для всякаго любителя во всѣхъ мѣстностяхъ Росс. Имперіи; свѣдѣнія и рисунки по русск. рыболовству. 872 стр., 440 рис. въ текстѣ, 3 *раскрашенныхъ* и 70 черныхъ таблицъ. **Ц. 7 руб. 50 коп., въ перепл. 8 руб. 50 коп.**

Распредѣленіе растеній, проф. Е. Варминга. Ученіе о распредѣленіи растеній въ зависимости отъ условій окружающей среды; особое дополненіе прив.-доц. Г. И. Танфильева о распредѣленіи растеній и растительныхъ формаціяхъ въ Россіи (тундры, лѣса, степи и т. д.). 474 стр., 103 рис. въ текстѣ, 37 черныхъ таблицъ и ботанико-географическая карта Россійской Имперіи. **Ц. 4 руб. 50 коп., въ перепл. 5 руб. 50 коп.**

Бактеріи и грибки, проф. Ф. Лафара Приложеніе прив.-доц. С. И. Гольдберга-Златогорова: «О важнѣйшихъ болѣзнетворныхъ микроорганизмахъ». Обширный указатель литературы по бактеріологіи. 443 стр., 152 рис. въ текстѣ, 1 черная и 3 *раскрашенныхъ* таблицы. **Ц. 3 руб., въ перепл. 4 руб.**

Требованія и деньги адресовать: СПБ., Прачешный, 6. Контора Редакціи БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ

Для всѣхъ читающихъ ⁂ Для всѣхъ мыслящихъ

НОВОЕ роскошно-иллюстрированное сочиненіе Элизе Реклю **«ЧЕЛОВѢКЪ и ЗЕМЛЯ»** выходитъ **одновременно** въ Парижѣ на французскомъ и въ С.-Петербургѣ на русскомъ языкѣ. Все изданіе будетъ закончено въ 2 года.

40 выпусковъ Ц. 1 выпуска безъ перес. **75** коп.

Проспекты по требованію безплатно.

Требованія и деньги адресовать: С.-Петербургъ, Прачешный, 6. Въ контору изданій БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

CT 1213 .P74 f
Ljudi Smutnogo vremeni /
Stanford University Libraries
3 6105 041 346 441

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.